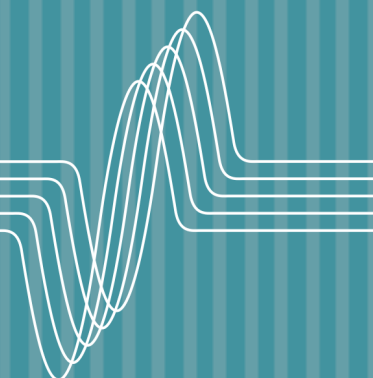
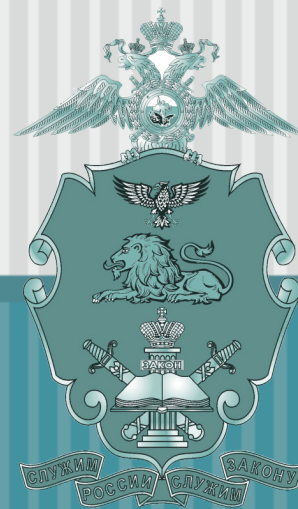

ISSN 2313-5646

2' 2022

ВЕСТНИК

БЕЛГОРОДСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО
ИНСТИТУТА МВД РОССИИ
ИМЕНИ И.Д. ПУТИЛИНА

ВЕСТНИК БЕЛГОРОДСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ ИМЕНИ И.Д. ПУТИЛИНА. 2022. № 2.

Учредитель и издатель:
Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации СМИ серия ПИ № ФС77-80715 от 9 апреля 2021 года.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА:

Главный редактор – Амелчаков И.Ф., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)
Заместитель главного редактора – Дизер О.А., доктор юридических наук, доцент (Россия, Белгород)

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Александров А.Н., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)
Камышанский В.П., доктор юридических наук, профессор (Россия, Краснодар)
Карагодин А.В., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)
Катаева О.В., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)
Кириллов М.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Чебоксары)
Колмаков П.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Сыктывкар)
Кудрявцев А.В., доктор юридических наук, доцент (Россия, Владимир)
Кузнецов А.П., доктор юридических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)
Максименко А.В., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)
Машина С.Н., доктор юридических наук, профессор (Россия, Воронеж)
Нижник Н.С., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Новикова Е.А., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)
Нудненко Л.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Петрянин А.В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)
Россинский С.Б., доктор юридических наук, доцент (Россия, Москва)
Самсонов В.Н., доктор юридических наук, профессор (Россия, Белгород)
Солдатов А.П., доктор юридических наук, профессор (Россия, Краснодар)
Старилов Ю.Н., доктор юридических наук, профессор (Россия, Воронеж)
Старосельцева М.М., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)
Степкин Р.М., кандидат юридических наук (Россия, Белгород)
Ткачук Т.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Владимир)
Турагин В.Ю., доктор юридических наук, доцент (Россия, Белгород)
Хужин А.М., доктор юридических наук, доцент (Россия, Нижний Новгород)
Черняков С.А., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)
Шаров В.И., доктор юридических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук

Заведующий редакцией: Маркова Ю.В.
Редактор: Олейникова Е.А.
Дизайн и компьютерная верстка: Зиновьева И.И.
Сдано в набор 18.05.2022
Подписано к печати 24.05.2022
Дата выхода в свет 30.05.2022

Формат 60x84/8
Объем 11 усл. печ. л.
Набор компьютерный. Бумага офисная.
Печать цифровая. Заказ № 26.
Цена: бесплатно. Тираж: 44
16+

Отпечатано в отделении полиграфической и оперативной печати Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 308024, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Горького, 71.

Адрес редакции, издателя, типографии: 308024, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Горького, 71.
Контактный телефон: (4722) 51-71-35; факс: (4722) 55-53-31; E-mail: vestnik.belui@mvd.ru; rio.belui@mvd.ru
Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 39493

© Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, 2022
© Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2022

VESTNIK OF PUTILIN BELGOROD LAW INSTITUTE OF MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA. 2022. № 2.

The founder and the publisher:
Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia
The Journal is registered in The Federal Service for Supervision of Communications Information Technology
and Mass Media (Roskomnadzor).
The Mass Media Registration Certificate PI № FS77-80715 of April 9, 2021.

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL:

Editor-in-Chief – Igor F. Amelchakov, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
Deputy Editor-in-Chief – Oleg A. Dizer, Doctor of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)

EDITORIAL BOARD MEMBERS:

Alexey N. Alexandrov, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
Ivan Vladimir P. Kamyshansky, Doctor of Law, Professor (Krasnodar, Russia)
Alexander V. Karagodin, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
Olga V. Kataeva, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
Mikhail A. Kirillov, Doctor of Law, Professor (Cheboksary, Russia)
Peter A. Kolmakov, Doctor of Law, Professor (Syktyvkar, Russia)
Alexey V. Kudryavtsev, Doctor of Law, Associate Professor (Vladimir, Russia)
Alexander P. Kuznetsov, Doctor of Law, Professor (Nizhny Novgorod, Russia)
Alexander V. Maksimenko, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
Svetlana N. Makhina, Doctor of Law, Professor (Voronezh, Russia)
Nadezhda S. Nizhnik, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia)
Ekaterina A. Novikova, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
Lydia A. Nudnenko, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)
Alexey V. Petryanin, Doctor of Law, Professor (Nizhny Novgorod, Russia)
Sergey B. Rossinsky, Doctor of Law, Associate Professor (Moscow, Russia)
Valery N. Samsonov, Doctor of Law, Professor (Belgorod, Russia)
Alexander P. Soldatov, Doctor of Law, Professor (Krasnodar, Russia)
Yuri N. Starilov, Doctor of Law, Professor (Voronezh, Russia)
Marina M. Staroseltseva, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
Roman M. Stepkin, Candidate of Law (Belgorod, Russia)
Tatiana A. Tkachuk, Doctor of Law, Professor (Vladimir, Russia)
Vladislav Yu. Turanin, Doctor of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
Alfir M. Huzhin, Doctor of Law, Associate Professor (Nizhny Novgorod, Russia)
Sergey A. Chernyakov, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
Victor I. Sharov, Doctor of Law, Professor (Nizhny Novgorod, Russia)

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of basic results of candidate and doctoral theses

Head of the Editorial Staff: Julia V. Markova
Editor: Elena A. Oleynikova
Design and computer make-up: Irina I. Zinovieva
It is handed over in a set 24.05.2022
It is passed for the press 30.05.2022

Format 60x84/8
Volume 11 printer's sheets
Typing. Office paper. Digital printing.
Order № 26. Price: free of charge.
Printed copies: 44
16+

It is printed in the Polygraphic and Operative Press Department of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. 71, Gorky street, Belgorod, 308024.

The address of the publisher and edition: 308024, Belgorod, Gorky street, 71.
Contact phone: (4722) 51-71-35; Fax: (4722) 55-53-31; E-mail: vestnik.belui@mvd.ru; rio.belui@mvd.ru
Subscription index in Unified catalogue "Press of Russia" – 39493

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

- КУЗНЕЦОВ А.П.** 4 **KUZNETSOV A.P.**
ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПОРЯДОК КАК
СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ:
ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
PUBLIC ORDER AS A SOCIO-LEGAL
CATEGORY: A THEORETICAL STUDY
- ПЕТРЯНИН А.В., ИВЕНИН В.О.** 12 **PETRYANIN A.V., IVENIN V.O.**
СТРОГОСТЬ НАКАЗАНИЯ И
НЕОТВРАТИМОСТЬ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК
ПУТИ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ
РОССИИ
THE SEVERITY OF PUNISHMENT AND THE
INEVITABILITY OF RESPONSIBILITY AS A WAY
OF DEVELOPING RUSSIA'S CRIMINAL POLICY
- СИТНИКОВА А.И.** 19 **SITNIKOVA A.I.**
ПОСЯГАТЕЛЬСТВО НА ЖИЗНЬ
БЕРЕМЕННОЙ ЖЕНЩИНЫ, ОШИБОЧНО
ПРИНЯТОЙ ЗА НЕБЕРЕМЕННУЮ
ASSAULT ON THE LIFE OF A PREGNANT
WOMAN, MISTAKEN FOR A NON-PREGNANT
WOMAN
- ПОТЕТИНОВ В.А.** 23 **POTETINOV V.A.**
СОВРЕМЕННЫЕ РИСКИ
КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ НА ПРИМЕРЕ
МОШЕННИЧЕСТВ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНЫХ
ВЫПЛАТ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ
(КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)
MODERN CYBERSECURITY RISKS ON THE
EXAMPLE OF FRAUD IN THE FIELD OF SOCIAL
PAYMENTS AND WAYS TO OVERCOME THEM
(CRIMINOLOGICAL ASPECT)
- МАГНУТОВ Ю.С.** 29 **MAGNUTOV YU.S.**
УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ
СПЕЦИАЛЬНЫМ ОРГАНИЗОВАННЫМ
ФОРМАМ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ДОКТРИНАЛЬНО-
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
CRIMINAL LAW COUNTERACTION TO SPECIAL
ORGANIZED FORMS OF EXTREMIST ACTIVITY:
DOCTRINAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS
- АРЕФЬЕВ С.А.** 33 **AREFEV S.A.**
ЭКСПЕРТНАЯ ПРОФИЛАКТИКА И
ВЫЯВЛЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ,
СПОСОБСТВУЮЩИХ СОВЕРШЕНИЮ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ (ИСТОРИКО-
ГЕНЕТИЧЕСКИЙ И СТРУКТУРНО-
ДИАХРОННЫЙ ПОДХОДЫ)
EXPERT PREVENTION AND IDENTIFICATION
OF CIRCUMSTANCES CONDUCIVE TO THE
COMMISSION OF CRIMES (HISTORICAL-
GENETIC AND STRUCTURAL-DIACHRONOUS
APPROACHES)
- АРХИПЦЕВ И.Н., КОЦЮМБАС М.С.** 39 **ARKHIPTSEV I.N., KOTSUMBAS M.S.**
УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЦЕЛИ И
МОТИВА В СОСТАВЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
THE CRIMINAL-LEGAL SIGNIFICANCE OF THE
GOAL AND MOTIVE IN THE COMPOSITION OF
THE CRIME

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

CRIMINAL PROCEDURE

- ФАДЕЕВ П.В.** 44 **FADEEV P.V.**
СОБИРАНИЕ И ПРЕДСТАВЛЕНИЕ
ДОКАЗАТЕЛЬСТВ КАК СРЕДСТВО
ОКАЗАНИЯ КВАЛИФИЦИРОВАННОЙ
ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В УГОЛОВНОМ
СУДОПРОИЗВОДСТВЕ
COLLECTION AND PRESENTATION OF
EVIDENCE AS A MEANS OF PROVIDING
QUALIFIED LEGAL ASSISTANCE IN
CRIMINAL PROCEEDINGS
- ЛАКЕЕВА Е.В.** 49 **LAKEEVA E.V.**
ХОДАТАЙСТВО О ПОЛУЧЕНИИ
ИНФОРМАЦИИ О СОЕДИНЕНИЯХ МЕЖДУ
АБОНЕНТАМИ И (ИЛИ) АБОНЕНТСКИМИ
УСТРОЙСТВАМИ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ
PETITION FOR INFORMATION OBTAINING
PECULIARITIES ON CONNECTIONS BETWEEN
SUBSCRIBERS AND (OR) SUBSCRIBER
DEVICES: PROBLEMATIC ASPECTS

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

КРИМИНАЛИСТИКА, ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

CRIMINALISTICS, OPERATIONAL SEARCH ACTIVITY

СВИСТИЛЬНИКОВ А.Б., ЧЕЛЯДИНОВ Д.В.

54

SVISTILNIKOV AB., CHELYADINOV D.V.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ХИЩЕНИЯМ ЛОМА
МЕТАЛЛА ПРИ ЕГО ТРАНСПОРТИРОВКЕ
ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫМ ТРАНСПОРТОМ

ANTI-THEFT OF METAL SCRAP DURING
ITS TRANSPORTATION BY RAILWAY

НОВАКОВА К.А.

59

NOVAKOVA K.A.

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДИКИ
ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ РУКОПИСЕЙ
НА МУЖСКИЕ И ЖЕНСКИЕ ПРИ
ИССЛЕДОВАНИИ СОВРЕМЕННЫХ
ПОЧЕРКОВ

PROBLEMS OF APPLICATION OF THE
METHODOLOGY OF DIFFERENTIATION OF
MANUSCRIPTS INTO MALE AND FEMALE IN
THE STUDY OF MODERN HANDWRITING

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО. АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИЦИИ

ADMINISTRATIVE LAW. ADMINISTRATIVE ACTIVITY OF POLICE

АМЕЛЬЧАКОВ И.Ф., КАТАЕВА О.В.

66

AMELCHAKOV I.F., KATAEVA O.V.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ И
ПРАВООРЯДКА В СФЕРЕ МИГРАЦИИ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ

ENSURING SECURITY AND LAW AND ORDER
IN THE FIELD OF MIGRATION IN THE RUSSIAN
FEDERATION: MODERN APPROACHES

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

INTERNATIONAL EXPERIENCE

КАЗАКЕВИЧ Г.А., КАЗАКЕВИЧ С.М.

76

KAZAKEVICH G.A., KAZAKEVICH S.M.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ПО
ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ НЕЗАКОННОМУ
ОБОРОТУ НАРКОТИКОВ: ОТ ЭВОЛЮЦИИ
ФОРМИРОВАНИЯ ДО ТРАНСФОРМАЦИИ
РЕАЛИЗАЦИИ

STATE POLICY OF THE REPUBLIC OF
BELARUS ON COMBATING ILLEGAL DRUG
TRAFFICKING: FROM THE EVOLUTION OF
FORMATION TO TRANSFORMATION OF
IMPLEMENTATION

АСАЁНОК Б.В.

84

ASAYONOK B.V.

СИТУАЦИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ
НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ: ОСОБЕННОСТИ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ
(ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)

SITUATION OF INFORMATION UNCERTAINTY:
FEATURES OF CRIMINALISTIC ASSESSMENT
(APPLICABLE TO THE LEGISLATION OF THE
REPUBLIC OF BELARUS)

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

TRIBUNE OF THE YOUNG SCIENTIST

ВИСЛОГУБОВА О.И.

90

VISLOGUBOVA O.I.

ИНЫЕ ВИДЫ МАТЕРИАЛЬНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЦ, УПРАВЛЯЮЩИХ
АРЕНДОВАННЫМИ ЭЛЕКТРОСАМОКАТАМИ

OTHER TYPES OF FINANCIAL LIABILITY OF
PERSONS MANAGING RENTED ELECTRIC
SCOOTERS

ФЕДОРОВ С.Г.

94

FYODOROV S.G.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НЕЗАКОННОМУ
ОБОРОТУ НАРКОТИКОВ В ЗАРУБЕЖНОЙ
ПРАКТИКЕ: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТОВ

COUNTERING DRUG TRAFFICKING IN
FOREIGN PRACTICE: A CRITICAL ANALYSIS OF
INDIVIDUAL ASPECTS

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПОРЯДОК КАК СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ
КАТЕГОРИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕPUBLIC ORDER AS A SOCIO-LEGAL CATEGORY:
A THEORETICAL STUDY

УДК 343.2

А.П. КУЗНЕЦОВ,доктор юридических наук, профессор
(Нижегородская академия МВД России,
Россия, Нижний Новгород)
abdulxann@gmail.com**ALEXANDER P. KUZNETSOV,**Doctor of Law, Professor
(Nizhny Novgorod academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Nizhny Novgorod, Russia)

Аннотация: в представленной статье с использованием филологического и юридического инструментария, анализа нормативных правовых актов рассматривается одна из значимых правовых категорий «общественный порядок», раскрываются сущностно-содержательные признаки, характеризующие данное понятие, приводятся многочисленные доктринальные точки зрения, сформулированные в различные исторические периоды, предлагается авторское определение общественного порядка, позволяющее точно отразить запросы общества, проводится отграничение общественного порядка от смежных понятий «правопорядок», «общественная безопасность», аргументируется научная позиция о самостоятельности, сложности, многоаспектности, многовариантности трактовки категории «общественный порядок», формулируются соответствующие предложения о необходимости внесения изменений и дополнений в действующее российское законодательство. Делается вывод о том, что общественный порядок, обладая социальной и политической значимостью, в условиях реформирования становится надежным фундаментом реализации органами государственной власти своих полномочий на основе права, демократии, позволяющей обеспечивать высокий уровень безопасности населения, защитить человека, его права и свободы от противоправных посягательств. Вместе с тем, как показало изучение, в юридической науке, в том числе и уголовно-правовой науке, категория «общественный порядок», несмотря на его высокую социальную значимость, характеризуется низкой степенью разработанности, а в ряде научных сочинений и учебной литературе он не упоминается вообще. Сложившееся положение негативно сказывается на правоприменительной практике, снижает эффективность и результативность реализации уголовного закона, приводит к нарушению прав и свобод человека и гражданина.

Ключевые слова: порядок, правонарушение, правовой порядок, общественный порядок, общественная безопасность, публичный порядок.

Для цитирования: Кузнецов А.П. Общественный порядок как социально-правовая категория: теоретическое исследование // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2022. № 2. С. 4–11.

Abstract: in the presented article, using philological and legal tools, normative legal acts, one of the significant legal categories “public order” is considered, the essential and substantive features characterizing this concept are revealed, numerous doctrinal points of view formulated in various historical periods are given, the author’s definition of public order is proposed, which allows accurately reflecting the needs of society, the differentiation of public order from related concepts «law and order», «public safety» is carried out, the scientific position on the independence and complexity of the multidimensional, multivariate interpretation of the category “public order” is argued, appropriate proposals are formulated on the need for amendments and additions to the current Russian legislation. The conclusion is made that public order, having social and political significance, under the conditions of reform, becomes a reliable foundation for the implementation by public authorities of their powers on the basis of law, democracy, which allows ensuring a high level of public security, protecting a person, his rights

and freedoms from unlawful encroachments. At the same time, as the study showed, in legal science, including criminal law science, the category of "public order", despite its high social significance, is characterized by a low degree of elaboration, and in a number of scientific works and educational literature it is not mentioned at all. The current situation has a negative impact on law enforcement practice, reduces the effectiveness and efficiency of the implementation of the criminal law, leads to violations of human and civil rights and freedoms.

Keywords: order, offense, legal order, public order, public safety, public order.

For citation: Kuznetsov A.P. Public order as a socio-legal category: a theoretical study // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 2. P. 4–11.

Кардинальные изменения, происходящие в России в сфере социально-экономических и политико-правовых отношений, с неизбежностью предопределили модернизацию уголовной политики. Уголовная политика, являясь одной из составных частей государственной политики, вырабатывает стратегию и тактику противодействия преступности, определяет сферы уголовно-правовой охраны, виды наказаний за преступные посягательства. Одновременно с этим в рамках уголовной политики определяются наиболее значимые объекты охраны общественных отношений, законные интересы общества и государства. Одним из объектов, требующих уголовно-правовой охраны, выделяется общественный порядок.

Общественный порядок, обладая социальной и политической значимостью, в этих условиях становится надежным фундаментом реализации органами государственной власти своих полномочий на основе права, демократии, позволяющей обеспечивать высокий уровень безопасности населения, защитить человека, его права и свободы от противоправных посягательств. Качественно решить задачи по обеспечению общественного порядка невозможно без использования юридической науки, ее фундаментальных теоретических исследований. Вместе с тем, как показало изучение, в юридической науке, в том числе и уголовно-правовой науке, категория «общественный порядок», несмотря на его высокую социальную значимость, характеризуется низкой степенью разработанности, а в ряде научных сочинений и учебной литературе он не упоминается вообще. Сложившееся положение негативно сказывается на правоприменительной практике, снижает эффективность и результативность реализации уголовного закона, приводит к нарушению прав и свобод человека и гражданина.

В этой связи представляется оправданным исследование общественного порядка с использованием филологического и юридического инструментария. Отметим, что словосочетание «общественный порядок» включает в себя два слова «общественный» и «порядок». В частности, в словарных источниках «порядок» определяется как состояние, при котором все находится на своем

месте, имеет тот вид, который требуется [1, с. 114]; «правильное, налаженное состояние, расположение чего-нибудь» [2, с. 515]. Слово «общественный» трактуется как «относящийся к обществу, протекающий в обществе, связанный с деятельностью людей в обществе» [2, с. 392].

Исходя из лексического смысла словосочетание «общественный порядок» означает, что деятельность людей в обществе должна отвечать установленным в нем общепринятым правилам, сформулированным регламентам, удовлетворяющим требованиям всех членов общества. Любые нарушения общественного порядка, от кого бы то ни было исходили, противоречат общепринятым правилам, препятствуют нормальному сосуществованию людей в обществе [3, с. 125].

Однако, несмотря на филологические трактовки, категория «общественный порядок» не нашла своего закрепления в виде дефиниции в российском законодательстве. Подтверждением этому служит понятие «общественный порядок», используемое в Конституции Российской Федерации в различных статьях, без его разъяснения. Так, в пункте «е» части первой статьи 114 указывается, что Правительство Российской Федерации в процессе реализации своих полномочий «осуществляет меры... по охране *общественного порядка*» (курсив наш. – А.К.); в части первой статьи 132 закрепляется положение, согласно которому «органы местного самоуправления самостоятельно... осуществляют охрану *общественного порядка*» (курсив наш. – А.К.)¹.

Применение термина «общественный порядок» в основном законе свидетельствует о его исключительной важности для построения демократического федеративного государства и предопределяет его использование при конструировании других правовых положений в нормативных актах различного уровня.

Дальнейшее проведенное исследование показало, что данный термин широко применяется законодателем в многочисленных нормативных

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Российская газета. – 2020. – № 144 (8198).

правовых актах, но, несмотря на это, сущностно-содержательные признаки в них не раскрываются, то есть остаются недефинированными. Примером может служить название главы 20 «Административные правонарушения, посягающие на общественный порядок» (курсив наш. – А.К.) и общественную безопасность» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, в котором определение общественного порядка не дается. В Федеральном законе от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»², несмотря на многократное использование рассматриваемого понятия, законодателем оно осталось нераскрытым. Аналогичная картина наблюдается и в других правовых источниках³, в том числе и в уголовном законодательстве.

История развития российского уголовного законодательства показала, что в дореволюционных нормативных правовых актах (памятниках) понятие общественный порядок было впервые сформулировано в «Уставе о предупреждении и пресечении преступлений» 1832 года. Понятие «общественный порядок» закрепляется в более поздних нормативных правовых актах: Указе Правительствующему сенату от 12 июля 1880 г., «Положении о мерах по охранению государственного порядка» 1881 г. В соответствии с Указом для поддержания твердой правительственной власти в сельской местности выделялась должность земского начальника, которому предписывалось исполнять обязанности по охране благочиния и общественного порядка. Трансформация понятия «общественный порядок» происходит в конце XIX в., когда оно в правовых установлениях заменяется законодателем на родственное ему понятие: благочиние – правомерное поведение граждан в общественных местах; «благоустройство – рациональное устройство улиц» [4, с. 89; 5, с. 27; 6, с. 53].

Эволюция советского уголовного законодательства свидетельствует о том, что при конструи-

ровании правовых положений законодатель словосочетание «общественный порядок» после Октябрьской революции 1917 г. на первоначальном этапе становления государственности не применял. В первом Уголовном кодексе РСФСР 1922 года⁴ в Общей части раздела II «Общее начало применения наказаний» при определении задач уголовного закона законодатель использовал словосочетание «революционный правопорядок» (курсив наш. – А.К.), при дефинировании преступления – термин «правопорядок» (курсив наш. – А.К.), в названии главы 8 – «публичный порядок» (курсив наш. – А.К.). В Уголовном кодексе РСФСР 1926 года⁵ в статье 1 раздела I «О задачах уголовного законодательства РСФСР», а также в статье 6 раздела III «Общие начала уголовной политики» применял термин «правопорядок» (курсив наш. – А.К.).

В Уголовном кодексе РСФСР 1960 года⁶ термин «общественный порядок» впервые был использован в названии главы 10 «Преступление против общественной безопасности и общественного порядка» (курсив наш. – А.К.), но его дефинирование осуществлено не было.

Изучение правотворческих пробелов, допущенных в процессе конструирования уголовно-правовых положений, выполнялось доктринальными трактовками. В юридической литературе того времени общественный порядок понимался как порядок, основанный на соблюдении правил социалистического общежития [7, с. 8; 8, с. 3]; «совокупность общественных отношений, установленных в нашем государстве, основанных на правилах социалистического общежития и определяющих поведение людей в процессе общественной жизни» [9, с. 317].

Таким образом, ученые общественный порядок связывали с социалистическими правоотношениями, социалистическим образом жизни, правилами социалистического общежития.

Рассмотрение конструкций Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. показало, что понятие «общественный порядок» отражено в одной из задач – «охрана общественного порядка и общественной безопасности» (ст. 2) (курсив наш. – А.К.), а также в названии раздела IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка»⁷ (курсив наш. – А.К.).

⁴ Собрание узаконений РСФСР. – 1922. – № 15. – Ст. 153.

⁵ Собрание узаконений РСФСР. – 1926. – № 80. – Ст. 600.

⁶ Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 591.

⁷ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 29–54.

² О полиции: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7. – Ст. 900; № 14. – Ст. 2008.

³ О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3031; О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях: Федеральный закон от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 25. – Ст. 2485; О федеральной службе безопасности: Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 15. – Ст. 1269; О противодействии терроризму: Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 11. – Ст. 1146; О государственной охране: Федеральный закон от 22 мая 1996 г. № 57-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 22. – Ст. 2594.

Как видно, в процессе изложения задач Уголовного кодекса Российской Федерации законодатель общественный порядок поставил на первое место, а при формулировании названия раздела IX Уголовного кодекса Российской Федерации общественный порядок расположил на втором месте. Таким образом, во-первых, была нарушена иерархия в определении объектов уголовно-правовой охраны; во-вторых, законодатель образовал раздел IX, но структурно не выделил в его системе главу, посвященную общественному порядку; в-третьих, остался нерешенным вопрос о дефинировании общественного порядка в Уголовном кодексе Российской Федерации, несмотря на его использование в различных статьях.

Так, термин «общественный порядок» как криминообразующий признак использован законодателем при конструировании названия раздела IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» Особенной части, названия статьи 343 «Нарушение правил несения службы по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности», а также при описании диспозиции статей: первой, второй статьи 213 «Хулиганство», части второй статьи 314¹ «Уклонение от административного надзора или неоднократное несоблюдение установленных судом в соответствии с Федеральным законом ограничения или ограничений».

В уголовно-правовой теории учеными даются различные трактовки понятия общественного порядка: целостная система отношений, установленных и поддерживаемых государством и обществом, основанная на нормах права, морали, нравственности, позволяющая осуществлять взаимодействие индивидов с обществом или его частью, направленное на обеспечение порядка в обществе [10, с. 9–10]; система общественных отношений, складывающихся между людьми, установленная действующим законодательством, обычаями, традициями и нравственными нормами, обеспечивающая общественное спокойствие, нормальные условия труда, отдыха и быта граждан, а также работу учреждений, предприятий и организаций [11, с. 49]; «соблюдение лицами норм законов, морали и нравственности в общественных местах, обеспечение общественного спокойствия, неприкосновенности личности и нормативное функционирование органов власти и местного самоуправления, деятельность общественной организации и юридических лиц» [3, с. 122–129].

И.Н. Даньшин определил общественный порядок как систему общественных отношений, сложившихся на основе соблюдения норм права, направленных по поддержке обществен-

ного спокойствия и нравственности, взаимного уважения, надлежащего поведения граждан в общественных местах, отношений в сфере социального общения [12, с. 142–143]. По мнению В.С. Комиссарова, при всей сложности и высокой степени оценочности понятие «общественный порядок» сформулировано им наиболее оптимально [13, с. 11–12].

В многочисленных теоретических изданиях общественный порядок понимается как приоритет норм нравственности, морали, обычаев, направленных на обеспечение защиты интересов прав и свобод человека и гражданина, общественных и государственных организаций, собственности, действующих в общественных местах, над законодательными положениями [14, с. 56–58]; комплекс сложившихся отношений, позволяющий обеспечивать общественное спокойствие, неприкосновенность личности, целостность собственности, нормальное функционирование государственных и общественных институтов [15, с. 364–465]; упорядочение социальных отношений, позволяющее согласовать сферы общественной жизни, реализовать членам общества свои права и обязанности, обеспечить защищенность своих интересов [16, с. 65]; система общественных отношений, установившаяся в результате применения социальных норм, гарантируемая политической структурой государства [17, с. 16]; обусловленная потребностями развития система общественных отношений, возникающих и развивающихся в общественных местах в процессе общения людей, правовое и иное социальное регулирование которых обеспечивает личную и общественную безопасность граждан и тем самым обстановку спокойствия, согласованности и ритмичности общественной жизни [18, с. 27].

М.И. Еропкин общественный порядок определял как «обусловленную интересами всего народа, регулируемую нормами права, морали, правилами общежития и обычаями систему волевых общественных отношений, складывающихся главным образом в общественных местах, а также общественных отношений, возникающих и развивающихся вне общественных мест, но по своему характеру обеспечивающих охрану жизни, здоровья, чести граждан, укрепления народного достоинства, общественное спокойствие, создание нормальных условий для деятельности предприятий, учреждений и организаций» [19, с. 7].

В источниках административно-правовой направленности общественный порядок характеризуется как «урегулированная нормами права и иными социальными нормами система общественных отношений, установление, развитие и охрана которых обеспечивают под-

держание состояния общественного и личного спокойствия граждан, уважения их чести, человеческого достоинства и общественной нравственности» [20, с. 25]; урегулированная законодательством и иными социальными нормами совокупность общественных отношений, направленных на охрану чести и достоинства личности, нравственности и поддержание общественного и личного спокойствия [21, с. 16]; «комплекс правил поведения субъектов общественных отношений, закрепленных в соответствии с социальными установками общества, а также требованиями законности и правопорядка с целью достижения общественного спокойствия и нормального функционирования всех сфер жизнедеятельности» [22, с. 159–171]; система урегулированных общественных отношений, позволяющая поддерживать конституционный порядок, включая обеспечение соблюдения правил поведения лиц в обществе [23, с. 307]; система волевых общественных отношений, регулируемая нормами права, морали, правилами общежития и обычаями, возникающая и развивающаяся в общественных местах [24, с. 40].

Исследуя многочисленные нормативные правовые акты различного уровня, в которых используется термин «общественный порядок», А.Г. Коротких установил, что ни в одном из них не раскрыты содержательные и существенные признаки общественного порядка, и в этой связи он высказал предложение о принятии на федеральном уровне закона, в котором рекомендовал не только закрепить понятийный аппарат, используемый в данной сфере общественных отношений, но и провести разграничения полномочий органов власти и муниципальных образований в области реализации положений, связанных с общественным порядком [25, с. 159–171].

Вопрос о соотношении общественного порядка с другими смежными категориями в социально-гуманитарных науках относится к числу проблемных и дискуссионных. Объяснение этому видится в том, что общественный порядок – это, с одной стороны, консолидированный феномен, а с другой – многовариантный, включающий в себя объединенное множество относительно самостоятельных, независимых друг от друга элементов, образующих в своей совокупности сложный конгломерат социальной жизни. Изложенные выше положения создают определенные трудности в установлении сущностно-содержательных признаков, характеризующих рассматриваемую категорию, оказывают влияние на проведение соотношений с другими однородными группами общественных отношений.

Изучение законодательных и доктринальных положений показало, что в юридической науке имеются различные точки зрения. Вместе с тем представляется оправданным рассмотреть проблему соотношения общественного порядка с такими смежными категориями, как «общественная безопасность», «правопорядок», которые, несмотря на их взаимообусловленность и определенную взаимосвязь, различны по своему характеру, сферам регулирования общественных отношений, что не позволяет признать их тождественными.

В доктринальной юридической литературе правопорядок как элемент общественной жизни признается сложным социально-правовым явлением, призванным регулировать общественные отношения правовыми нормами [23; 26; 27; 28].

В филологических источниках правопорядок определяется как закрепленный правовыми нормами порядок общественных отношений [29, с. 575]; одна из составных частей общественного порядка, складывающегося в результате осуществления различных видов социальных норм, регулирующих разнообразные связи общественной жизни и различающихся между собой характером и несовпадающим способом воздействия на поведение людей. Правопорядок регламентируется правовыми нормами, применяемыми в установленном в данном государстве порядке [30, с. 345–346].

Правовой порядок, являясь законодательским продуктом государства, характеризуется императивностью его реализации и обеспечивается силой государственного принуждения, отличается упорядоченностью, организованностью, стабильностью общественных отношений, согласованностью составляющих его элементов [31]. Правопорядок как одна из составных частей общественного порядка регулируется нормами права; правопорядок по своему содержанию уже, чем общественный порядок, в пространственной сфере охвата общественных отношений [20, с. 25; 32, с. 478–479].

Однако, несмотря на некоторые различия данной социально-правовой категории, с общественным порядком они находятся в тесной взаимосвязи, имеют определенное сходство, обусловленное наличием объекта правового регулирования, цели, использованием единых инструментов воздействия на общественные отношения [33; 34].

По мнению одних авторов, общественный порядок и общественная безопасность являются тождественными понятиями, их следует употреблять как синонимы [35]. Другая группа ученых считает общественную безопасность составной частью общественного порядка, не предлагая

при этом сферы правового разграничения и не выделяя признаков, позволяющих отграничивать указанные категории друг от друга [25]. И.И. Веремеенко общественную безопасность относит к общественному порядку и включает в нее отношения в сфере производства, правила строительных и ремонтных работ, безопасности дорожного движения и т.п. [18, с. 26–27].

Третья группа ученых, не отрицая взаимосвязи и взаимообусловленности общественного порядка и общественной безопасности, предлагает проводить их разграничение по различным основаниям, выделяя при этом их характерные особенности, специфическое содержание, признаки, уровни правовых регуляторов [36; 37].

В частности, общественный порядок они определяют как:

1) состояние, позволяющее государству обеспечить безопасные, нормальные условия жизнедеятельности граждан и общества;

2) правовую категорию, обусловленную потребностями развития системы общественных отношений с помощью правовых регламентов;

3) урегулированные правовыми нормами социальные связи, позволяющие гарантировать обеспечение личной и общественной безопасности, спокойствие в государстве;

4) систему общественных отношений, складывающихся в обществе, возникающих в процессе реализации личностью своих жизненно важных потребностей, урегулированных правовыми и социальными нормами;

5) государственно-управленческую категорию – инструмент, позволяющий эффективно осуществлять социально-экономическую, политико-правовую, административно-организационную деятельность в обществе и государстве;

6) политическую категорию, означающую социальную упорядоченность, устойчивость, организованность, благоустроенность общества, всех сфер общественных связей. Государство с помощью различных форм организации жизнедеятельности людей устанавливает порядок в обществе, позволяющий обеспечивать правомерное поведение граждан;

7) социальную универсальную категорию, систему общественных отношений, обеспечивающих социальное спокойствие людей, их охрану от различных посягательств и нарушений, призванную обеспечивать в обществе порядок с помощью социального регулирования, на основе социальных норм и установленных правил общежития. Ее реализация охватывает все сферы общественно-политической системы общества и государства, она призвана

поддерживать устойчивое функционирование действующих социальных связей и возникающих общественных отношений.

В данном случае общественный порядок складывается в результате действующих в обществе социальных норм, позволяющих обеспечивать личную и общественную безопасность, охранять нормальное функционирование общества и государства.

В свою очередь, общественная безопасность – это сложное социальное явление, носящее многоаспектный характер, позволяющее, во-первых, удовлетворять потребность общества в сохранении и приумножении общих благ и ценностей; во-вторых, создавать гарантии в обществе социальных условий, при которых человек чувствует себя социально защищенным; в-третьих, обеспечивать охрану жизни и здоровья граждан как значимого социального блага; в-четвертых, устранять источники повышенной опасности, исходящие не только от профессиональной деятельности людей, но и от самих опасных форм их поведения; в-пятых, поддерживать приемлемый уровень защищенности признаваемых достаточными нормальных условий жизнедеятельности людей; в-шестых, регулировать безопасные условия жизнедеятельности общества от разнообразных внутренних угроз общепасного характера [38, с. 398; 39, с. 170].

Исходя из приведенных многочисленных трактовок понятия общественного порядка, можно выделить ряд признаков, характеризующих данное явление. Общественный порядок, во-первых, система складывающихся отношений, регулирующих поведение людей в обществе; во-вторых, упорядоченность общественных отношений не только социальными нормами, но и нормами права; в-третьих, позволяет обеспечивать эффективность и результативность защиты личности, общества и государства от преступных посягательств; в-четвертых, инструмент охранительного воздействия, охватывающий идеологические, социальные, государственные институты, предопределяемые экономическим базисом [40, с. 4; 41, с. 7]; в-пятых, создает социально-правовые основы эффективного и результативного функционирования социально-экономической и административно-управленческой деятельности.

Изложенные выше положения позволяют сформулировать дефиницию «общественный порядок». Общественный порядок – это регламентированный в государстве социально-правовыми нормами порядок, обеспечивающий защиту личности, общества и государства от противоправных посягательств.

Литература

1. Краткий толковый словарь русского языка / сост. И.Л. Городецкая, Т.Н. Поплавцева, М.Н. Судоплатова, Т.А. Фоменко; под ред. В.В. Розановой. – 4-е изд., стереотип. – Москва: Рус. яз., 1985 – 245 с.
2. Словарь русского языка / сост. С.И. Ожегов; под общ. ред. академика С.П. Обнорского. – 3-е изд. – Москва, 1952. – 848 с.
3. **Кокарев В.Г.** К вопросу о понятии общественного порядка в контексте уголовно-правовой квалификации и разграничения преступлений от административных правонарушений // Актуальные проблемы государства и права. – 2020. – Т. 4. – № 13. – С. 122–134.
4. **Бельский К.С.** Феноменология административного права. – Смоленск, 1995. – 144 с.
5. **Мушкет И.М., Хохлов Е.В.** Полицейское право России: проблемы теории. – Санкт-Петербург, 1998. – 173 с.
6. **Дондоков Ц.С.** Содержание правовой категории «общественный порядок» // Вестник Читинского государственного университета. – 2010. – № 10 (67). – С. 52–56.
7. **Гришанин П.Ф., Владимиров В.А.** Преступление против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения. – Москва, 1962. – 71 с.
8. **Коржухов Е.К.** Ответственность за хулиганство по советскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 1955. – 15 с.
9. Курс советского уголовного права: в 6 т. Т. VI. Особенная часть. – Москва: Наука, 1971. – 360 с.
10. **Смирнов Е.Г.** Хулиганство: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2005. – 26 с.
11. **Рагулин А.В.** Хулиганство: уголовно-правовая характеристика / под ред. Р.А. Базарова. – Уфа, 2006. – 168 с.
12. **Даньшин И.Н.** Уголовно-правовая охрана общественного порядка. – Москва, 1973. – 200 с.
13. Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. д.ю.н. проф., засл. деят. науки РФ А.И. Коробеева. Т. IV. Преступления против общественной безопасности. – Санкт-Петербург: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. С. 11–12 (автор главы 1 В.С. Комиссаров).
14. **Маракулин Д.А.** Понятие общественного порядка // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. – 2006. – № 11. – С. 56–58.
15. **Белопольский А.П.** Понятие и общая характеристика преступлений против общественного порядка // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 4. – С. 364–465.
16. **Лазарев В.В., Попов Л.Л., Разин Л.Н.** Правовые основы обеспечения общественного порядка: учебное пособие. – Москва, 1967. – 75 с.
17. **Кондрашов Б.Л.** Общественная безопасность и административно-правовые средства ее обеспечения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 1998. – 53 с.
18. **Веремеенко И.И.** Сущность и понятие общественного порядка // Советское государство и право. – 1982. – № 3. – С. 22–29.
19. **Еропкин М.И.** Управление в области охраны общественного порядка. – Москва: Юрид. лит., 1965. – 215 с.
20. **Серегин А.В.** Советский общественный порядок и административно-правовые средства его укрепления: учебное пособие. – Москва, 1975. – 194 с.
21. **Березин А.А.** Административно-правовое противодействие нарушениям, посягающим на общественный порядок и общественную безопасность при проведении публичных мероприятий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2015. – 26 с.
22. **Коротких А.Г.** К дискуссии о понятии «общественный порядок»: проблемы применения в административном законодательстве // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2016. – № 2. – С. 159–171.
23. Административное право зарубежных стран: учебник / А.Н. Козырин [и др.]. – Москва: Спарк, 2003. – 462 с.
24. Административная ответственность граждан: учебное пособие / под ред. Д.Н. Бахраха. – Пермь, 1974. – 170 с.
25. **Матузов Н.И., Малько А.В.** Теория государства и права: учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва, 2000. – 540 с.
26. **Морозова Л.А.** Теория государства и права: учебник. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Эксмо, 2010. – 510 с.
27. **Рассказов Л.П.** Теория государства и права: учебник для вузов. – 3-е изд. – Москва: ИНФРА-М, 2010. – 464 с.
28. **Бредихин И.Д.** О понятии и содержании общественного порядка в административном праве // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2010. – № 1 (8). – С. 206–209.
29. **Ожегов С.И.** Словарь русского языка: 70000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. – 23-е изд., испр. – Москва: Рус. яз., 1991. – 915 с.
30. **Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю.** Юридическая энциклопедия / под ред. М.Ю. Тихомирова. – Москва, 1997. – 525 с.
31. **Макарейко Н.В.** Государственное принуждение как средство обеспечения общественного порядка: дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 1996. – 249 с.
32. Теория государства и права / под ред. А.И. Денисова. – Москва, 1972. – 531 с.
33. **Сидорцов Р.В.** Законодательное регулирование субъектами Российской Федерации ответственности за административные правонарушения, посягающие на общественный порядок: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2005. – 176 с.
34. **Соколов Ю.А.** Участие трудящихся в охране советского общественного порядка. – Москва, 1962. – 170 с.
35. **Куделич А.В.** Уголовно-правовая охрана общественного порядка в современной России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2000. – 43 с.
36. **Гранин А.Ф.** Теоретические вопросы социалистической законности в деятельности органов внутренних дел: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Киев, 1975. – 32 с.
37. **Яценко С.С.** Уголовно-правовая охрана общественного порядка (сравнительно-правовой аспект). – Киев, 1986. – 124 с.
38. Уголовное право России. Часть Общая / отв. ред. Л.Л. Кругликов. – Москва, 1999. – 559 с.
39. Курс уголовного права: учебник: в 5 т. Особенная часть. Т. 4 / под ред. д.ю.н., проф. Г.Н. Борзенкова, д.ю.н., проф. В.С. Комиссарова. – Москва: ИКД «Зерцало-М», 2002. – 672 с.
40. **Грешаев П.И.** Советское уголовное право: преступления против общественной безопасности и общественного порядка. Часть Особенная. – Москва, 1959. – 40 с.
41. **Еропкин М.И., Попов Л.Л.** Административно-правовая охрана общественного порядка. – Ленинград, 1973. – 328 с.

References

1. Kratkii tolkovyi slovar' russkogo yazyka / sost. I.L. Gorodetskaya, T.N. Poplavtseva, M.N. Sudoplatova, T.A. Fomenko; pod red. V.V. Rozanovoi. – 4-e izd., stereotip. – Moskva: Rus. yaz., 1985 – 245 s.
2. Slovar' russkogo yazyka / sost. S.I. Ozhegov; pod obshch. red. akademika S.P. Obnorskogo. – 3-e izd. – Moskva, 1952. – 848 s.

3. **Kokarev V.G.** K voprosu o ponyatii obshchestvennogo poryadka v kontekste ugovolno-pravovoi kvalifikatsii i razgranicheniya prestuplenii ot administrativnyi pravonarushenii // Aktual'nye problemy gosudarstva i prava. – 2020. – T. 4. – № 13. – S. 122–134.
4. **Bel'skii K.S.** Fenomenologiya administrativnogo prava. – Smolensk, 1995. – 144 s.
5. **Mushket I.M., Khokhlov E.V.** Politseiskoe pravo Rossii: problemy teorii. – Sankt-Peterburg, 1998. – 173 s.
6. **Dondokov Ts.S.** Soderzhanie pravovoi kategorii “obshchestvennyi poryadok” // Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2010. – № 10 (67). – S. 52–56.
7. **Grishanin P.F., Vladimirov V.A.** Prestuplenie protiv obshchestvennoi bezopasnosti, obshchestvennogo poryadka i zdorov'ya naseleniya. – Moskva, 1962. – 71 s.
8. **Korzhuiev E.K.** Otvetstvennost' za khuliganstvo po sovetskomu ugovolnomu pravu: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. – Moskva, 1955. – 15 s.
9. Kurs sovetskogo ugovolnogo prava: v 6 t. T. VI. Osobennaya chast'. – Moskva: Nauka, 1971. – 360 s.
10. **Smirnov E.G.** Khuliganstvo: ugovolno-pravovye i kriminologicheskie aspekty: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. – Krasnodar, 2005. – 26 s.
11. **Ragulin A.V.** Khuliganstvo: ugovolno-pravovaya kharakteristika / pod red. R.A. Bazarova. – Ufa, 2006. – 168 s.
12. **Dan'shin I.N.** Ugolovno-pravovaya okhrana obshchestvennogo poryadka. – Moskva, 1973. – 200 s.
13. Polnyi kurs ugovolnogo prava: v 5 t. / pod red. d.yu.n. prof., zasl. deyat. nauki RF A.I. Korobeeva. T. IV. Prestupleniya protiv obshchestvennoi bezopasnosti. – Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo R. Aslanova “Yuridicheskii tsent Press”, 2008. S. 11–12 (avtor glavy 1 V.S. Komissarov).
14. **Marakulin D.A.** Ponyatie obshchestvennogo poryadka // Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2006. – № 11. – S. 56–58.
15. **Belopol'skii A.P.** Ponyatie i obshchaya kharakteristika prestuplenii protiv obshchestvennogo poryadka // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. – 2012. – № 4. – S. 364–465.
16. **Lazarev V.V., Popov L.L., Razin L.N.** Pravovye osnovy obespecheniya obshchestvennogo poryadka: uchebnoe posobie. – Moskva, 1967. – 75 s.
17. **Kondrashov B.L.** Obshchestvennaya bezopasnost' i administrativno-pravovye sredstva ee obespecheniya: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. – Moskva, 1998. – 53 s.
18. **Veremeenko I.I.** Sushchnost' i ponyatie obshchestvennogo poryadka // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 1982. – № 3. – S. 22–29.
19. **Eropkin M.I.** Upravlenie v oblasti okhrany obshchestvennogo poryadka. – Moskva: Yurid. lit., 1965. – 215 s.
20. **Seregin A.V.** Sovetskii obshchestvennyi poryadok i administrativno-pravovye sredstva ego ukrepleniya: uchebnoe posobie. – Moskva, 1975. – 194 s.
21. **Berezin A.A.** Administrativno-pravovoe protivodeistvie narusheniyam, posyagayushchim na obshchestvennyi poryadok i obshchestvennuyu bezopasnost' pri provedenii publicznykh meropriyatii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. – Saratov, 2015. – 26 s.
22. **Korotkikh A.G.** K diskussii o ponyatii “obshchestvennyi poryadok”: problemy primeniya v administrativnom zakonodatel'stve // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. – 2016. – № 2. – S. 159–171.
23. Administrativnoe pravo zarubezhnykh stran: uchebnik / A.N. Kozyrin [i dr.]. – Moskva: Spark, 2003. – 462 s.
24. Administrativnaya otvetstvennost' grazhdan: uchebnoe posobie / pod red. D.N. Bakhrakha. – Perm', 1974. – 170 s.
25. **Matuzov N.I., Mal'ko A.V.** Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik. – 2-e izd., pererab. i dop. – Moskva, 2000. – 540 s.
26. **Morozova L.A.** Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik. – 4-e izd., pererab. i dop. – Moskva: Eksmo, 2010. – 510 s.
27. **Rasskazov L.P.** Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik dlya vuzov. – 3-e izd. – Moskva: INFRA-M, 2010. – 464 s.
28. **Bredikhin I.D.** O ponyatii i soderzhanii obshchestvennogo poryadka v administrativnom prave // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. – 2010. – № 1 (8). – S. 206–209.
29. **Ozhegov S.I.** Slovar' russkogo yazyka: 70000 slov / pod red. N.Yu. Shvedovoi. – 23-e izd., ispr. – Moskva: Rus. yaz., 1991. – 915 s.
30. **Tikhomirova L.V., Tikhomirov M.Yu.** Yuridicheskaya entsiklopediya / pod red. M.Yu. Tikhomirova. – Moskva, 1997. – 525 s.
31. **Makareiko N.V.** Gosudarstvennoe prinuzhdenie kak sredstvo obespecheniya obshchestvennogo poryadka: dis. ... kand. jurid. nauk. – Nizhnii Novgorod, 1996. – 249 s.
32. Teoriya gosudarstva i prava / pod red. A.I. Denisova. – Moskva, 1972. – 531 s.
33. **Sidortsov R.V.** Zakonodatel'noe regulirovanie sub"ektami Rossiiskoi Federatsii otvetstvennosti za administrativnye pravonarusheniya, posyagayushchie na obshchestvennyi poryadok: dis. ... kand. jurid. nauk. – Moskva, 2005. – 176 s.
34. **Sokolov Yu.A.** Uchastie trudyashchikhsya v okhrane sovetskogo obshchestvennogo poryadka. – Moskva, 1962. – 170 s.
35. **Kudelich A.V.** Ugolovno-pravovaya okhrana obshchestvennogo poryadka v sovremennoi Rossii: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. – Moskva, 2000. – 43 s.
36. **Granin A.F.** Teoreticheskie voprosy sotsialisticheskoi zakonnosti v deyatelnosti organov vnutrennikh del: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. – Kiev, 1975. – 32 s.
37. **Yatsenko S.S.** Ugolovno-pravovaya okhrana obshchestvennogo poryadka (sravnitel'no-pravovoi aspekt). – Kiev, 1986. – 124 s.
38. Ugolovnoe pravo Rossii. Chast' Obshchaya / otv. red. L.L. Kruglikov. – Moskva, 1999. – 559 s.
39. Kurs ugovolnogo prava: uchebnik: v 5 t. Osobennaya chast'. T. 4 / pod red. d.yu.n., prof. G.N. Borzenkova, d.yu.n., prof. V.S. Komissarova. – Moskva: IKD “Zertsalo-M”, 2002. – 672 s.
40. **Greshaev P.I.** Sovetskoe ugovolnoe pravo: prestupleniya protiv obshchestvennoi bezopasnosti i obshchestvennogo poryadka. Chast' Osobennaya. – Moskva, 1959. – 40 s.
41. **Eropkin M.I., Popov L.L.** Administrativno-pravovaya okhrana obshchestvennogo poryadka. – Leningrad, 1973. – 328 s.

(статья сдана в редакцию 14.02.2022)

**СТРОГОСТЬ НАКАЗАНИЯ И НЕОТВРАТИМОСТЬ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК ПУТИ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОЙ
ПОЛИТИКИ РОССИИ****THE SEVERITY OF PUNISHMENT AND THE INEVITABILITY
OF RESPONSIBILITY AS A WAY OF DEVELOPING RUSSIA'S
CRIMINAL POLICY**

УДК 343.241

А.В. ПЕТРЯНИН,

доктор юридических наук, профессор
(Нижегородский филиал Санкт-Петербургской
академии Следственного комитета
Российской Федерации,
Россия, Нижний Новгород)
petryanin@mail.ru

ALEKSEY V. PETRYANIN,

Doctor of Law, Professor
(Nizhny Novgorod branch Saint Petersburg
Academy of the Investigative
of the Russian Federation,
Nizhny Novgorod, Russia)

В.О. ИВЕНИН,

кандидат юридических наук
(Нижегородская академия МВД России,
Россия, Нижний Новгород)
073297@gmail.com

VLADIMIR O. IVENIN,

Candidate of Law
(Nizhny Novgorod academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Nizhny Novgorod, Russia)

Аннотация: в данной статье представлены результаты исследования проблем, связанных с неэффективностью отечественной уголовной политики в области противодействия преступности. Подчеркнута преемственность к уголовно-правовым началам, созданным в период развития Советского государства, имевшего принципиально иные приоритеты в области развития экономики и права. Показан тренд в части насыщения уголовного законодательства специальными нормами и квалифицированными составами, нацеленными на модернизацию механизмов дифференциации ответственности, что продемонстрировано на примере противодействия «скулушутингу» и посягательствам на половую неприкосновенность малолетних и несовершеннолетних. Акцентируется внимание на проблемах толкования уголовно-правовых предписаний. Аргументирована позиция о необходимости преобразования практики применения уголовного законодательства в разрезе перспективной юридической ответственности. Определены формы ее реализации через призму положений ст. 43 Уголовного кодекса Российской Федерации и неотвратимости ответственности (наказания). В статье также предложено рассмотреть проблему развития отечественной политики в аспекте развития института уголовного наказания и уголовной ответственности. В частности, сомнению подвергается необходимость дальнейшего следования наметившейся в законодательстве практике повсеместной дифференциации уголовной ответственности. В этой связи современная уголовная политика должна строиться по пути перспективной юридической ответственности, а именно неотвратимости уголовного наказания и ответственности в целом.

Ключевые слова: неотвратимость ответственности, уголовная политика, уголовное наказание, дифференциация ответственности, социологическое исследование.

Для цитирования: Петрянин А.В., Ивенин В.О. Строгость наказания и неотвратимость ответственности как пути развития уголовной политики России // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2022. № 2. С. 12–18.

Abstract: this article presents the results of a study of problems associated with the inefficiency of domestic criminal policy in the field of combating crime. The continuity to the criminal law principles created during the development of the Soviet state, which has fundamentally different priorities in the development of the economy and law, is emphasized. The trend is shown in terms of saturating the criminal legislation with special norms and qualified compositions aimed at modernizing the modernization of the mechanisms for differentiating responsibility, which is demonstrated by the example of counteracting “schoolshooting” and infringement on

the sexual integrity of minors and minors. Attention is focused on the problems of interpretation of criminal law prescriptions. The position on the need to transform the practice of applying criminal law, in the context of prospective legal liability, is argued. The forms of its implementation through the prism of the provisions of Art. 43 of the Criminal Code of the Russian Federation and the inevitability of responsibility (punishment). The article also proposes to consider the problem of the development of domestic policy in the aspect of the development of the institution of criminal punishment and criminal liability. In particular, the need for further adherence to the practice of universal differentiation of criminal liability, which has been outlined in lawmaking, is questioned. In this regard, modern criminal policy should be built along the path of promising legal responsibility, namely, the inevitability of criminal punishment and responsibility in general.

Keywords: inevitability of responsibility, criminal policy, criminal punishment, differentiation of responsibility, sociological research.

For citation: Petryanin A.V., Ivenin V.O. The severity of punishment and the inevitability of responsibility as a way of developing Russia's criminal policy // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 2. P. 12–18.

Современная отечественная уголовная политика продолжает свое неспешное развитие в области противодействия преступности. Во многом она остается преемственной относительно начал, положенных еще в советский период ее становления и развития, с учетом тех достаточно радикальных преобразований, что произошли с национальной правовой системой при распаде Советского Союза. Однако при взгляде на происходящее в области противодействия преступности через призму изучения ее динамики и статистических данных¹ возникают небесспорные сомнения в эффективности декларируемых государством мер по предупреждению как общеуголовных, так и экономических преступлений. В свою очередь, оно продолжает реагировать на подобную стремительно развивающуюся тенденцию малоэффективными нормотворческими мерами, зачастую сводящимися к правообразованиям в области материального уголовного права. В уголовный закон с перманентной регулярностью вводятся все более новые квалифицированные составы или специальные нормы, которые, по представлениям авторов и сторонников соответствующих законодательных инициатив, должны путем модернизации механизмов дифференциации ответственности привести к более результативному профилактическому влиянию на преступность. Так, в ответ на распространение возникшего в обществе криминального феномена, именуемого как «скулшутинг» [1; 2], Государственная Дума по поручению президента страны² разработала уже

принятый на сегодняшний день законопроект, дополнивший Уголовный кодекс Российской Федерации³ нормами об ответственности за незаконный оборот крупнокалиберного оружия. Кроме того, к категории тяжких преступлений был отнесен сбыт огнестрельного оружия. В целом Федеральным законом от 01.07.2021 № 281-ФЗ внесены изменения в статьи 222, 222¹, 222², 223, 223¹ и 226¹ УК РФ⁴. По смыслу содержания пояснительной записки следует, что предложение о введении соответствующих изменений обусловлено зафиксированным ростом нелегального распространения огнестрельного оружия, о чем свидетельствуют статистические данные МВД России и ФСБ России⁵. Параллельно с этим движение «Колумбайн» 2 февраля 2022 года было признано Верховным Судом Российской Федерации террористической организацией⁶. Аналогичной видим ситуацию с законопроектом об усилении ответственности за общественно опасные деяния, посягающие на по-

³ Далее – УК РФ.

⁴ Усиlena уголовная ответственность в сфере незаконного оборота оружия: Прокурор разъясняет (06.09.2021) [Электронный ресурс] // Официальный сайт прокуратуры Московской области. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_50/activity/legal-education/explain?item=65014207 (дата обращения: 22.01.2022).

⁵ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в целях усиления ответственности за совершение преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия»: законопроект № 1157845-7 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Системы обеспечения законодательной деятельности. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1157845-7> (дата обращения: 22.01.2022).

⁶ Верховный суд признал движение «Колумбайн» террористическим [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2022/02/02/verhovnyj-sud-priznal-dvizhenie-kolumbajn-terroristicheskim.html> (дата обращения: 20.02.2021).

¹ Данные судебной статистики [Электронный ресурс] // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. – URL: <http://www.cdcp.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 20.01.2022).

² Путин поручил ужесточить правила владения оружием после стрельбы в Казани [Электронный ресурс] // Официальный сайт «РБК». – URL: <https://www.rbc.ru/politics/11/05/2021/609a494e9a79471afca6430f> (дата обращения: 23.01.2021).

ловую неприкосновенность несовершеннолетних⁷, поскольку не усматриваем в этом предупредительной силы. История российского уголовного права уже знает периоды, когда за изнасилование малолетних устанавливалась ответственность, вплоть до смертной казни, однако, как многим известно, это не повлекло за собой ожидаемого конструктивного результата⁸. Вместе с тем на ум приходит вполне уместный и существенный вопрос: на основании каких суждений делается заключение о том, что такие меры способны оказать то самое профилаксирующее воздействие? Ответить на него хотелось бы позицией, выработанной основателем классической школы в теории уголовного права. По мнению Ч. Беккариа, уголовное наказание – это не элемент устрашения, а средство удержания лица, уже нарушившего уголовно-правовой запрет, и иных лиц от соблазна совершения общественно опасных деяний [3].

Учитывая описываемые научным сообществом криминологические характеристики личности современного преступника [4; 5], следовало бы заключить, что различные правотворческие усовершенствования в области дифференциации уголовной ответственности способны разве что привести законодательство в соответствие самому себе, в частности, принципу справедливости (ст. 6 УК РФ), по смыслу которого пределы наказания, предлагаемые санкцией статьи, должны учитывать различия в характере и степени общественной опасности криминального поведения. Тем не менее с точки зрения общей превенции как лейтмотива цивилизованной уголовной политики, а равно учитывая частные соотношения состояния преступности в России с постоянными нормотворческими суброгациями, допускаемыми в отношении уголовного закона, мы резюмируем, что столь популярные на сегодняшний день правотворческие преобразования, призванные развить в УК РФ механизм дифференциации уголовной ответственности, являются не более чем косметическими законодательными решениями, принципиально не приводящими к реальному результату, если к такому не относить чрезмерное перенасыщение уголовного закона нормами, дублирующими друг друга по своему предназначению.

Названные обстоятельства все чаще ведут к тому, что единственный источник отечественного уголовного законодательства более не воспри-

нимается как некий непреложный свод правил и запретов, что подтверждается данными проведенного нами социологического исследования (анкетирования), согласно которым из 57 респондентов, имеющих высшее юридическое образование, 39 человек (68%) считают уголовный закон слишком сложным для восприятия граждан, не обладающих специальными юридико-техническими познаниями. Когда участникам опроса предложили в свободной форме изложить аргументацию своих позиций (которая, к слову, практически не была представлена оставшимися 32% респондентов), в числе таковых называли, например: а) не вызванную объективной необходимостью излишнюю конкретизированность (например, ст. 141¹ УК РФ); б) внутренние противоречия, которые, в силу все той же излишней нормативной перенасыщенности, все сложнее отследить; в) несогласованность с иным специализированным законодательством, поскольку законопроекты все чаще принимаются, во-первых, без необходимых корреспондирующих норм, во-вторых, без учета положений специализированного законодательства там, где законодателью словно претит придать вводимой норме высокий уровень бланкетности, замыкая УК РФ на самом себе; г) юридико-технические ошибки, например, несоответствие наименования статьи содержанию диспозиции нормы (ст. 114, 294 УК РФ и т.п.).

Действительно, толкование уголовного закона становится все более трудной задачей даже для самих юристов. Так, правоприменитель зачастую для понимания замысла, скрывающегося за законодательной формулировкой, вынужден обращаться к актам судебного толкования, при том что сам Пленум Верховного Суда Российской Федерации с достаточным усердием меняет подходы к толкованию норм уголовного закона, не претерпевавших каких-либо изменений, словно сам имеет интерпретационные затруднения и не может, исходя из конструкции статьи УК РФ, отдать предпочтение тому или иному взгляду на нее.

Вполне уместными в этом ключе видятся следующие риторические вопросы, касающиеся изложенного выше, а равно затрагивающие учение об общей превенции: как граждане будут соблюдать запреты, не имея при этом возможности их верным образом истолковать? Или как меры усиления ответственности убедят общество в необходимости соблюдения этих запретов, если сопутствующие правотворческие изменения будут обнаружены и в итоге доступны для понимания разве что правоприменителям и правоведам?

На наш взгляд, *необходимо преобразовывать не уголовный закон, но практику его применения*. Считаем, что неэффективность современной уголовной политики в области предупреж-

⁷ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: законопроект № 1248305-7 [Электронный ресурс]. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1248305-7> (дата обращения: 22.01.2022).

⁸ Об усилении ответственности за изнасилование: Указ Президиума ВС СССР от 15 февраля 1962 г. // Ведомости ВС СССР. – 1962. – № 8. – Ст. 84.

дения преступлений по различным направлениям вызвана некорректной интерпретацией учения об общей превенции в разрезе перспективной юридической ответственности со стороны законодателя, а если быть точнее – понимания природы перспективной и позитивной ответственности. Отметим, что перспективной юридической ответственности посвящено немалое количество трудов, весомый вклад в развитие знания о ней внесли такие ученые, как Е.А. Цишковский [6]; Д.А. Липинский [7], К.Б. Соломчук [8]. Так, Е.А. Цишковский рассматривал перспективную ответственность как одно из проявлений «юридической ответственности в правомерном поведении» [9, с. 13], заключающейся в следовании нормам права в связи с осознанием необходимости соответствующей модели поведения. В.Е. Южанин, строя свое размышление на эту тематику через призму уголовно-правовой действительности, отмечал, что позитивная ответственность представляет собой соблюдение правовых норм, в основу чего положено наказание и государственное принуждение [10, с. 203]. Весьма поэтичной в своей идеалистичности, но малоприменимой в прикладном ключе мнению трактовку В.Н. Кудрявцева, согласно мнению которого, позитивная ответственность есть понимание субъектом чувства долга перед обществом и государством [11, с. 11]. Во всяком случае, строить рассуждения, касающиеся строго уголовной политики, посредством обращения к указанной точке зрения видится нецелесообразным, поскольку отечественная юриспруденция развивается в неопозитивистском ключе, а естественно-правовые категории представляют собой лишь фундамент, воплощение идей, предопределивших вектор развития и не претерпевающих каких-либо реорганизаций с момента их установления. Таким образом, мы с очевидным скептицизмом относимся к идее обращения к естественно-правовым категориям в вопросе совершенствования уголовной политики на этапе ее развития, а не становления.

Наиболее значимым в аспекте строящегося рассуждения усматриваем вопрос, касающийся перспективной уголовной ответственности. Акцентированная именно на ней уголовная политика способна оказать наибольшее влияние на противодействие преступлениям во всех сферах – от общеуголовных до экономических. Дискуссия о необходимости реализации перспективной ответственности обречена на свое скоростное завершение, поскольку мало кто решится отрицать крайнюю значимость данного правового инструмента в плоскости обеспечения безопасности личности, общества и государства. Тем не менее возникают существенные расхождения с действительной юридической

природой этого термина и тем, какое его понимание обнаруживается в расставленных законодателем приоритетах в области, казалось бы, совершенствования уголовной политики. В частности, перспективная уголовная ответственность имеет две важных составляющих:

- а) строгость наказания, позволяющую достичь его целей, отраженных в ст. 43 УК РФ;
- б) неотвратимость наказания (а равно ответственности в целом).

О неотвратимости ответственности как одном из важнейших принципов уголовного наказания писал еще Ч. Беккариа, утверждавший по тексту наиболее известного своего труда «О преступлениях и наказаниях»: *«Неизбежность наказания, даже умеренного, всегда производит более сильное впечатление, чем страх подвергнуться самому суровому наказанию, если при этом существует надежда на безнаказанность»* [3, с. 117]. Об особом значении принципа неотвратимости ответственности писал и А.В. Наумов [12, с. 53].

Однако, учитывая, что множасьщиеся с каждым годом законотворческие решения свидетельствуют о том, что законодатель интерпретирует (даже если эта интерпретация сугубо интуитивная или умозрительная) возможности перспективной ответственности достаточно ограниченно, о чем свидетельствует неэффективность принимаемых им мер на фоне общего роста преступности в государстве, неблагоприятная экономическая ситуация в котором порождает преломление общественного правосознания и, как следствие, множество криминогенных факторов. Необходимо срочно переосмыслить пути развития уголовной политики. Обратите внимание, в российских вузах особой любовью студентов и других категорий обучающихся пользуются тематики курсовых работ и исследований, посвященные вопросу смертной казни, а равно различного порядка пенализации за преступления коррупционной направленности или против личности. И более чем просто часто в ответ учащиеся получают один единственный довод о неприменении такого вида наказания в связи с решением Конституционного Суда Российской Федерации. И часто, по мнению многих представителей научной среды, для неопозитивистского права это является исчерпывающей аргументацией, не требующей нравственных или им подобных амбивалентных дискуссионных продолжений. Однако мы отмечаем, что у этих доводов есть вполне логичное развитие, не сводящееся к каким-то эфемерным естественно-правовым представлениям.

Так, на прямой линии с Президентом России 17.04.2014 В.В. Путин обратил внимание на один из вопросов, переданных ему в письменном виде, гласящих: «Если Вы публично, как в Китае, рас-

стреляете хотя бы 350 крупных воров, тогда весь народ будет с Вами». На что В.В. Путин справедливо возразил: «...Вопрос не в тяжести наказания, вопрос в его неотвратимости – вот мы к этому и будем стремиться»⁹. Однако последовавшие за этим мероприятием решения в области законодательного обеспечения (или, скорее, наполнения) уголовной политики не дают оснований полагать, что до законодателя дошли слова Президента Российской Федерации.

Дискуссионной видится позиция П.Н. Фещенко, предлагавшего вводить для коррупционных преступников такие термины, как «враг народа», или вводить обязательство проживать в бараках, применять конфискацию имущества, ведя речь фактически об ужесточении мер ответственности, заочно приводя своим потенциальным оппонентам контраргумент «*давайте попробуем, посмотрим пару лет на результаты, а потом сохраним или отменим*» [13, с. 67]. В ответ хотелось бы возразить: «такой эксперимент уже был, и мы на него уже посмотрели. В Китае, где строгость наказания не оказала должного воздействия». Если же обратиться не только к зарубежному опыту, но и к истории, то критика усиления ответственности как меры совершенствования уголовной политики берет свое начало еще в Античности. Как отмечал когда-то древнегреческий историк Фукидид: «*Со временем почти все наказания были заменены смертной казнью, так как законы постоянно нарушали. Однако и от этой меры преступления не уменьшились...*» [14].

Обратимся к мнению дипломированных юристов. В рамках проводимого нами социологического исследования мы предложили респондентам, обладающим высшим юридическим образованием, ответить на вопрос о том, что, на их взгляд, имеет большее предупредительное воздействие, смоделировав ситуацию с ответственностью за преступления коррупционной направленности. В этом мысленном эксперименте перед лицом вставал вопрос: совершить ли ему преступление, и респонденты должны были указать, в каком случае такой потенциальный взяточполучатель (взяточкодатель) с большей вероятностью воздержится от совершения деяния или доведения его до конца. Чтобы не вводить участника анкетирования в ступор, нами было предложено всего несколько ответов, в которых предлагались варианты, когда условному коррупционеру грозит:

а) пожизненное лишение свободы, при этом с 80-процентной вероятностью он **не будет** изобличен в даче/получении взятки;

б) лишение свободы сроком до 5 лет, с 80-процентной вероятностью **быть изобличенным** в совершении общественно опасного деяния;

в) иное;

г) затрудняюсь ответить.

Из общего массива респондентов (57 человек) 44 отметили вариант «б» как более эффективный в такой смоделированной дилемме, что составляет 77,1% опрошенных. Еще 21% опрошенных (12 человек) отметили вариант «а», и лишь 1 человек (1,75%) отметил, что затрудняется с ответом.

В следующем вопросе респондентам была представлена графическая шкала с одной осью, поделенной на отрезки от 1 до 10, на которой им было предложено отметить точкой оптимальный, на их взгляд, к сегодняшнему дню баланс между строгостью наказания и его неотвратимостью (где 1 – это строгость, а 10 – неизбежность). Путем сложения ответов в общий показатель мы получили усредненный результат в районе «8», согласно которому юридическое сообщество в целом считает необходимым делать упор именно на неотвратимости наказания или ответственности в целом, с чем солидарны и отдельные представители научного сообщества, таким образом, подобная точка зрения имеет право на свое развитие в доктрине [15, с. 13].

Далее мы предложили респондентам обратить внимание на приложенный к анкете рисунок с осью координат, где одна ось отображала строгость наказания (Y), а другая – неотвратимость ответственности (X). Участникам опроса было предложено отметить на оси координат, при соотношении каких условий, на их взгляд, на совершение преступления решаются: а) экономический преступник; б) насильственный преступник (см. рис. 1).

Результаты исследования свидетельствуют о том, что, по мнению общества, наиболее эффективное профилактическое воздействие на экономических преступников оказывает неизбежность ответственности, нивелирование которой является наиболее существенным фактором, побуждающим таковых к совершению противоправных общественно опасных деяний, что может быть связано с большим профессионализмом и расчетливостью преступлений в этой сфере. В свою очередь, для насильственных преступников неизбежность ответственности имеет меньшую значимость, но все же весомую. Конечно, эти данные свидетельствуют лишь о мнении общества и не гарантируют своего соответствия действительности и достоверности. Впрочем они в целом согласуются с современным криминологическим учением.

На сегодняшний день практика назначения судами уголовных наказаний по тем же коррупционным преступлениям складывается таким образом, что реальное лишение свободы назначается

⁹ Стенограмма «Прямой линии с Владимиром Путиным» (17.04.2014) [Электронный ресурс] // Официальный сайт «Российской газеты». – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1248305-7> (дата обращения: 15.12.2021).

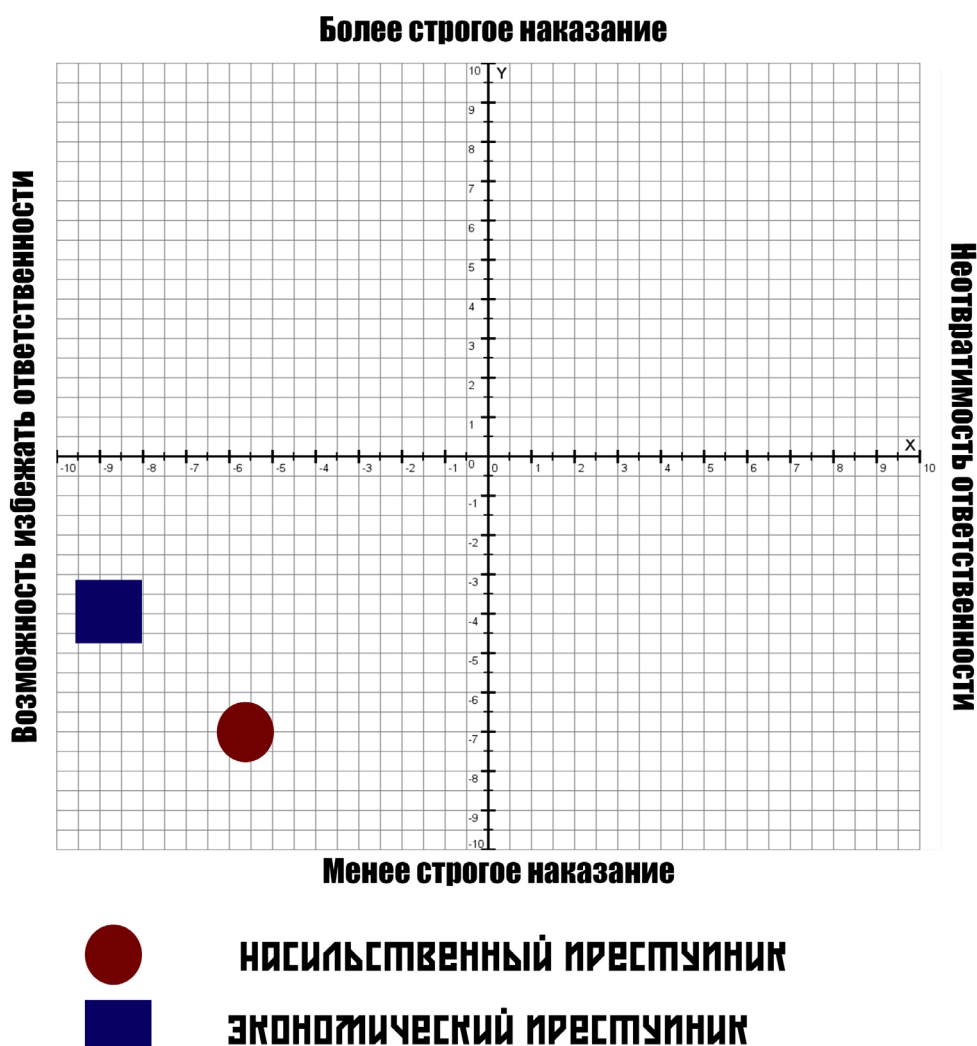

Рисунок 1. Координаты решимости на совершение преступления по результатам социологического исследования

приблизительно лишь в 8% случаев. Вместе с тем это не приводит к резкому увеличению общего числа регистрируемых преступлений в указанной сфере¹⁰, которое с 2018 по 2020 г. остается на приблизительно прежнем уровне. Мы допускаем, что схожесть показателей может быть обусловлена не эффективностью индивидуализации наказания и работы правоохранительных органов, но определенными организационными нюансами в деятельности последних, когда, в частности, оперативные и следственные подразделения в актуальном году стараются раскрыть не меньше, но и не большее количество преступлений, зарегистрированных по аналогичным показателям за предшествующий год. И здесь мы обнаруживаем, что для достижения наиболее эффективной уголовной политики следует подвергнуть рефор-

мированию не столько материально-правовую составляющую уголовной политики, но те сферы деятельности, которые сопряжены с реализацией ретроспективной уголовной ответственности, ведь именно страх перед ней, перед ее неизбежностью и образует наиболее значимое звено перспективной ответственности, столь необходимой в современном российском обществе с искажающимся уже не постепенно правосознанием. Весьма уместным в этом контексте видим слова, чье авторство приписывается китайскому мыслителю Шан Яну: «Добродетель ведет свое происхождение от наказаний». В свою очередь, Луций Анней Сенека заключил: «Преступник может иногда избежать наказания, но не страха перед ним». Более лирически он поместил эту мысль в своих письмах к Луцилию, где в письме ХСVII отметил: «Многих fortuna освободила от кары, но никого – от страха» [16].

В частности, необходимо реформировать работу правоохранительных органов, сотрудникам ко-

¹⁰ Данные судебной статистики [Электронный ресурс] // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 20.01.2022).

торых в силу так называемого кадрового голода и большой загруженности, в том числе административной и бюрократической, некогда заниматься раскрытиями и расследованиями преступлений. Менять необходимо и систему отправления правосудия, и уголовно-процессуальное законодательство, адаптируя его под нашу отечественную правовую действительность, а не под недостижимый идеал. В свою очередь, ежегодные решения о модернизации УК РФ оказываются тщетными

усилиями, которые необходимо направить в несколько иное русло, а не превращать единственный источник уголовного законодательства в очередное лоскутное одеяло.

Таким образом, на основании изложенного приходим к заключению о том, что уголовная политика должна строиться по пути перспективной юридической ответственности, а именно неотвратимости уголовного наказания и ответственности в целом.

Литература

1. **Карпова А.Н., Максимова Н.Г.** Скулшутинг в России: что имеет значение? // *Власть*. – 2021. – № 1. – С. 93–108.
2. **Лукашкова И.Л., Яценко А.А.** Феномен скулшутинга: причины и профилактика // *Ученые записки Казанского юридического института МВД России*. – 2021. – № 2 (12). – С. 337–341.
3. **Беккария Ч.** О преступлениях и наказаниях. – Москва, 2000. – 240 с.
4. **Сошина Л.А.** Криминологическая характеристика лиц, совершивших преступления в сфере незаконного оборота наркотиков (на примере Иркутской области) // *Сибирский юридический вестник*. – 2008. – № 1. – С. 60–64.
5. **Корзун И.Г.** Криминологическая характеристика личности насильственного преступника // *Государственная служба и кадры*. – 2021. – № 3. – С. 93–95.
6. **Цишковский Е.А.** Позитивная и перспективная юридическая ответственность в системе социального контроля: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2003. – 33 с.
7. **Липинский Д.А.** Концепции позитивной юридической ответственности в отечественной юриспруденции // *Журнал российского права*. – 2014. – № 6 (210). – С. 37–51.
8. **Соломчак К.Б.** Позитивная правовая ответственность человека: анализ философско-правовых подходов // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. – 2013. – № 24. – С. 262–266.
9. **Цишковский Е.А.** Юридическая ответственность в правовом поведении // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. – 2009. – № 4 (10). – С. 4–14.
10. **Южанин В.Е.** О позитивной уголовной ответственности // *Человек: преступление и наказание*. – 2020. – № 2. – С. 200–206.
11. **Кудрявцев В.Н.** *Право и поведение*. – Москва: Юрид. лит., 1978. – 192 с.
12. **Наумов А.В.** *Российское уголовное право: курс лекций: в 2 т. Т. 1. Общая часть*. – Москва, 2004. – 496 с.
13. **Фещенко П.Н.** К вопросу о строгости наказания за коррупционные преступления, вызывающие широкий общественный резонанс и рост социальной напряженности // *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. – 2014. – № 7. – С. 65–70.
14. Фукидид *История*. – Ленинград: Из-во «Наука», 1981. – 544 с.
15. **Липинский Д.А.** Принцип неотвратимости юридической ответственности с позиции ее двухаспектного понимания // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. – 2015. – № 3 (33). – С. 8–14.
16. **Сенека Л.** *Нравственные письма к Луцилию: Письмо ХСVII*. – URL: <http://ancientrome.ru/antlitrl/t.htm?a=1346570097>

References

1. **Karpova A.N., Maksimova N.G.** Skulshuting v Rossii: chto imeet znachenie? // *Vlast'*. – 2021. – № 1. – S. 93–108.
2. **Lukashkova I.L., Yashchenko A.A.** Fenomen skulshutinga: prichiny i profilaktika // *Uchenye zapiski Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. – 2021. – № 2 (12). – S. 337–341.
3. **Bekkariya Ch.** O prestupleniyakh i nakazaniyakh. – Moskva, 2000. – 240 s.
4. **Soshina L.A.** Kriminologicheskaya kharakteristika lits, sovershivshikh prestupleniya v sfere nezakonnogo oborota narkotikov (na primere Irkutskoi oblasti) // *Sibirskii yuridicheskii vestnik*. – 2008. – № 1. – S. 60–64.
5. **Korzun I.G.** Kriminologicheskaya kharakteristika lichnosti nasil'stvennogo prestupnika // *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry*. – 2021. – № 3. – S. 93–95.
6. **Tsishkovskii E.A.** Pozitivnaya i perspektivnaya yuridicheskaya otvetstvennost' v sisteme sotsial'nogo kontrolya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – Nizhnii Novgorod, 2003. – 33 s.
7. **Lipinskii D.A.** Kontseptsii pozitivnoi yuridicheskoi otvetstvennosti v otechestvennoi yurisprudentsii // *Zhurnal rossiiskogo prava*. – 2014. – № 6 (210). – S. 37–51.
8. **Solomchak K.B.** Pozitivnaya pravovaya otvetstvennost' cheloveka: analiz filosofsko-pravovykh podkhodov // *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii*. – 2013. – № 24. – S. 262–266.
9. **Tsishkovskii E.A.** Yuridicheskaya otvetstvennost' v pravomernom povedenii // *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika*. – 2009. – № 4 (10). – S. 4–14.
10. **Yuzhanin V.E.** O pozitivnoi ugovnoy otvetstvennosti // *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*. – 2020. – № 2. – S. 200–206.
11. **Kudryavtsev V.N.** *Pravo i povedenie*. – Moskva: Yurid. lit., 1978. – 192 s.
12. **Naumov A.V.** *Rossiiskoe ugovnoe pravo: kurs lektsii: v 2 t. T. 1. Obshchaya chast'*. – Moskva, 2004. – 496 s.
13. **Feshchenko P.N.** K voprosu o strogoti nakazaniya za korruptsionnye prestupleniya, vyzyvayushchie shirokii obshchestvennyi rezonans i rost sotsial'noi napryazhennosti // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. – 2014. – № 7. – S. 65–70.
14. *Fukidid Istoriya*. – Leningrad: Iz-vo "Nauka", 1981. – 544 s.
15. **Lipinskii D.A.** Printsip neotvratimosti yuridicheskoi otvetstvennosti s pozitsii ee dvukhaspektnogo ponimaniya // *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika*. – 2015. – № 3 (33). – S. 8–14.
16. **Seneka L.** *Nravstvennye pis'ma k Lutsiliyu: Pis'mo XCVII*. – URL: <http://ancientrome.ru/antlitrl/t.htm?a=1346570097>

(статья сдана в редакцию 23.02.2022)

ПОСЯГАТЕЛЬСТВО НА ЖИЗНЬ БЕРЕМЕННОЙ ЖЕНЩИНЫ, ОШИБОЧНО ПРИНЯТОЙ ЗА НЕБЕРЕМЕННУЮ

ASSAULT ON THE LIFE OF A PREGNANT WOMAN, MISTAKEN FOR A NON-PREGNANT WOMAN

УДК 343.6

А.И. СИТНИКОВА,
доктор юридических наук, доцент
(Юго-Западный государственный университет,
Россия, Курск)
orcrimpravo@yandex.ru

ALEXANDRA I. SITNIKOVA,
Doctor of Law, Associate Professor
(Southwest State University,
Kursk, Russia)

Аннотация: об актуальности темы свидетельствует сложность и противоречивость квалификации действий лица, посягающего на жизнь беременной женщины, при наличии фактической ошибки в ее физиологических свойствах. Предметом исследования является уголовно-правовое предписание, сформулированное в п. «г» ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации, и доктринальные положения, касающиеся правил квалификации посягательства на жизнь потерпевшей. Цель данной работы состоит в аргументации исключения из законодательной новеллы такого субъективного признака, как заведомость. Методологической основой научного исследования выступает диалектический метод, использованный в единстве с инструментальными методами познания. В ходе исследования выявлено: признак заведомого знания виновным о наличии у женщины беременности, содержащийся в п. «г» ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации, обусловил возникновение двух видов фактических ошибок, связанных с неправильным представлением субъекта о физиологических свойствах потерпевшей. Выводными положениями являются: 1) заведомое знание виновного о физиологических свойствах женщины следует относить не к факту наличия беременности, а к тому, что субъект получил информацию о наличии беременности; 2) при отсутствии медицинских документов или явных внешних признаков о наличии беременности виновное лицо вполне осознанно скрывает свое знание о физиологических свойствах женщины от следствия и суда; 3) из законодательной конструкции п. «г» ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации следует изъять признак заведомости, что позволит более адекватно учесть тяжкие последствия в виде смерти потерпевшей при наличии фактической ошибки и сохранить законодательный подход к жизни беременной женщины как ценному объекту. Полученные результаты в ходе проведенного исследования могут быть использованы в законотворческой деятельности, при внесении изменений в действующие постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, а также в научной и учебной сферах деятельности.

Ключевые слова: посягательство на жизнь беременной женщины, признак заведомости.

Для цитирования: Ситникова А.И. Посягательство на жизнь беременной женщины, ошибочно принятой за небеременную // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2022. № 2. С. 19–22.

Abstract: the relevance of the topic is evidenced by the complexity and inconsistency of the qualification of the actions of a person who encroaches on the life of a pregnant woman in the presence of an actual error in her physiological properties. The subject of the study is the criminal law prescription formulated in paragraph "g" of Part 2 of Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation, and doctrinal provisions concerning the rules of qualification for the life of the victim. The purpose of this work is to argue for the exclusion of such a subjective feature as knowingness from the legislative novel. The methodological basis of scientific research is the dialectical method used in unity with instrumental methods of cognition. In the course of the study, it was revealed: the sign of the culprit's knowledge of the presence of pregnancy in a woman, contained in paragraph "g" of Part 2 of Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation, caused the occurrence of two types of factual error associated with the incorrect representation of the subject about the physiological properties of the victim. The final provisions are: 1) the guilty person's knowledge of the physiological properties of a woman should not be attributed to the fact of pregnancy, but to the fact that

the subject received information about the presence of pregnancy; 2) in the absence of medical documents or obvious external signs of pregnancy, the guilty person quite consciously hides his knowledge about the physiological properties of a woman from the investigation and the court; 3) the sign of knowingness should be removed from the legislative structure of paragraph "g" of Part 2 of Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation, which will more adequately take into account the grave consequences in the form of the death of the victim in the presence of an actual error and preserve the legislative approach to the life of a pregnant woman as a valuable object. The results obtained in the course of the conducted research can be used in law-making activities, when amendments are made to the current resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, as well as in scientific and educational fields of activity.

Keywords: encroachment on the life of a pregnant woman, a sign of knowledge.

For citation: Sitnikova A.I. Assault on the life of a pregnant woman, mistaken for a non-pregnant woman // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 2. P. 19–22.

Уголовное уложение 1845 г. и проект Уложения 1903 г., равно как и Уголовные кодексы РСФСР 1922 г. и 1926 г., содержали нормативные предписания об ответственности за посягательство на жизнь беременной женщины без учета квалифицирующего признака, характеризующего физиологические свойства потерпевшей. Впервые в отечественном уголовном законодательстве убийство беременной женщины в виде квалифицированного состава появилось в УК РСФСР 1960 г., поскольку законодатель признал такое посягательство преступлением повышенной общественной опасности, так как лишается жизни женщина и ее плод [4, с. 280].

Составы преступлений, сформулированные в п. «ж» ст. 102 УК РСФСР и п. «г» ч. 2 ст. 105 действующего Уголовного кодекса Российской Федерации¹, отличаются терминологически: в УК РСФСР 1960 г. уголовно-правовое предписание сформулировано как «убийство женщины, заведомо для виновного находившейся в состоянии беременности», а в действующем уголовном законе – «убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности».

Включение в нормативный текст субъективного признака в виде заведомого знания виновным лицом о наличии у женщины беременности привело к возникновению двух видов фактических ошибок, связанных с неправильным представлением виновного лица о физиологическом состоянии потерпевшей. Первый вид ошибки связан с посягательством на жизнь мнимо беременной женщины, когда субъект полагает, что женщина беременна, а лишает жизни небеременную женщину. Вторая ошибка свидетельствует о заблуждении субъекта, посягнувшего на жизнь небеременную женщину, а фактически лишившего жизни беременную женщину.

В доктрине уголовного права существует традиционный подход к квалификации действий посяга-

ющего на жизнь беременной женщины, ошибочно принятой за небеременную, по ч. 1 ст. 105 УК РФ. В основе такого подхода лежит учет субъективного признака, характеризующего заведомое знание субъекта о наличии у женщины беременности. Указанный признак в УК РФ закреплен дважды: в п. «г» ч. 2 ст. 105 и п. «з» ч. 1 ст. 63.

Ориентир на квалификацию убийства беременной женщины, ошибочно принятой за небеременную, в качестве «простого» убийства задан известными учеными-криминалистами. Так, С.В. Бородин считал, что отсутствие у посягающего заведомой осведомленности о беременности потерпевшей исключает применение п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ [1, с. 137]. По мнению комментаторов Уголовного кодекса Российской Федерации, «заведомость... означает осведомленность убийцы о наличии состояния беременности у потерпевшей» [6, с. 465]. Сторонником такой квалификации является А.Н. Попов, который рассматривает посягательство на жизнь беременной женщины при ошибке в ее физиологических свойствах как убийство, подпадающее под признаки ч. 1 ст. 105 УК РФ. По мнению указанного автора, «если виновный ошибочно полагал, что потерпевшая не беременна, а фактически погибшая оказалась беременной, то в этом случае содеянное должно квалифицироваться при отсутствии иных отягчающих обстоятельств как простое убийство. Нельзя вменить в вину субъекту отягчающее обстоятельство, которое не охватывалось его умыслом. Представляется, что иного подхода к оценке содеянного в этом случае быть не может» [3, с. 343].

Оценивая предложенный вариант квалификации, необходимо отметить следующие моменты:

1. Квалификация при наличии указанной ошибки осуществляется с учетом содержания и направленности умысла.

2. Такого рода квалификация не учитывает фактические последствия в виде смерти потерпевшей и ее плода.

¹ Далее – УК РФ.

3. Реальные последствия выражают большую общественную опасность, чем содержание и направленность умысла.

4. Умысел устанавливается на основе показаний виновного, которые меняются в процессе следствия и зачастую являются ложными, ошибочными либо внушенными, а преступный результат всегда остается в неизменном виде.

5. В этой связи складывается неоднородная судебная практика, в процессе осуществления которой принимаются неоднозначные решения о квалификации действий посягающего на жизнь женщины при наличии ошибки в ее физиологических свойствах.

В литературе высказана и другая точка зрения на квалификацию действий виновного, посягнувшего на жизнь беременной женщины, достоверно не знавшего о наличии у нее беременности. Так, авторы курса российского уголовного права согласились с решением Президиума Верховного Суда РСФСР, поддержавшего приговор Тюменского областного суда. В ходе судебного рассмотрения Тюменский областной суд пришел к выводу, что виновный совершил убийство беременной женщины. Виновный знал о предполагаемой беременности со слов жены, и посмертная экспертиза подтвердила реальное наличие беременности у потерпевшей. Несмотря на отсутствие в материалах дела данных, подтверждающих заведомое знание виновного о физиологическом состоянии его жены, суд квалифицировал содеянное по п. «ж» ст. 102 УК РСФСР (п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ) [2, с. 148–149].

Заведомое знание виновного о физиологическом состоянии женщины следует относить не к факту наличия беременности, а к тому, что субъект получил информацию о наличии беременности. При этом для квалификации по п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ источник осведомленности не имеет значения [5, с. 310]. Кроме того, необходимо исходить из того, что убийство беременной женщины может быть не только с прямым, но и с косвенным умыслом. В последнем случае субъект сознательно допускает причинение смерти беременной женщине либо безразлично относится к наступлению преступного результата. Практика применения ст. 105 УК РФ показывает, что при отсутствии медицинских документов или явных внешних признаков, подтверждающих наличие беременности, виновные лица вполне осознанно скрывают свое знание о физиологическом состоянии женщины от следствия и суда, чтобы не быть привлеченными за убийство заведомо беременной женщины.

Забайкальский краевой суд признал Ш. виновным в совершении посягательства на жизнь

женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, и квалифицировал его действия по п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Из материалов уголовного дела следует, что виновный Ш. в судебном заседании вину признал частично, заявив, что о состоянии беременности во время посягательства вообще не знал. Потерпевшая и ее родственники якобы об этом ему не говорили. Достоверность знания виновного о наличии у потерпевшей состояния беременности суд установил в результате показаний родственников и части свидетелей. Из показания одного из свидетелей следует, что никто, в том числе и Ш., не знал о беременности потерпевшей. Судебно-медицинская экспертиза установила, что на момент смерти потерпевшая была беременна².

В данном случае суд справедливо не принял во внимание показания виновного лица, отрицавшего знание о беременности потерпевшей. При квалификации учтено фактическое обстоятельство, установленное экспертизой, а не искаженное содержание умысла Ш., поскольку подсудимый пытался ввести суд в заблуждение относительно достоверного знания о физиологических свойствах потерпевшей.

Второй пример из судебной практики также свидетельствует о том, что суд при вынесении приговора руководствовался объективными обстоятельствами совершенного посягательства. Так, подсудимый Ш. неоднократно звонил своей бывшей жене, с которой состоял в разводе. На телефонные звонки она не отвечала. Испытывая к ней неприязнь, Ш. решил причинить смерть женщине, для чего взял нож в сарае и проник в дом, где потерпевшая жила вместе с дочерью, матерью и сестрой. Подошел к спящей и, обхватив ее за шею, стал сдавливать органы дыхания. Проснувшись от удушья, А. стала оказывать сопротивление, оттолкнула Ш. от себя руками, стала кричать. Проснувшись мать и сестра потерпевшей Ш. убил ножом, выбежал на улицу и уехал на велосипеде. О беременности потерпевшей подсудимый узнал на следствии при предъявлении ему акта судебно-медицинской экспертизы. Суд пришел к обоснованному выводу, что Ш. дал ложные показания о мотиве убийства бывшей жены, отрицая знание о ее беременности во время посягательства. Соответственно, суд квалифицировал действия Ш. по п. «а» ч. 2 ст. 105, ч. 3 ст. 30 и п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ³.

² Приговор Забайкальского краевого суда от 27 мая 2016 г. № 2-21/2016 [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/qvPTKMmTGYgn/> (дата обращения: 10.02.2022).

³ Приговор Тамбовского областного суда от 26 апреля 2013 г. № 2-12/2013 [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/jluKrHgOhtr/> (дата обращения: 10.02.2022).

Приведенные примеры показывают, что такой признак, как заведомость знания, является ненадежным мерилем содеянного, поскольку виновные лица пытаются ввести в заблуждение следственно-судебные органы в отношении своего знания о беременности потерпевшей. Добиваясь смягчения своей участи, виновные лица отрицают осведомленность о физиологическом состоянии женщины даже в тех случаях, когда имеются внешние признаки беременности, а свидетели прямо указывают на знание виновного об этом факте. Следует отметить, что лица, посягающие на жизнь женщины, находящейся в детородном возрасте, безразлично относятся к тому, что женщина, в силу ее природы, может находиться в состоянии беременности. В этой связи при посягательстве на жизнь женщины не требуется достоверного знания о беременности потерпевшей. Исходя из этого, более надежным квалифицирующим признаком является сам факт беременности, а не содержание умысла виновного лица, зачастую искаженное виновным лицом ради смягчения наказания. При уголовно-правовой оценке действий посягающего следует принимать во внимание позицию медицинских работников, которые считают, что бере-

менность является имманентным свойством женщины в силу ее биологической природы.

В заключение отметим, что из законодательной конструкции п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ следует изъять признак заведомости, поскольку наличие этого признака затрудняет квалификацию действий виновного, совершившего убийство беременной женщины, так как наличие этого признака дает возможность виновному сослаться на свое неведение либо ошибку в ее физиологических свойствах. Изъятие признака заведомости позволит адекватно учесть тяжкие последствия в виде смерти беременной женщины и сохранить законодательный подход к жизни беременной женщины как более ценному объекту, чем жизнь небеременной женщины. Предлагаемая редакция квалифицированного состава п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ в виде «убийства беременной женщины» позволит без особых затруднений квалифицировать действия виновного при наличии субъективных ошибок. Соответственно, при посягательстве на жизнь мнимо беременной женщины осуществлять квалификацию по ч. 1 ст. 105 УК РФ, а при посягательстве на жизнь беременной женщины, ошибочно принятой за небеременную, – по п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Литература

1. **Бородин С.В.** Преступления против жизни. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2003. – 467 с.
2. Курс российского уголовного права. Общая часть. – Москва: Спарк, 2002. – 1040 с.
3. **Попов А.Н.** Убийства при отягчающих обстоятельствах. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2003. – 898 с.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Л.Л. Кругликова. – Москва: Волтерс-Клувер, 2005. – 1104 с.
5. Учебно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А.Э. Жалинского. – Москва: Эксмо, 2005. – 1088 с.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации / под ред. А.И. Чучаева. – Москва: Проспект, 2021. – 1536 с.

References

1. **Borodin S.V.** Prestupleniya protiv zhizni. – Sankt-Peterburg: Yuridicheskii tsentr Press, 2003. – 467 s.
2. Kurs rossiiskogo ugovnogo prava. Obshchaya chast'. – Moskva: Spark, 2002. – 1040 s.
3. **Popov A.N.** Ubiistva pri otyagchayushchikh obstoyatel'stvakh. – Sankt-Peterburg: Yuridicheskii tsentr Press, 2003. – 898 s.
4. Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii / pod red. L.L. Kruglikova. – Moskva: Volters-Kluver, 2005. – 1104 s.
5. Uchebno-prakticheskii kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii / pod red. A.E. Zhalinskogo. – Moskva: Eksmo, 2005. – 1088 s.
6. Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii / pod red. A.I. Chuchaeva. – Moskva: Prospekt, 2021. – 1536 s.

(статья сдана в редакцию 17.02.2022)

**СОВРЕМЕННЫЕ РИСКИ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ НА ПРИМЕРЕ
МОШЕННИЧЕСТВ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНЫХ ВЫПЛАТ И ПУТИ ИХ
ПРЕОДОЛЕНИЯ (КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

**MODERN CYBERSECURITY RISKS ON THE EXAMPLE OF FRAUD IN
THE FIELD OF SOCIAL PAYMENTS AND WAYS TO OVERCOME THEM
(CRIMINOLOGICAL ASPECT)**

УДК 343.72

В.А. ПОТЕТИНОВ,
кандидат юридических наук
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
potetinow@mail.ru

VITALIY A. POTETINOV,
Candidate of Law
(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry
of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Аннотация: в статье рассматриваются возникшие в условиях пандемии риски обеспечения социальной безопасности в интернет-пространстве. В России на фоне пандемии COVID-19 появились новые схемы мошеннических действий. В ситуации распространения вируса и возросшего спроса на информацию все чаще стали совершаться атаки посредством спам-ресурсов и фишинга электронной почты граждан. На крупных интернет-площадках мошенники, используя социальную инженерию, размещают рекламу с информацией о якобы полагающихся выплатах с визуализацией первых лиц государства. Таким образом, принимаемые государством карантинные меры и меры социальной поддержки малообеспеченных слоев населения активизировали кибермошенников, о чем свидетельствует резко возросшее количество зарегистрированных преступлений с применением IT-технологий, в том числе совершаемых в сфере социального обеспечения, что создает риск кибербезопасности. Автор статьи исследует адаптированные под современные условия кризиса, новые, получившие в современных условиях пандемии распространение схемы мошеннических действий в сфере получения социальных выплат, а также появившиеся угрозы привлечения к уголовной ответственности добросовестных получателей пособий. Анализируя принимаемые в условиях карантинных ограничений новые меры государственной поддержки, автор дает рекомендации по соблюдению базовых правил обращения с данными при получении мер социального обеспечения, а также предлагает меры, направленные на устранение современных причин и условий совершения преступлений в сфере социального обеспечения.

Ключевые слова: мошенничество, кибермошенники, преступления, предупреждение преступности, социальные выплаты.

Для цитирования: Потетин В.А. Современные риски кибербезопасности на примере мошенничеств в сфере социальных выплат и пути их преодоления (криминологический аспект) // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2022. № 2. С. 23–28.

Abstract: this article discusses the risks of ensuring social security in the Internet space that have arisen in the context of a pandemic. In Russia, against the backdrop of the COVID-19 pandemic, new fraud schemes have emerged. Taking advantage of the situation with the spread of the virus and the increased demand for information, more and more attacks began to be carried out through spam resources and phishing of citizens' e-mails. On large Internet sites, scammers, using social engineering, place ads with information about supposedly due payments with the visualization of the first persons of the state. Thus, the quarantine measures taken by the state and measures of social support for low-income strata of the population have activated cyber fraudsters, as evidenced by a sharp increase in the number of registered crimes using IT technologies, including those committed in the field of social security, which creates a risk of cybersecurity. The author of the article examines new, adapted to the current conditions of the crisis, widespread schemes of fraudulent actions in the field of receiving social benefits, which have received in the current pandemic conditions, as well as the threats of bringing bona fide recipients of benefits to criminal liability. Analyzing the new state support measures taken under quarantine restrictions, the author gives recommendations on compliance with the basic rules for handling data when receiving social security measures, and also proposes measures aimed at eliminating the modern causes and conditions for committing crimes in the field of social security.

Keywords: fraud, cyber fraudsters, crimes, crime prevention, social payments.

For citation: Potetinov V.A. Modern cybersecurity risks on the example of fraud in the field of social payments and ways to overcome them (criminological aspect) // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 2. P. 23–28.

Текущая пандемия, вызванная распространением по всему миру коронавируса SARS-CoV-2, уже на протяжении более двух лет требует от мирового сообщества принятия ряда мер, направленных не только на сохранение здоровья населения, но и на сведение к минимуму иных негативных последствий [1, с. 184]. Принимаемые государствами меры по замедлению распространения коронавируса неизбежно вызывают экономический кризис, ведут к повышению уровня безработицы¹, снижению доходов населения², что, в свою очередь, прямо пропорционально отражается на уровне и структуре преступности³. К примеру, в 2019 году в органы внутренних дел поступило 14 402 сообщения, содержащих сведения о совершении преступления, предусмотренного ст. 159.2 УК РФ, в 2020 году таковых сообщений уже было 22 400, а за истекший 2021 год зарегистрировано 32 038 сообщений.

В соответствии с чч. 1 и 2 ст. 7 Конституции Российской Федерации Россия является социальным государством, политика которого призвана обеспечить постоянную поддержку наиболее уязвимых категорий граждан в зависимости от возрастных периодов жизни человека, материнства, отцовства, детства и т.п.

В этой связи законодательством России для наиболее нуждающихся категорий граждан предусмотрены различные виды оказания социальной помощи, например:

- денежные выплаты в виде социальных пособий, компенсаций, субсидий и др. (п. 1 ч. 1 ст. 12);
- в натуральном виде (медикаменты, продукты питания, носимые вещи и т.п.) (п. 2 ч. 1 ст. 12)⁴.

¹ Занятость и безработица в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <https://rosstat.gov.ru/search?q=уровень+безработицы> (дата обращения: 12.11.2021).

² Методика расчета показателей распределения и дифференциации по уровню доходов населения, показателей, характеризующих уровень и распространение низких доходов [Электронный ресурс]. – URL: <https://rosstat.gov.ru/search?q=уровень+доходов> (дата обращения: 12.11.2021).

³ См: Сборник «Состояние преступности в России за 2020 год» // Генеральная прокуратура Российской Федерации. – Москва, 2020; Сборник «Состояние преступности в России за январь – ноябрь 2021 года» // ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД России. – Москва, 2021.

⁴ О государственной социальной помощи: Федеральный закон от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ // Российская газета. – 1999. – 23 июля.

В настоящее время в России насчитывается более 380 видов социальной поддержки. По данным Правительства Российской Федерации, только в 2020 году поддержку от государства получило около 75 млн человек на общую сумму 12 триллионов рублей⁵. В 2021 году более 43 млн пенсионеров и 21 млн школьников получили дополнительные выплаты по 10 000 рублей, около 1 млн семей получили сертификаты на материнский капитал и более 1,5 млн семей воспользовались им в соответствии с действующим законодательством⁶.

В сложившейся ситуации сфера социального обеспечения вызвала преступный интерес у отдельных категорий граждан, а ухудшение экономических показателей создало дополнительную социальную напряженность, следствием чего стал непрогнозируемый и неконтролируемый всплеск преступности. Основную массу в период пандемии составили преступления против собственности. Аналогичную ситуацию исследователи отмечают во многих зарубежных странах [2, с. 68].

В целях практической реализации социальной политики в Российской Федерации предусмотрены различные правовые механизмы, гарантирующие меры социальной защиты нуждающимся гражданам.

Если же вести речь об уголовно-правовых мерах, обеспечивающих охрану социально-экономических общественных отношений, то в целях предупреждения посягательств на права граждан в области социальной политики законодатель в 2012 году ввел уголовную ответственность за мошенничество при получении выплат⁷ (ст. 159.2 Уголовного кодекса Российской Федерации⁸).

Необходимость правового регулирования в уголовном законодательстве данного вида мо-

⁵ Ежегодный отчет Правительства в Государственной Думе [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства России. – URL: <http://government.ru/news/42158/> (дата обращения: 02.07.2021).

⁶ Ежегодный отчет Правительства в Государственной Думе [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства России. – URL: <http://government.ru/news/45073/> (дата обращения: 10.04.2022).

⁷ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ // Российская газета. – 2012. – 3 декабря.

⁸ Далее – УК РФ.

шенничества была обусловлена тем, что совершаемые общественно опасные деяния, заключающиеся в хищении денежных средств и иного имущества при оказании социальной помощи, получили массовое распространение. Каждый двенадцатый из общего количества осужденных за мошенничество признавался виновным за хищения, предметом которых выступали пособия, компенсации, субсидии и иные денежные выплаты социального характера⁹.

В большинстве случаев субъектами данного вида мошенничества выступали не профессиональные преступники, а лица, которые ранее были не судимы, безработные, в отдельных случаях ведущие антиобщественный образ жизни, злоупотребляющие спиртными напитками и наделенные правом на получение соответствующих выплат [3, с. 48]. В этой связи действовавшие меры ответственности (ст. 159 УК РФ) были несоразмерны ущербу, который могли принести гражданам государству в результате незаконного получения социальных выплат.

Правоприменительный опыт данной уголовно-правовой нормы свидетельствует о том, что актуальность уголовно-правового воздействия на лиц, совершающих мошеннические действия в сфере выплат, не утрачена и в настоящее время.

Анализ статистических данных, представленных МВД России, показывает, что количество зарегистрированных преступлений, связанных с мошенничествами при получении выплат (ст. 159.2 УК РФ), на протяжении последних лет имеет устойчивую положительную динамику. Для сравнения: в 2018 году на учет поставлено 6 552 преступления рассматриваемого вида, в 2019 году – 9 034 преступления, в 2020 году – 9 660 преступлений, в 2021 году – 11 429 преступлений¹⁰. Такую динамику регистрации данного вида преступности можно объяснить происходившими в указанный период времени в России социально-политическими и экономическими процессами. Согласно опросу, проведенному Центральным банком Российской Федерации, в 2020 году 48% наших граждан сталкивались с мошенническими действиями¹¹.

⁹ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и иные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Ежемесячный сборник о состоянии преступности в России. 2022 г. [Электронный ресурс] // Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 23.01.2022).

¹¹ Роструд предупредил работодателей о новой схеме мошенничества [Электронный ресурс]. – URL: https://pravo.ru/news/229116/?desc_autoload= (дата обращения: 21.03.2021).

Предполагаем, что рост количества зарегистрированных преступлений данного вида на фоне пандемии COVID-19, а также анонсированной Президентом Российской Федерации¹² масштабной модернизации социальной поддержки наших граждан продолжится. Причиной тому может послужить использование удаленных возможностей оформления различного рода социальных пособий через всевозможные ресурсы, затянувшийся экономический кризис.

Пандемия, вызванная COVID-19, нанесла ощутимый удар не только по российской экономике, но и мировой в целом. В весенний период локдауна 2020 года люди стали массово терять работу и заработок. Последствиями пандемии можно отметить снижение потребительской активности населения, вызванное физическим дистанционированием населения, сокращение доходов, безработицу и в целом снижение ВВП. На этом фоне государству необходимо было оперативно принимать действенные меры социального характера, направленные на поддержание наиболее уязвимых и малообеспеченных слоев населения.

В этой связи российские власти предприняли меры в отношении наиболее нуждающихся слоев населения, поддержав семьи с детьми, для которых были предусмотрены единовременные выплаты социального характера, такие как:

– выплаты единовременных пособий на детей от 3 до 16 лет¹³;

– увеличены пособия безработным родителям на детей до 18 лет¹⁴.

В целях материального поддержания лиц, лишившихся работы и заработка, государство упростило порядок регистрации безработных в центрах занятости, одновременно увеличив суммы соответствующих выплат. Появление возможности удаленного порядка регистрации в качестве безработного, а также упрощенный порядок оформления и получения пособия по безработице (сумма варьировалась от 1500 до 12130 рублей) вызвали всплеск регистрируемых фактов мошенничества в сфере получения выплат (ст. 159.2 УК РФ). В сложившейся экономической ситуации на учет как безработные стали регистрироваться

¹² Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс]. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/59863> (дата обращения: 02.03.2021).

¹³ О дополнительных мерах социальной поддержки семей, имеющих детей: Указ Президента Российской Федерации от 7 апреля 2020 г. № 249 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 15 (часть I). – Ст. 2243.

¹⁴ О ежемесячных выплатах лицам, осуществляющим уход за детьми-инвалидами и инвалидами с детства I группы: Указ Президента Российской Федерации от 26.02.2013 № 175 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 9. – Ст. 938.

самозанятые граждане, являющиеся плательщиками налога на профессиональный доход¹⁵.

Согласно разъяснениям Минкомсвязи России, для получения пособия по безработице самозанятые должны прекратить регистрацию указанного статуса. Таким образом, пока лицо зарегистрировано как плательщик налога на профессиональный доход, оно не может претендовать на пособие по безработице, даже если фактически не осуществляет никакой профессиональной деятельности и не получает дохода¹⁶.

Претендовать на пособие по безработице самозанятые могли после снятия с учета, то есть официального прекращения деятельности в качестве таковых. Для снятия с учета лицам, являющимся плательщиками НПД, необходимо было подать заявление через приложение «Мой налог», а датой снятия лица с учета в качестве налогоплательщика является дата направления в налоговый орган соответствующего заявления¹⁷.

В отдельных случаях плательщики НПД в период тотального карантина и массовой безработицы забывали (в некоторых случаях не знали), что до регистрации в центрах занятости им необходимо прекратить статус самозанятых. Отдельные, ставшие на учет безработные, забывая о наличии такого статуса, регистрировались в центрах занятости населения и получали не только пособие по безработице, но и доплаты на каждого несовершеннолетнего ребенка¹⁸.

В таких случаях пособия по безработице и иные связанные с данными фактами доплаты (федерального и регионального уровней) считаются полученными обманным путем и подлежат возврату в добровольном или судебном порядке, а в действиях лица, необоснованно получившего такие выплаты, усматриваются признаки мошенничества.

В этой связи при каждом случае выявления подобных фактов центры занятости населения обязаны передавать соответствующие материалы в

правоохранительные органы¹⁹ для дачи юридической оценки относительно состава преступления, предусмотренного ст. 159.2 УК РФ.

Полагаем, что в указанных ситуациях доказать корыстную цель незаконного получения данного вида пособия в большинстве случаев будет затруднительно. Более того, центр занятости населения прежде чем поставить человека на учет в качестве безработного, должен был удостовериться, что у регистрируемого безработного действительно отсутствует работа и какой-либо доход. Однако отсутствие в настоящее время должного межведомственного взаимодействия между государственными органами позволяло отдельным категориям граждан необоснованно получать выплаты из федеральных и региональных бюджетов, а впоследствии становиться фигурантами уголовных дел.

Имеющаяся судебно-следственная практика свидетельствует о том, что уголовные дела по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 159.2 УК РФ (мошенничество при получении выплат), возбуждаются как в отношении лиц, которые осознанно представляют в государственные структуры поддельные документы на получение различного рода пособий, так и тех, для которых минимальная подработка является источником выживания семьи в сложившейся ситуации²⁰.

Следует сказать и о том, что принимаемые государством в условиях экономического кризиса, возникшего на фоне пандемии COVID-19, меры социальной поддержки спровоцировали новые виды цифрового мошенничества [4, с. 183], в том числе предметом которых выступали различные виды социальных выплат.

Пользуясь возможностью использовать кризис в своих интересах, мошенники учли возросший спрос людей на информацию относительно глобальной пандемии и иных материалов, адаптировали свои методы работы, выработав новые виды преступной деятельности [5, с. 77].

Проведенный анализ приговоров, вынесенных судами первой инстанции по ст. 159.2 УК РФ в 2020-м и первом полугодии 2021 года, а также научной литературы [6, с. 79; 4, с. 184–185] сви-

¹⁵ Далее – НПД.

¹⁶ О занятости населения в Российской Федерации: Закон Российской Федерации от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 // Российская газета. – 1996. – 6 мая.

¹⁷ О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»: Федеральный закон от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ // Российская газета. – 2018. – 30 ноября.

¹⁸ О размерах минимальной и максимальной величин пособия по безработице на 2020 год: постановление Правительства Российской Федерации от 27 марта 2020 года № 346 // Российская газета. – 2020. – 2 апреля.

¹⁹ Об утверждении Временных правил регистрации граждан в целях поиска подходящей работы и в качестве безработных, а также осуществления социальных выплат гражданам, признанным в установленном порядке безработными: постановление Правительства Российской Федерации от 8 апреля 2020 г. № 460 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 15 (часть IV). – Ст. 2311.

²⁰ Положительный опыт УЭБиПК УМВД России по выявлению, пресечению и раскрытию преступлений, связанных с расходованием бюджетных средств, выделенных на социальную поддержку детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (архив УМВД России по Рязанской области).

детельствует о том, что наиболее распространенными схемами преступной деятельности выступают попытки завладения мошенниками денежными средствами граждан под предлогом предоставления всевозможных государственных выплат. Таким образом, в результате совершения указанных деяний причиняется имущественный вред гражданам, обладающим правом получения различного рода мер социальной поддержки. Совершение таких общественно опасных деяний в конечном счете не только исключает получение предусмотренных действующим национальным законодательством мер поддержки, но и создает условия лишения граждан последних средств к существованию.

В сети Интернет мошенниками распространяется реклама с изображением первых лиц государства, от которых исходят обещания социальной поддержки граждан, а ссылки по их оформлению ведут на фишинговые сайты.

Согласно информации МВД России, наибольшее распространение в условиях пандемии получили случаи мошенничеств, связанные с выплатами пособий на детей, посредством подтверждения учетной записи якобы на портале «Госуслуги». Целью указанных мошеннических действий является получение реквизитов банковских карт граждан и последующее их использование при хищении со счетов потерпевших денежных средств²¹.

О таких сайтах-дублерах кибермошенники рассылают СМС-сообщения и электронные письма с призывами оформления различного рода социальных выплат через указанные в них сервисы. Потенциальные получатели таких выплат в большинстве случаев не только сообщают логин и пароль от своего личного кабинета на портале «Госуслуги», но и представляют данные банковских карт, с которых впоследствии совершаются хищения денежных средств.

Борьба с такими фишинговыми сайтами в настоящее время затруднена. Для блокирования каждого «сайта-мошенника» требуется отдельное решение суда. В то же время активность и оперативность мошенников в сфере киберпреступности значительно превосходит принимаемые правоохранительными органами и Банком России меры по блокированию мошеннических телефонных номеров и фишинговых сайтов.

Принимаемые в настоящее время меры превентивного характера по информированию граждан о росте мошенничеств с применением информационно-телекоммуникационных технологий, призывы к гражданам не реагировать на предложения сомнительных мессенджеров

не оказывают достаточного профилактического воздействия. Свидетельством тому являются социальные исследования, приведенные ВЦИОМ, согласно которым россияне в 2020 году отдали телефонным аферистам и онлайн-мошенникам почти 150 млрд рублей²².

Поэтому во избежание подобных случаев при оформлении пособий необходимо соблюдать элементарную цифровую гигиену (базовые правила безопасного обращения с личными данными, которые помогут избежать взлома IT-систем и хищения данных), а именно:

- оформлять необходимые меры социальной поддержки только на официальных сайтах, внимательно проверяя при этом адресную строку браузера;

- использовать двухфакторную авторизацию, то есть помимо пароля необходимо предусмотреть введение кодов из СМС-сообщений;

- не создавать для различного рода ресурсов личные кабинеты с аналогичными логинами и паролями и не хранить их в памяти персональных устройств (компьютеры, телефоны) без использования эффективного антивируса;

- не открывать подозрительные письма от неизвестных адресатов.

Преступность, сформировавшаяся в условиях современного кризиса, выступает серьезным подрывным фактором и отвлекает от национальных усилий по обеспечению здоровья и социально-экономической безопасности граждан. В этой связи полностью поддерживаем ученых, которые, указывая на постоянно меняющиеся методы интернет-мошенничеств, заявляют о необходимости своевременного внесения изменений в законодательство с целью защиты отношений собственности [7, с. 52].

В целях необходимости обслуживания большого количества получателей социальных выплат и предупреждения необоснованного назначения выплат социального характера считаем необходимым провести цифровую трансформацию социальной сферы, которая должна объединить все меры социальной поддержки. Объединение воедино существующих информационных систем Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, Пенсионного фонда Российской Федерации, Фонда социального страхования Российской Федерации и других государственных учреждений позволит сформировать на единой платформе реестр получателей социальных услуг (от выплат по электронному листку нетрудоспособности до реализации сертификата

²¹ Официальный сайт МВД России [Электронный ресурс]. – URL: <https://мвд.рф/pamjatki> (дата обращения: 13.10.2021).

²² Не пойман – не разговор [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4627498?tg> (дата обращения: 13.02.2021).

на материнский капитал). Для получения мер государственной поддержки понадобится создание контакт-центра и личных кабинетов получателей. Такое автоматическое оформление социальных услуг станет значительно быстрее и с более высоким уровнем качества, что, в свою очередь:

– обеспечит по принципу «одного окна» реализацию права каждого на социальное обеспечение и исключит необходимость неоднократного обращения граждан на различные ресурсы при оформлении выплат, а соответственно, значительно снизит риски попасться на уловки мошенников;

– устранил факты забывчивости граждан о наступивших обстоятельствах, исключающих дальнейшее получение различного рода мер социальной поддержки, а соответственно, возможность их уголовного преследования;

– повысит уровень взаимодействия государственных органов и их должностных лиц в сфере реализации социальных прав населения, что положительно скажется на уровне удовлетворенности граждан результатом оказываемых им услуг в сфере социального обеспечения и повысит авторитет государства.

Литература

1. **Коростелкин М.М., Васильева М.В.** Финансовые рынки в период пандемии: рост и падение // Экономическое развитие региона: управление, инновации, подготовка кадров. – 2020. – № 7. – С. 182–188.
2. **Еськова Л.К., Рябчиков В.В.** Новые преступные способы мошенничества в период пандемии коронавирусной инфекции // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 12-2. – С. 68–70.
3. **Копейко Т.Г.** Криминологическая характеристика личности преступника, совершающего мошенничество при получении выплат // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2020. – № 2 (48). – С. 44–48.
4. **Руф Ю.Н., Рябчиков В.В.** Мошенничество в Интернете в период пандемии: схемы и их избежание // Цифровая экономика: перспективы аудита и безопасности бизнеса: сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции. – Тюмень, 2020. С. 182–187.
5. **Гармышев Я.В.** Квалификация мошенничества с использованием компьютерных технологий, вопросы законодательства и правоприменительной практики // Закон и право. – 2021. – № 2. – С. 76–82.
6. **Попова Е.И., Маслакова Е.А., Дедюхин Д.Д.** Виды финансового мошенничества в период пандемии // Актуальные вопросы современной экономики. – 2021. – № 6. – С. 78–80.
7. **Потапова А.В.** Мошенничество в сети Интернет: криминологическая характеристика и проблемы квалификации // STUDENT. – 2020. – № 6-3. – С. 52–57.

References

1. **Korostelkin M.M., Vasil'eva M.V.** Finansovye rynki v period pandemii: rost i padenie // Ekonomicheskoe razvitie regiona: upravlenie, innovatsii, podgotovka kadrov. – 2020. – № 7. – S. 182–188.
2. **Es'kova L.K., Ryabchikov V.V.** Novye prestupnyye sposoby moshennichestva v period pandemii koronavirusnoi infektsii // Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennyye nauki. – 2020. – № 12-2. – S. 68–70.
3. **Kopeiko T.G.** Kriminologicheskaya kharakteristika lichnosti prestupnika, sovershayushchego moshennichestvo pri poluchenii vyplat // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. – 2020. – № 2 (48). – S. 44–48.
4. **Ruf Yu.N., Ryabchikov V.V.** Moshennichestvo v Internetе v period pandemii: skhemy i ikh izbezhanie // Tsifrovaya ekonomika: perspektivy audita i bezopasnosti biznesa: sbornik statei po materialam Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. – Tyumen', 2020. S. 182–187.
5. **Garmyshev Ya.V.** Kvalifikatsiya moshennichestva s ispol'zovaniem komp'yuternykh tekhnologii, voprosy zakonodatel'stva i pravoprimeritel'noi praktiki // Zakon i pravo. – 2021. – № 2. – S. 76–82.
6. **Popova E.I., Maslakova E.A., Dedyukhin D.D.** Vidy finansovogo moshennichestva v period pandemii // Aktual'nye voprosy sovremennoi ekonomiki. – 2021. – № 6. – S. 78–80.
7. **Potapova A.V.** Moshennichestvo v seti Internet: kriminologicheskaya kharakteristika i problemy kvalifikatsii // STUDENT. – 2020. – № 6-3. – S. 52–57.

(статья сдана в редакцию 28.02.2022)

**УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ СПЕЦИАЛЬНЫМ
Организованным формам экстремистской
деятельности: доктринально-методологические
аспекты**

**CRIMINAL LAW COUNTERACTION TO SPECIAL ORGANIZED FORMS
OF EXTREMIST ACTIVITY: DOCTRINAL AND METHODOLOGICAL
ASPECTS**

УДК 343

Ю.С. МАГНУТОВ

(Борский городской суд Нижегородской области,
Россия, Бор)
magnutov_u_s@mail.ru

YURIY S. MAGNUTOV,

(Borsky City Court of the Nizhny Novgorod Region,
Bor, Russia)

Аннотация: легитимизация противодействия экстремизму и его специальным организованным формам в 2002 году, после принятия Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», породила массу проблем, в том числе и методологического содержания. По истечении двадцати лет с учетом активно изменяющейся законодательной и интерпретационной практики приходим к выводу о том, что до настоящего времени государство находится в активном поиске механизмов, повышающих уровень противодействия специальным организованным формам экстремистской деятельности. Это видится в уточнении признаков преступлений экстремистской направленности, более глубокой дифференциации ответственности за их совершение и, как следствие, ее усилении. Учитывая, что применяемые сегодня меры не достигают желаемого результата в области снижения уровня активности со стороны экстремистских сообществ и экстремистских организаций, в статье представлен возможный вектор будущего развития уголовной политики в исследуемой области. Аргументирована группа доктринальных авторских суждений, обосновывающая введение в научный оборот понятия «специальные организованные формы экстремистской деятельности». Дано обоснование конструктивных признаков, его образующих. Раскрыты критерии, подтверждающие социально-правовую обусловленность противодействия групповой экстремистской деятельности, а также институты, ее образующие. Акцентируется внимание на значимости общественных отношений, благ и ценностей, находящихся под охраной ст. 282¹ и 282² УК РФ, представлено их содержание. На основе проведенного исследования предложена авторская классификация преступлений с признаками экстремистской деятельности, совершаемых в соучастии.

Ключевые слова: экстремизм, преступления экстремистской направленности, экстремистское сообщество, экстремистская организация, социально-правовая обусловленность.

Для цитирования: Магнатов Ю.С. Уголовно-правовое противодействие специальным организованным формам экстремистской деятельности: доктринально-методологические аспекты // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2022. № 2. С. 29–32.

Abstract: the legitimization of countering extremism and its special organized forms in 2002, after the adoption of the Federal Law “On countering extremist activity”, gave rise to a lot of problems, including methodological content. After twenty years, taking into account the actively changing legislative and interpretive practice, we come to the conclusion that until now the state is in an active search for mechanisms that increase the level of counteraction to special organized forms of extremist activity. This is seen in the clarification of the signs of crimes of an extremist orientation, a deeper differentiation of responsibility for their commission and, as a result, its strengthening. Considering that the measures applied today do not fully achieve the desired result in the field of reducing the level of activity on the part of extremist communities and extremist organizations, the article presents a possible vector for the future development of criminal policy in the area under study, a group of doctrinal author’s judgments is presented, substantiating the introduction into scientific circulation the concept of “special organized forms of extremist activity”. The substantiation of constructive features of its generators is given. The criteria confirming the social and legal conditionality of countering group extremist activity, as well as the institutions that form it, are disclosed. The attention is focused on the importance of social relations, benefits and values under the protection of Art. 282¹ and 282² of the Criminal Code of the Russian Federation, their content is presented. On the basis of the study, the author’s classification of crimes with signs of extremist activity, committed in complicity, is proposed.

Keywords: extremist crimes, extremist community, extremist organization, social and legal conditionality.

For citation: Magnutov Yu.S. Criminal law counteraction to special organized forms of extremist activity: doctrinal and methodological aspects // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 2. P. 29–32.

Решением проблемы роста экстремистских настроений озадачено все цивилизованное мировое сообщество, что подтверждается колоссальным количеством международных актов¹, высказываниями мировых политических деятелей, а также особым интересом к ней со стороны ученых [1, с. 373–377; 2, с. 75–84; 3, с. 114]. В Российской Федерации накоплен колоссальный опыт в борьбе с различными формами проявления экстремистской деятельности. Сегодня мы констатируем развитие такого рода стратегии уже на протяжении двадцати лет. Официальной точкой отсчета стало принятие в 2002 году Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»², повлекшее включение в Уголовный кодекс Российской Федерации³ статей, установивших ответственность за организацию экстремистского сообщества (ст. 282¹ УК РФ) и организацию деятельности экстремистских организаций (ст. 282² УК РФ), что и стало основанием для выделения такой наукоемкой объединяющей категории, как специальные организованные формы экстремистской деятельности.

В настоящий момент мы столкнулись с очередным этапом эволюционирования группового экстремизма, что характеризуется как численностью, разветвленностью экстремистских организаций и экстремистских сообществ на территориях многих государств, так и апробацией все новых и новых методик свержения действующих политических режимов и захвата власти. Активно трансформируется и портрет личности экстремиста [4, с. 104–109]. В частности, опыт, полученный в Сирийской Арабской Республике, доказал неэффективность апробированных насильствен-

ных способов в достижении своих целей, ранее приносивших желаемый результат. При участии Воздушно-космических сил Российской Федерации представители Исламского государства (группировка, запрещенная в России) потерпели фиаско. Сегодня наблюдается наличие нового и более эффективного формата протестной деятельности, сопряженного с использованием ненасильственных методик свержения власти. Он очень широко представлен на постсоветском пространстве, где в формате специальных организованных форм экстремистской деятельности предпринимались попытки свержения власти (Грузия, Украина, Казахстан). Основы такого учения изложены в работе Д. Шарпа [5, с. 84]. Развитие этих идей приводит к тому, что экстремистки настроенные организации одновременно захватывают контроль над государством. Примером может стать ситуация, произошедшая в прошлом году в Афганистане. Организация «Талибан», признанная в Российской Федерации террористической, после вывода контингента НАТО из страны 2 июля 2021 года приступила к активной фазе по захвату территорий. 15 августа была занята столица Афганистана, и сегодня власть находится под управлением движения «Талибан»⁴.

Вышеизложенное заставляет задуматься о необходимости совершенствования механизмов противодействия специальным организованным формам экстремистской деятельности, в том числе и уголовно-правовыми средствами.

Накопленный международный и российский опыт позволяет выдвинуть ряд наукоемких, методологически обоснованных суждений, представляющих собой возможный вектор будущего развития уголовной политики в исследуемой области, которые и будут представлены в статье в виде доктринальных суждений.

Открыть теоретический блок хотелось бы с формулирования следующего авторского базового понятия. Специальные организованные формы экстремистской деятельности – это предусмотренные в ст. 282¹ и 282² УК РФ умышленные общественно опасные деяния, обладающие общими признаками соучастия, в совокупности с дополнительными характеристиками, предусмотренными в ст. 1 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

⁴ Талибическая сила [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4946072> (дата обращения: 30.01.2022).

¹ Мир против насилия и насильственного экстремизма: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 2013 г. № 68/127 [Электронный ресурс]. – URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/RES/68/127> (дата обращения: 30.01.2022); Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 15 июня 2001 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 41. – Ст. 3941; Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма: принята Резолюцией 49/60 на 84-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН 9 декабря 1994 г. // Действующее международное право. – Москва, 1997. Т. 3. С. 90–94.

² О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25 июля 2002 № 114-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3031; далее – ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»

³ Далее – УК РФ.

Признаки, его образующие, имеют следующее обоснование:

1. Конструкция умысла при совершении деяний экстремистской направленности в соучастии, включающая в себя следующие характеристики интеллектуального и волевого моментов:

а) интеллектуальный состоит в осознании общественной опасности своих действий и действий соучастников, содержащих в себе признаки экстремизма (ст. 1 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»);

б) волевой момент выражается в желании каждого из соучастников, вне зависимости от выполняемой роли, совершения таких действий, а в материальных составах преступлений – наступления последствий, характерных только для деяний экстремистского толка.

2. Взаимообусловленность, согласованность поведения соучастников, единство преступного результата определяется общей целью, усиливающейся специальной мотивацией, указанной в примечании 2 к ст. 282¹ УК РФ, а также приверженностью к конкретным идеологиям или организациям, ее распространяющим, деятельность которых запрещена на территории Российской Федерации.

3. Криминализация специальных видов экстремистско-группового поведения (ст. 282¹ и 282² УК РФ) подтверждает наличие характерной прямой причинно-следственной связи между действиями каждого из соучастников при совершении преступлений экстремистской направленности.

В разрезе проводимого исследования, доказывая необходимость поддержания самостоятельного курса уголовной политики во взятой для рассмотрения области, целесообразно поднять вопрос о социально-правовой обусловленности противодействия специальным организованным формам экстремистской деятельности. Для этого необходимо ответить на вопрос: какие институты формируют социально-правовую обусловленность противодействия таким формам групповой преступности? С нашей точки зрения, они могут быть представлены в следующем формате:

– политические – основы которых закреплены в Конституции Российской Федерации, ежегодных посланиях Президента Российской Федерации и майских указах Президента Российской Федерации. Подчеркнем, что конституционные нормы и одноименные общественные отношения, то есть их уровень социальной значимости, имеют особый статус в формировании антиэкстремистской политики государства, что особо подчеркивается в преамбуле к ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»⁵ и постановлении Пленума

⁵ О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25 июля 2002 № 114-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3031.

Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»⁶;

– социальные – многонациональность и многоконфессиональность, равенство, что де-факто должно исключать конфликты, основанные на экстремистской мотивации;

– экономические – стабилизация экономики и повышение благосостояния граждан;

– правовые – наличие специализированного законодательства в области противодействия экстремизму (ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»; Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года⁷; Стратегия национальной безопасности Российской Федерации⁸); содержание и значимость объектов уголовно-правовой охраны, закрепленных в ст. 282¹ и 282² УК РФ;

– принятие и постоянное совершенствование интерпретационных актов высших судебных инстанций, устанавливающих правила квалификации преступлений экстремистской направленности, совершенных в соучастии.

На основании изложенного приходим к выводу о том, что социально-правовая обусловленность противодействия специальным организованным формам экстремистской деятельности представляет собой внутренне неразрывную зависимость политических, социальных, экономических, правовых и иных институтов в области снижения девиантно-противоправной активности со стороны идеологов экстремизма, и лиц, являющихся представителями экстремистских сообществ, а также запрещенных в Российской Федерации экстремистских организаций в условиях релятивизма международных и национальных правовых систем.

Акцентируя внимание на значимости общественных отношений, благ и ценностей, находящихся под охраной ст. 282¹ и 282² УК РФ [6, с. 86–90], подчеркнем, что непосредственный объект специальных организованных форм экстремистской деятельности имеет сложную трехзвенную горизонтальную структуру.

Основной объект – это общественные отношения в сфере обеспечения основ конституционного

⁶ О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 // Российская газета. – 2011. – 4 июля.

⁷ Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: Указ Президента Российской Федерации от 29 мая 2020 г. № 344 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 22. – Ст. 3475.

⁸ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 27 (часть II). – Ст. 5351.

строю, безопасности государства путем законодательного установления порядка создания и функционирования общественных объединений или организаций, а также юридических запретов на недопущение распространения иных организованных форм экстремистской деятельности.

Дополнительный объект – права и свободы человека, общественная, международная, политическая, правовая, культурная, экономическая и идеологическая, расовая и религиозная безопасность.

Факультативный объект – интересы коммерческих и иных организаций, а также государственной власти, государственной службы и службы в органах местного самоуправления.

Анализ доктринальных достижений, законодательства и позиций Пленума Верховного Суда Российской Федерации дает основание выступить еще с одной научной гипотезой, позволяющей выделить следующую систему преступлений с признаками экстремистской деятельности, совершаемых в соучастии:

– специальные уголовно-правовые нормы, устанавливающие ответственность за выделяемые в уголовном законодательстве особые организованные формы экстремистской деятельности (институциональные виды организованной экстремистской деятельности) (ст. 282¹, 282² УК РФ);

– иные деяния экстремистской направленности в рамках главы 29 УК РФ, совершаемые в соучастии (п. «в» ч. 2 ст. 282 УК РФ);

– преступления, совершаемые в соучастии при наличии экстремистского мотива, закрепленного в нормах Особенной части УК РФ (п. «ж» и п. «л» ст. 105, п. «е» ч. 2 и п. «а» ч. 3 ст. 111, п. «г» и п. «е» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 115, ст. 116, п. «е» и п. «з» ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 119, ч. 4 ст. 150, п. «б» ч. 1 и ч. 2 ст. 213, ч. 2 ст. 214, пп. «а» и «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ);

– умышленные деяния, совершаемые в соучастии при наличии экстремистского мотива, специально не закрепленного в нормах особенной части УК РФ;

– иные умышленные преступления, подпадающие под признаки экстремизма, указанные в ст. 1 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (ст. 239, 278, 279, ст. 280, 280¹, 280², ст. 282³ УК РФ).

Представленные выше научные выводы выступают в качестве главных методологических предпосылок, аргументирующих и обосновывающих потребность в совершенствовании действующего уголовного законодательства и интерпретационной практики во взятой для исследования области, предполагая, что организованная экстремистская деятельность возможна в следующих вариациях совместной преступной деятельности: общие (через призму форм соучастия – группа лиц по предварительному сговору, организованная группа); специально предусмотренные в УК РФ (экстремистское сообщество, экстремистская организация).

Литература

1. **Петрянин А.В.** Международное регулирование борьбы с экстремизмом: преемственность и перспективы // Юридическая техника. – 2011. – № 5. – С. 373–377.
2. **Каширкина А.А.** Международно-правовое сотрудничество государств в борьбе с экстремизмом // Журнал российского права. – 2007. – № 12 (132). – С. 75–84.
3. **Мельшина К.Ю.** Международно-правовые средства борьбы с экстремизмом: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2018. – 268 с.
4. **Петрянин А.В.** Личность экстремиста: криминологический аспект // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2012. – № 4 (20). – С. 104–109.
5. **Шарп Д.** От диктатуры до демократии / пер. с англ. Н. Козловской. – Москва, 2005. – 84 с.
6. **Кузнецов А.П.** Понятие, общая характеристика преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства // Социально-политические науки. – 2017. – № 4. – С. 86–90.

References

1. **Petryanin A.V.** Mezhdunarodnoe regulirovanie bor'by s ekstremizmom: preemstvennost' i perspektivy // Yuridicheskaya tekhnika. – 2011. – № 5. – S. 373–377.
2. **Kashirina A.A.** Mezhdunarodno-pravovoe sotrudnichestvo gosudarstv v bor'be s ekstremizmom // Zhurnal rossiiskogo prava. – 2007. – № 12 (132). – S. 75–84.
3. **Mel'shina K.Yu.** Mezhdunarodno-pravovye sredstva bor'by s ekstremizmom: dis. ... kand. yurid. nauk. – Moskva, 2018. – 268 s.
4. **Petryanin A.V.** Lichnost' ekstremista: kriminologicheskii aspekt // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii. – 2012. – № 4 (20). – S. 104–109.
5. **Sharp D.** Ot diktatury do demokratii / per. s angl. N. Kozlovskoi. – Moskva, 2005. – 84 s.
6. **Kuznetsov A.P.** Ponyatie, obshchaya kharakteristika prestuplenii protiv osnov konstitutsionnogo stroya i bezopasnosti gosudarstva // Sotsial'no-politicheskie nauki. – 2017. – № 4. – S. 86–90.

(статья сдана в редакцию 18.02.2022)

**ЭКСПЕРТНАЯ ПРОФИЛАКТИКА И ВЫЯВЛЕНИЕ
ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, СПОСОБСТВУЮЩИХ СОВЕРШЕНИЮ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ (ИСТОРИКО-ГЕНЕТИЧЕСКИЙ
И СТРУКТУРНО-ДИАХРОННЫЙ ПОДХОДЫ)**

**EXPERT PREVENTION AND IDENTIFICATION OF CIRCUMSTANCES
CONDUCTIVE TO THE COMMISSION OF CRIMES (HISTORICAL-
GENETIC AND STRUCTURAL-DIACHRONOUS APPROACHES)**

УДК 343.9.01

С.А. АРЕФЬЕВ

(Главное управление МВД России
по Нижегородской области,
Россия, Нижний Новгород)
arefev.s@gmail.com

SERGEY A. AREFEV

(Russian Ministry of Internal Affairs
in Nizhny Novgorod Region,
Nizhny Novgorod, Russia)

Аннотация: в системе предупредительного воздействия на преступность рассмотрены и модифицируются различные элементы, в числе которых уголовно-правовая, специально-криминологическая, виктимологическая профилактика, а также охранительное, оперативно-розыскное, уголовно-процессуальное предупреждение. Идея об использовании в предупреждении преступлений данных, полученных в результате проведения судебных экспертиз, используется крайне редко. В криминологическом блоке предупреждения отдельных видов или групп преступлений возможности экспертной профилактики замалчиваются, крайне осторожно упоминаются либо голословно отторгаются. Объект и предмет работы предопределены логикой проводимого теоретико-прикладного исследования, связанного с предупреждением преступлений в сфере оборонно-промышленного комплекса России. Основным методом является историко-генетический метод, состоящий в последовательном изучении свойств, функций и изменений реальности в процессе ее исторического движения. Данный метод дополняет структурно-диахронный анализ, направленный на исследование внутреннего временного строения процесса. Методы документального и сравнительно-правового анализа позволили определить место экспертной профилактики в системе предупреждения преступлений. В статье показаны истоки и развитие экспертной профилактики, исследованы ее возможности по выявлению обстоятельств, способствующих совершению преступлений, определены государственно-политические и организационно-правовые факторы интеграции и дифференциации криминалистики и криминологии, представлены предложения о включении экспертной профилактики в систему предупредительной деятельности органов внутренних дел.

Ключевые слова: криминалистика, экспертная профилактика, криминология, предупреждение преступлений.

Для цитирования: Арефьев С.А. Экспертная профилактика и выявление обстоятельств, способствующих совершению преступлений (историко-генетический и структурно-диахронный подходы) // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2022. № 2. С. 33–38.

Abstract: in the system of preventive impact on crime, various elements are considered and modified, including criminal-legal, special criminological and victimological prevention, as well as protective, operational-search, criminal-procedural prevention. The idea of using data obtained as a result of forensic examinations in the prevention of crimes is rarely used. In the criminological block for the prevention of certain types or groups of crimes, the possibilities of expert prevention are hushed up, extremely cautiously mentioned or unfoundedly rejected. The object and subject of the work are predetermined by the logic of the theoretical and applied research related to the prevention of crimes in the sphere of the Russian military-industrial complex. The main method is the historical-genetic method, which represents the consistent study of the properties, functions and changes of the studied reality in the process of its

historical movement. This method complements the structural diachronic analysis aimed at studying the internal temporal structure of the process. Methods of documentary and comparative legal analysis made it possible to determine the place of expert prevention in the crime prevention system. The article shows the origins and development of expert prevention, explores its capabilities to identify circumstances conducive to the commission of crimes, identifies state-political and organizational-legal factors for the integration and differentiation of criminalistics and criminology, presents proposals for including expert prevention in the preventive system of internal affairs bodies.

Keywords: icriminalistics, expert prevention, criminology, crime prevention.

For citation: Arefev S.A. Expert prevention and identification of circumstances conducive to the commission of crimes (historical-genetic and structural-diachronous approaches) // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 2. P. 33–38.

Историко-генетический и отчасти структурно-диахронный подходы к изучению межнаучных связей современных судебно-экспертной деятельности и криминологии позволяют приблизиться к воспроизведению предмета и объекта исследования, исходному содержанию процесса интеграции и дифференциации отраслевых наук. На подобный процесс повлиял ряд государственно-политических и соответствующих организационно-правовых решений:

1. Сильнейшее воздействие на развитие общественных наук оказали решения XXII Съезда КПСС и принятая им программа компартии (1961).

2. Программа определила предупреждение преступности в качестве главной задачи в борьбе за ее искоренение, что послужило толчком к развитию литературы по вопросам борьбы с преступностью.

3. Постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию юридической науки и улучшению юридического образования в стране» (1964) существенно повлияло на разработку проблем борьбы с преступностью.

Последующие организационно-правовые меры (образование Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности и Всесоюзного института прокуратуры СССР и др.) способствовали активизации научной деятельности.

Вместе с тем было бы ошибочным считать, что до выхода обозначенных партийных директив предупредительная деятельность не являлась приоритетной для подразделений Министерства охраны общественного порядка, органов прокуратуры и суда.

Так, Пленумом Верховного Суда СССР были приняты по меньшей мере два постановления, касающиеся предупреждения преступлений.

1. В постановлении Пленума от 19.06.1959 № 3 «О практике применения судами уголовного наказания» (с изменениями, внесенными

ми постановлениями Пленума от 29.11.1962 № 14 и от 24.06.1968 № 7) главное внимание уделено «мерам, которые предупреждали бы, а потом совершенно исключали появление у отдельных лиц каких-либо проступков, наносящих вред обществу».

2. В постановлении Пленума от 19.12.1959 № 5 «О деятельности судебных органов в связи с повышением роли общественности в борьбе с преступлениями» внимание судов обращено на работу по «изучению причин и условий, способствующих совершению преступлений, постановку... перед соответствующими организациями вопросов об устранении выявленных недостатков»¹.

Позиция как указанных, так и последующих постановлений строилась на платформе двух концептуальных документов, принятых 25 декабря 1958 года:

1) Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, где в ст. 20 отмечено, что «наказание не только является карой за совершенное преступление, но имеет целью исправление и перевоспитание осужденных... а также предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами»;

2) Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, в ст. 2 которых указано, что «уголовное судопроизводство должно способствовать предупреждению и искоренению преступлений».

Изучение материалов Пленума Верховного Суда СССР 1960-х годов позволяет заключить, что требование выявлять и устранять причины и условия, способствовавшие совершению преступлений, находилось в основе политики госу-

¹ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924–1963. – Москва: Известия Советов депутатов трудящихся СССР, 1964. С. 135, 142.

дарства по борьбе с преступностью². В одном из первых учебников криминалистики, подготовленном с учетом Основ уголовного законодательства и Основ уголовного судопроизводства, отмечено, что эта наука разрабатывает способы предупреждения преступлений [1, с. 3]. В нашем понимании разработка криминалистических средств (мер) предупреждения преступлений базировалась на анализе способов их совершения и сокрытия.

Т.В. Аверьянова анализирует отдельные (60-х годов XX века) работы ученых, которые стояли у истоков теории криминалистической, в том числе экспертной, профилактики. В ряду отмеченных ей исследователей – В.П. Колмаков, И.Я. Фридман, Ю.Г. Корухов, В.Ф. Зудин, И.А. Алиев и др. [2, с. 396].

В репрезентации концепта «экспертная профилактика» нами выделены две основные ступени с условным рубежом, отнесенным к 1965 году, связанные с определением криминологии как самостоятельной науки.

1. Исследователи связывают идею о выделении криминалистической профилактики в качестве самостоятельной теории с именем В.П. Колмакова и склонны относить ее к 1961 году. Однако В.И. Шинд [3, с. 77] относит начало дискуссии к более ранним работам В.П. Колмакова [4] и И.Я. Фридмана [5; 6] об обстоятельствах хищений, совершенных с помощью подделки документов. К началному периоду дискуссии о роли и задачах криминалистики в области предупреждения преступлений можно отнести отдельные сообщения В.Ф. Зудина [7; 8]. И.Я. Фридман [9–13] и Г.Г. Зуйков [14; 15] позицию В.П. Колмакова не разделили, высказав отрицательные суждения в адрес его идеи.

² О задачах по устранению недостатков и дальнейшему улучшению деятельности судов по борьбе с преступностью: постановление Пленума Верховного Суда СССР от 14.05.1962 № 7; О выполнении постановления Пленума Верховного Суда СССР от 14.05.1962 № 7 «О задачах по устранению недостатков и дальнейшему улучшению деятельности судов по борьбе с преступностью»: постановление Пленума Верховного Суда СССР от 03.12.1962 № 15; О некоторых недостатках в практике применения судами мер уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда СССР от 31.07.1962 № 12; О строгом соблюдении законов при рассмотрении судами уголовных дел: постановление Пленума Верховного Суда СССР от 18.03.1963 № 2; Об улучшении деятельности судебных органов по борьбе с преступностью: постановление Пленума Верховного Суда СССР от 26.08.1966 № 7 с изм., внесенными постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 19.12.1967 № 8; О деятельности судебных органов по борьбе с преступностью: постановление Пленума Верховного Суда СССР от 17.10.1968 № 9; Об улучшении деятельности судебных коллегий по уголовным делам Верховных Судов союзных республик: постановление Пленума Верховного Суда СССР от 30.06.1969 № 5 // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924–1970. – Москва: Известия Советов депутатов трудящихся СССР, 1970. С. 238–292.

2. Во второй половине 1960-х годов позиция И.Я. Фридмана претерпела кардинальные изменения, особенно в части выделения экспертной профилактики в качестве элемента предмета криминалистики и раздела ее общей научной теории. В дальнейшем в монографических работах И.Я. Фридман рассматривал проблемы правового регулирования предупреждения преступлений, структуры и содержания организации и методики экспертной профилактики, реализации экспертных рекомендаций [9; 16; 17].

Представляется, что в этот период на дифференциацию криминалистики и криминологии в сфере предупреждения преступлений могли повлиять некоторые взаимосвязанные организационно-научные факторы:

1. Постановлением Пленума от 03.12.1962 № 18 признано целесообразным создание при Верховном Суде СССР Научно-консультативного совета на общественных началах в целях изучения и обобщения судебной практики, а также разработки руководящих разъяснений о применении законодательства и укрепления связи судебных органов с научными учреждениями. В 1967 году членами Совета в числе других утверждены видные ученые-криминологи С.В. Бородин, А.А. Герцензон, Н.И. Загородников, И.И. Карпец, Н.Н. Кондрашков, В.Н. Кудрявцев, Г.М. Миньковский, Б.С. Никифоров, А.А. Пионтковский, А.Б. Сахаров.

2. Выделение, или, как тогда говорилось, «отпочкование», криминологии от иных наук криминального цикла, в первую очередь от уголовного права. Закономерным следствием явилось издание в 1965–1966 годах соответствующей криминологической учебной литературы [18; 19].

Если во втором издании учебника по криминологии связь ее с криминалистикой выделена лишь четырьмя предложениями [20, с. 24], то следующее издание обозначает эту связь более чем скудно: «криминология отчасти использует тактические приемы и методику, разработанные криминалистикой» [21, с. 15].

В литературе того времени приводятся примеры из следственно-судебной практики, характеризующие экспертные возможности по выявлению обстоятельств, способствующих совершению преступлений:

1. По делу установлено, что бывшие работники Каширского судостроительного завода, обвиняемые в разбое, были вооружены самодельными револьверами, предназначенными для стрельбы патронами калибра 5,6 мм. Обвиняемые искажали факт приобретения оружия. В профилактических целях, полагает В.И. Шинд, следовало экспертным путем выявить факт изготовления оружия на оборудовании, используемом обвиняемыми [3, с. 78].

2. По делу установлено, что работники Моостранс-агентства совершили особо крупное хищение путем присвоения. Произведенной бухгалтерской экспертизой, отмечает В.И. Шинд, были установлены условия, способствующие совершению преступлений. Основным условием явилось снижение качества контроля за движением талонов строгой отчетности и их обезличивание [3, с. 79].

3. По делу о гибели пятилетнего М. Грибаня, придавленного панелью железобетонного забора, назначена строительно-техническая экспертиза. Эксперты не ограничились ответом на поставленные вопросы, а по своей инициативе исследовали недостатки конструкции забора, разработанного комбинатом «Стройдеталь». Выявлена недостаточность глубины пазов в горизонтальных обвязках, приводящая к выпадению панели [3, с. 82].

Отношение отечественных ученых к выявленным обстоятельствам, сопутствующим преступной деятельности, характеризовалось неоднозначностью. Так, Г.А. Матусовский разделил позицию А.Н. Васильева, заметившего, что на практике, а иногда и в теории в методику расследования включаются вопросы, которые рассматриваются науками уголовного права, уголовно-процесса, криминологии, относя их тем самым к криминалистике [22, с. 29].

По оценкам специалистов, И.А. Алиев считается инициатором разработки теории экспертной профилактики. В его главном труде, посвященном этой проблеме, впервые показано значение для построения частных теорий общей теории судебной экспертизы, определено понятие и предмет экспертной профилактики, ее место в системе борьбы с преступностью, сформулированы принципы построения и содержания экспертной профилактики как частной теории, проанализированы правовые, организационные и методические проблемы экспертной профилактической деятельности, составлено практическое руководство по решению профилактических задач [23]. И.А. Алиев как разработчик теории экспертной профилактики считал, что экспертная профилактика представляет собой «сложное системное образование, основу которого составляет деятельность экспертов, на базе своих специальных познаний выявляющих обстоятельства, способствовавшие или могущие способствовать совершению преступлений» [23, с. 72–75]. Разделив экспертную профилактику и экспертную профилактическую деятельность, И.А. Алиев не встретил поддержки Т.В. Аверьяновой, считавшей выделенные понятия по сути одним и тем же, различие же этих терминов выглядит неубедительным [2, с. 399]. Подобное размежевание с нашей стороны не вызывает прямого

возражения, поскольку такое разделение возможно увязать с материальным и процессуальным компонентами экспертной профилактики. Иное возражение Т.В. Аверьяновой связано с положением И.А. Алиева о введении в разряд субъектов экспертной профилактики неспециализированных субъектов экспертной профилактической деятельности. С трудом соглашаясь с отнесением должностных лиц, выполняющих профилактические рекомендации, к категории «неспециализированных субъектов», Т.В. Аверьянова считает таковых «лишь адресатами рекомендаций, поскольку ни в разработке, ни в обосновании их они не участвуют» [2, с. 400]. До определенного времени мы придерживались концепции Т.В. Аверьяновой в части узкой трактовки субъектов экспертной профилактики. Однако Федеральным законом от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» введено более широкое понятие, относительно лиц, участвующих в профилактике правонарушений. Это граждане, общественные объединения и иные организации, оказывающие помощь (содействие) субъектам профилактики правонарушений в рамках реализации своих прав в сфере профилактики правонарушений (п. 4 ст. 2).

Теоретико-прикладная оценка экспертной профилактики произведена Р.С. Белкиным. Согласно его точке зрения, «в контексте общей теории судебной экспертизы, объектом которой служит практическая экспертная деятельность, такая частная теория имеет право на существование, поскольку отражает самостоятельное и к тому же весьма существенное направление экспертной практики, которое с полным правом можно назвать экспертной профилактикой» [24, с. 297].

В современной практике предупреждения преступлений, совершаемых в сфере оборонно-промышленного комплекса, существенными являются рекомендации постановления Пленума Верховного Суда от 01.09.1987 № 5 «О повышении роли судов в выполнении требований закона, направленных на выявление обстоятельств, способствующих совершению преступлений и других правонарушений» (в ред. постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 06.02.2007 № 7). В п. 3 указанного постановления внимание судов обращено на необходимость более широкого использования для выявления обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, наряду с другими по делу доказательствами, данных, полученных в результате проведения судебных экспертиз. Другое предписание касается выводов эксперта об обстоятельствах подобного рода, их оценки в соответствии со ст. 88 Уголовно-процессуального кодекса Рос-

сийской Федерации, дискреционного использования таких выводов при вынесении частного определения суда.

Заметим, что ежегодно Следственный департамент МВД России направляет в подчиненные структуры информационные письма с фрагментами положительного опыта проведения тех или иных экспертиз, результаты которых используются исключительно в качестве доказательств по уголовным делам. Нужно сказать, что положительный опыт для одних подразделений предварительного следствия является новым ориентиром, для других – считается обычной практикой. Вместе с тем проблематично обнаружить в таких обзорах актуальные материалы, отражающие организацию, тактику и методику использования специальных познаний экспертов для целей предупредительного воздействия на преступность. При этом в соответствии с п. 4 ч. 3 ст. 57 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации эксперт вправе давать заключение по вопросам, хотя и не поставленным в постановлении о назначении судебной экспертизы, но имеющим отношение к предмету экспертного исследования, что указывает на предусмотренные законом полномочия эксперта выполнять не только уголовно-процессуальные, но и профилактические функции.

Анализ уголовных дел показал, что задача выявления в ходе экспертного исследования обстоятельств, способствующих совершению преступления, перед экспертно-криминалистическими подразделениями следователями не ставится, что, в свою очередь, связано с общим подходом как отмененных, так и действующих

нормативных правовых актов МВД России в сфере предупреждения правонарушений:

1. В серии приказов МВД России (от 06.08.1993 № 390, от 11.08.1998 № 490, от 17.01.2006 № 19) о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений в числе функциональных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации экспертно-криминалистические службы как таковые не упоминаются, соответственно, не несут обязанностей.

2. В Инструкции о деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по предупреждению преступлений, утвержденной приказом МВД России от 17.01.2006 № 19 (в редакции приказа от 28.11.2017 № 896) в обязанностях следственных аппаратов (выделено – С.А.) не предполагается использование каких-либо достижений экспертной профилактики.

Таким образом, налицо существенный пробел в организации и тактике предупреждения преступлений отмеченных служб и подразделений органов внутренних дел Российской Федерации.

Представляется допустимым внесение в п. 18 раздела III существующей Инструкции дополнения, сформулированного нами следующим образом: «сотрудники следственных подразделений используют в представлениях об устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступления, данные, полученные в результате проведения судебных экспертиз».

Обозначенная ситуация текущего периода может измениться в лучшую сторону после утверждения новой инструкции (наставления), нацеленной на системную оптимизацию предупредительной деятельности МВД России.

Литература

1. Криминалистика: учебник для средних юридических школ. – Москва: Госюриздат, 1959. – 492 с.
2. **Аверьянова Т.В.** Судебная экспертиза. Курс общей теории. – Москва: Норма, 2008. – 480 с.
3. **Шинд В.И.** Установление экспертом фактов, имеющих значение для принятия профилактических мер по конкретному делу // Вопросы борьбы с преступностью. – Москва: Юридическая литература, 1967. Вып. 5. С. 76–94.
4. **Колмаков В.П.** Некоторые вопросы предупреждения хищений государственного и общественного имущества, совершаемых посредством подделки и подлога документов // Теория и практика криминалистической экспертизы. – Москва, 1956. Вып. 2. С. 57–64.
5. **Фридман И.Я.** О некоторых мерах по предупреждению преступлений, связанных с подделкой документов // Вопросы судебной экспертизы: материалы научной конференции 28 июня – 2 июля 1960 г. – Ленинград, 1960. С. 50–56.
6. **Фридман И.Я.** О работе учреждений судебной экспертизы по профилактике преступлений, связанных с подделкой документов // Проблемы судебной экспертизы. – Москва: Изд-во МЮ РСФСР, 1961. С. 33–39.
7. **Зудин В.Ф.** О предупреждении преступлений в советской криминалистике // Сборник статей и рефератов. – Пермь, 1956. С. 106–107.
8. **Зудин В.Ф.** Пути дальнейшего совершенствования проблемы предупреждения правонарушений // Советское государство и право в период развернутого строительства коммунизма: тезисы докладов и научных сообщений. – Харьков: Харьковский юридический институт, 1962. С. 194–195.
9. **Фридман И.Я.** Криминалистическая защита документов в целях предупреждения хищений социалистической собственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Харьков, 1962. – 16 с.
10. **Фридман И.Я.** Использование специальных познаний в работе по предупреждению преступлений // Криминалистика и судебная экспертиза. – Киев, 1964. Вып. 1. С. 96–102.
11. **Фридман И.Я.** О мерах предупреждения преступного исследования документов // Вопросы судебной экспертизы: материалы научной конференции по вопросам применения научно-технических средств предупреждения преступности (роль экспертов и экспертных учреждений в предупреждении преступлений). – Баку: Изд-во Азербайджанского НИИСЭ, 1965. Ч. 2. С. 11–15.

12. **Фридман И.Я., Михальченко Б.А.** О некоторых мерах по предупреждению автопроисшествий // Криминалистика и судебная экспертиза. – Киев, 1965. Вып. 2. С. 74–82.
13. **Фридман И.Я., Липовский В.В.** Роль обобщений экспертной практики в профилактической работе // Вопросы судебной экспертизы: материалы научной конференции по вопросам применения научно-технических средств предупреждения преступности (роль экспертов и экспертных учреждений в предупреждении преступлений). – Баку: Изд-во Азербайджанского НИИСЭ, 1965. Ч. 1. С. 91–94.
14. **Зуйков Г.Г.** Выявление в процессе расследования причин и условий, способствующих совершению преступлений, и принятие мер по их устранению. – Москва: Изд-во ВШ МООП РСФСР, 1964. – 67 с.
15. **Зуйков Г.Г.** Понятие, классификация и основные направления использования научно-технических средств криминалистики для предупреждения преступлений // Вопросы судебной экспертизы. – Баку, 1966. Вып. 3. С. 12–21.
16. **Фридман И.Я.** Вопросы профилактики преступлений при криминалистическом анализе документов. – Киев, 1968. – 87 с.
17. **Фридман И.Я.** Использование данных судебной экспертизы для предупреждения правонарушений. – Киев, 1972. – 167 с.
18. **Герцензон А.А.** Введение в советскую криминологию. – Москва: Юридическая литература, 1965. – 227 с.
19. Криминология. – Москва: Юридическая литература, 1966. – 319 с.
20. Криминология. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Юридическая литература, 1968. – 472 с.
21. Криминология. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва: Юридическая литература, 1976. – 400 с.
22. **Матусовский Г.А.** Криминалистика в системе научных знаний: монография. – Харьков: Вища Школа, 1976. – 113 с.
23. **Алиев И.А.** Проблемы экспертной профилактики: монография. – Баку: Азернешр, 1991. – 311 с.
24. **Белкин Р.С.** Курс криминалистики: учебное пособие для вузов. – 3-е изд., доп. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2001. – 837 с.

References

1. Kriminalistika: uchebnik dlya srednikh yuridicheskikh shkol. – Moskva: Gosyurizdat, 1959. – 492 s.
2. **Aver'yanova T.V.** Sudebnaya ekspertiza. Kurs obshchei teorii. – Moskva: Norma, 2008. – 480 s.
3. **Shind V.I.** Ustanovlenie ekspertom faktov, imeyushchikh znachenie dlya prinyatiya profilakticheskikh mer po konkretnomu delu // Voprosy bor'by s prestupnost'yu. – Moskva: Yuridicheskaya literatura, 1967. Vyp. 5. S. 76–94.
4. **Kolmakov V.P.** Nekotorye voprosy preduprezhdeniya khishchenii gosudarstvennogo i obshchestvennogo imushchestva, sovershaemykh posredstvom poddelki i podloga dokumentov // Teoriya i praktika kriminalisticheskoi ekspertizy. – Moskva, 1956. Vyp. 2. S. 57–64.
5. **Fridman I.Ya.** O nekotorykh merakh po preduprezhdeniyu prestuplenii, svyazannykh s poddelkoi dokumentov // Voprosy sudebnoi ekspertizy: materialy nauchnoi konferentsii 28 iyunya – 2 iyulya 1960 g. – Leningrad, 1960. S. 50–56.
6. **Fridman I.Ya.** O rabote uchrezhdenii sudebnoi ekspertizy po profilaktike prestuplenii, svyazannykh s poddelkoi dokumentov // Problemy sudebnoi ekspertizy. – Moskva: Izd-vo MYu RSFSR, 1961. S. 33–39.
7. **Zudin V.F.** O preduprezhdenii prestuplenii v sovetskoj kriminalistike // Sbornik statei i referatov. – Perm', 1956. S. 106–107.
8. **Zudin V.F.** Puti dal'neishego sovershenstvovaniya problemy preduprezhdeniya pravonarushenii // Sovetskoe gosudarstvo i pravo v period razvernutoho stroitel'stva kommunizma: tezisy dokladov i nauchnykh soobshchenii. – Khar'kov: Khar'kovskii yuridicheskii institut, 1962. S. 194–195.
9. **Fridman I.Ya.** Kriminalisticheskaya zashchita dokumentov v tselyakh preduprezhdeniya khishchenii sotsialisticheskoi sobstvennosti: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – Khar'kov, 1962. – 16 s.
10. **Fridman I.Ya.** Ispol'zovanie spetsial'nykh poznanii v rabote po preduprezhdeniyu prestuplenii // Kriminalistika i sudebnaya ekspertiza. – Kiev, 1964. Vyp. 1. S. 96–102.
11. **Fridman I.Ya.** O merakh preduprezhdeniya prestupnogo issledovaniya dokumentov // Voprosy sudebnoi ekspertizy: materialy nauchnoi konferentsii po voprosam primeneniya nauchno-tekhnicheskikh sredstv preduprezhdeniya prestupnosti (rol' ekspertov i ekspertnykh uchrezhdenii v preduprezhdenii prestuplenii). – Baku: Izd-vo Azerbaidzhanskogo NIISE, 1965. Ch. 2. S. 11–15.
12. **Fridman I.Ya., Mikhail'chenko B.A.** O nekotorykh merakh po preduprezhdeniyu avtoproissheshtvii // Kriminalistika i sudebnaya ekspertiza. – Kiev, 1965. Vyp. 2. S. 74–82.
13. **Fridman I.Ya., Lipovskii V.V.** Rol' obobshchenii ekspertnoi praktiki v profilakticheskoi rabote // Voprosy sudebnoi ekspertizy: materialy nauchnoi konferentsii po voprosam primeneniya nauchno-tekhnicheskikh sredstv preduprezhdeniya prestupnosti (rol' ekspertov i ekspertnykh uchrezhdenii v preduprezhdenii prestuplenii). – Baku: Izd-vo Azerbaidzhanskogo NIISE, 1965. Ch. 1. S. 91–94.
14. **Zuikov G.G.** Vyyavlenie v protsesse rassledovaniya prichin i uslovii, sposobstvuyushchikh soversheniyu prestuplenii, i prinyatie mer po ikh ustranenyu. – Moskva: Izd-vo VSh MOOP RSFSR, 1964. – 67 s.
15. **Zuikov G.G.** Ponyatie, klassifikatsiya i osnovnye napravleniya ispol'zovaniya nauchno-tekhnicheskikh sredstv kriminalistiki dlya preduprezhdeniya prestuplenii // Voprosy sudebnoi ekspertizy. – Baku, 1966. Vyp. 3. S. 12–21.
16. **Fridman I.Ya.** Voprosy profilaktiki prestuplenii pri kriminalisticheskom analize dokumentov. – Kiev, 1968. – 87 s.
17. **Fridman I.Ya.** Ispol'zovanie dannyykh sudebnoi ekspertizy dlya preduprezhdeniya pravonarushenii. – Kiev, 1972. – 167 s.
18. **Gertsenzon A.A.** Vvedenie v sovetskuyu kriminologiyu. – Moskva: Yuridicheskaya literatura, 1965. – 227 s.
19. Kriminologiya. – Moskva: Yuridicheskaya literatura, 1966. – 319 s.
20. Kriminologiya. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Юридическая литература, 1968. – 472 с.
21. Kriminologiya. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва: Юридическая литература, 1976. – 400 с.
22. **Matusovskii G.A.** Kriminalistika v sisteme nauchnykh znanii: monografiya. – Khar'kov: Vishcha Shkola, 1976. – 113 s.
23. **Aliiev I.A.** Problemy ekspertnoi profilaktiki: monografiya. – Baku: Azemeshr, 1991. – 311 s.
24. **Belkin R.S.** Kurs kriminalistiki: uchebnoe posobie dlya vuzov. – 3-е изд., доп. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2001. – 837 с.

(статья сдана в редакцию 09.03.2021)

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЦЕЛИ И МОТИВА В СОСТАВЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

THE CRIMINAL-LEGAL SIGNIFICANCE OF THE GOAL AND MOTIVE IN THE COMPOSITION OF THE CRIME

УДК 343

И.Н. АРХИПЦЕВ,

кандидат юридических наук
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
ArhiptsevIN@yandex.ru

IVAN N. ARKHIPTSEV,

Candidate of Law
(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry
of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

М.С. КОЦЮМБАС

(Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова,
Россия, Москва)
mih.koc@yandex.ru

MIKHAIL S. KOTSUMBAS

(Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia)

Аннотация: в статье на основе анализа теоретических изысканий отечественных специалистов в области уголовного права исследуются категории «мотив» и «цель», их правовая природа и содержание с точки зрения юридической конструкции действующих уголовно-правовых норм. Рассматриваются вопросы свойств побудительной функции мотива, механизма его зарождения и места цели в психологическом ядре преступного поведения. Мотив преступления при этом представляется центральным внутренним компонентом преступного события по отношению к целеобразованию, интересам и побуждениям. Результатами изучения судебной практики обосновывается значение мотива и цели как элементов доказывания для правильной квалификации преступного поведения и установления истины по делу. В этой связи авторами отмечается, что именно диспозиция статьи Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации зачастую предопределяет присваиваемую лицу мотивацию, в дальнейшем обуславливая стремление правоприменителя ограничиться кругом введенных в уголовно-правовой оборот так называемых мотивов-презумпций (корысть, личная неприязнь, хулиганские побуждения), тогда как диапазон реальных субъективных побуждений обвиняемого нередко охватывает совсем другие цели. Обсуждается тематика конкуренции мотивов и целей, при которой правоприменители вынуждены выбирать между несколькими, на первый взгляд, очевидными мотивами и целями преступления. Предлагаются практические рекомендации по установлению доминантного мотива путем оценки предшествующей событию обстановки, данных о личности виновного и потерпевшего, природы их взаимоотношений, направленности и характера противоправных действий.

Ключевые слова: мотив преступления, цель преступления, преступная мотивация, конкуренция мотивов.

Для цитирования: Архипцев И.Н., Коцюмбас М.С. Уголовно-правовое значение цели и мотива в составе преступления // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2022. № 2. С. 39–43.

Abstract: based on the analysis of theoretical research of domestic experts in the field of criminal law the article examines the categories of “motive” and “goal”, their legal nature and content from the point of view of the legal construction of the current criminal law norms. It is considered the questions of the features of the incentive motive function, the mechanism of its origin and the place of the goal in the psychological core of criminal behavior. In this case, the motive of the crime appears to be the central internal component of the criminal event in relation to goal formation, interests and motives. The results of studying judicial practice substantiate the importance of motive and goal as elements of proof for the correct qualification of criminal behavior and establishing the truth in the case. In this regard, the authors note that it is the disposition of the article of the Special part of the Criminal Code of the Russian Federation that often determines the motivation assigned to a person, further determining the aspiration of a law enforcement officer to limit himself to the circle of so-called “motives-presumptions” introduced into criminal law circulation: self-interest, personal hostility, hooligan motives, whereas the range of real subjective

motives of the accused often covers completely different goals. It is discussed the topic of competition of motives and goals, in which law enforcement officers forced to choose among several, at first glance, obvious motives and goals of the crime. Practical recommendations are offered to establish a dominant motive by assessing the situation preceding the event, data on the identity of the perpetrator and the victim, the nature of their relationship, the direction and nature of illegal actions.

Keywords: motive of the crime, goal of the crime, criminal motivation, competition of motives.

For citation: Arkhptsev I.N., Kotsumbas M.S. The criminal-legal significance of the goal and motive in the composition of the crime // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 2. P. 39–43.

Как показывает практика, отсутствие законодательной дефиниции о мотиве и цели преступления нередко затрудняет установление сути преступного деяния и закономерно влечет ошибки в квалификации, но, так или иначе, без определения их уголовно-правового содержания сложно себе представить постижение истины по делу.

Как правило, ведя речь о преступном мотиве в современной научной литературе, правоведы почти единодушно подразумевают некое побуждение к конкретному действию. Противоречия же возникают при исследовании побудительной функции мотива, механизма его зарождения и места этапа постановки субъектом цели в психологическом ядре преступного поведения.

Не вдаваясь в анализ имеющихся на этот счет концептуальных изысканий (бихевиоризм, теории бессознательного, гуманистические и когнитивные теории [1]), остановимся на том, что первоосновой формирования мотива выступают человеческие потребности, соответствующие индивидуальным характеристикам конкретной личности: потребности в самоактуализации (реализация своих возможностей и способностей, потребность в понимании и осмыслении); потребность в самоуважении (в достижении, признании, одобрении); потребности в социальных связях (в социальной присоединенности, идентификации); потребность в безопасности (защита от боли, страха, холода); физиологические нужды (в пище и т.д.), или так называемые низшие потребности [2, с. 114].

Однако для совершения преступления одной потребности недостаточно, побудительной причиной поступка выступает осознание человеком как своих нужд, так и возможных способов их удовлетворения. Так называемый интерес включает осмысление не только потребности, но и направления, в котором следует двигаться для достижения ее реализации, преодолев еще один внутренний барьер – систему ценностных ориентаций в соответствии с собственной «моральной шкалой» [3, с. 21]. Очевидно, отступление от социально одобряемого и законопослушного образа действий всегда обусловлено внутренними

причинами, основанными на собственной оценке приоритетов и иерархии ценностей.

В свою очередь, формирование того или иного мотива побуждает лицо к постановке конкретной цели и, выступая активным стимулом, подвигает к ее осуществлению.

Поскольку обозначенные психические процессы неразличимы с первого взгляда, делать вывод о мотиве и цели преступления приходится основываясь по большей части на внешних проявлениях деятельности лица, что на практике скрывает в себе опасность следственных и судебных ошибок.

Закономерно, что, как правило, именно диспозиция статьи Особенной части Уголовного кодекса предопределяет присваиваемую виновному мотивацию, в дальнейшем обуславливая стремление правоприменителей ограничиться кругом введенных в уголовно-правовой оборот так называемых мотивов-презумпций [4, с. 134]. Такое упрощенчество и поверхностность к установлению мотива (цели) сводятся к триаде самых распространенных категорий: корысти, личной неприязни, хулиганским побуждениям. Подобный перечень дополняется рядом иных формализованных, имеющих квалифицирующее значение мотивов и целей, таких как желание избежать ответственности или скрыть другое преступление, политическая, идеологическая, расовая, национальная, религиозная ненависть, стремление удовлетворить половую потребность.

В этом плане обращают на себя внимание приводимые в научных работах примеры, когда вопреки ссылке следственных органов на стандартный лексический оборот «удовлетворение половой потребности» в качестве мотивации преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности в действительности выступали иные автономные мотивы и цели, в том числе желание унижить жертву, зависть, месть или ненависть, обусловленная национальной или религиозной принадлежностью потерпевшего. Вошли в следственную практику и случаи совершения таких преступлений «по найму» или же вовсе

«по мотивам мести за нежелание женщины выйти замуж» [5, с. 121].

При детальном рассмотрении мотивации хищений становится очевидным, что нередко диапазон реальных субъективных побуждений обвиняемого охватывает в комплексе, помимо корысти, и другие цели. Например, хищение предметов – из личной неприязни, дорогой потерпевшему вещи – в качестве угрозы, из хулиганских побуждений, проявляя пьяную удаль или желая противопоставить себя общественному порядку. Тогда как, выступая конститутивным элементом состава преступления в случае кражи, мотив является необходимым условием наступления уголовной ответственности.

Развивая приведенную выше мысль, отметим, что при очевидности внешних обстоятельств дела порой сами фигуранты предлагают суду собственную нетипичную версию мотивов содеянного, уверяя о нахождении реальной цели преступления в иной плоскости, нежели утверждается в обвинительном заключении. В таком случае видится логичным вменение лицу, привлекаемому к уголовной ответственности, тех побуждений, которые подтверждаются показаниями свидетелей и потерпевших, заключениями экспертных исследований и иными объективными материалами уголовного дела.

Проиллюстрируем изложенное примером из практики Белгородского областного суда.

Органами предварительного следствия К. обвинялся в совершении покушения на кражу имущества потерпевшего Ж. путем проникновения в жилой дом. Суд первой инстанции переквалифицировал его действия на незаконное проникновение в жилище, доверяя показаниям об инсценировке совершения кражи без намерения распорядиться чужим имуществом.

В частности, по обстоятельствам инкриминируемых событий осужденный пояснял, что летом 2021 года в отношении него рассматривалось уголовное дело по обвинению в совершении ряда краж, к которым он якобы причастен не был. Когда по делу состоялись прения сторон и государственный обвинитель полностью поддержал предъявленное обвинение, он решил доказать всем, что является честным человеком, который если и совершает преступления, то всегда признает в них свою вину. Именно с этой целью утром 8 июня 2021 года, увидев, что от одного из домов поселка, в который К. целенаправленно прибыл, отъезжает машина, он решил проникнуть именно в это помещение и создать видимость кражи. Со слов осужденного, на самом деле он ничего похищать не хотел, а желал лишь своего задержания, после которого и думал доказать, в первую очередь, сотрудникам полиции, считающим

его безнадежным и изворотливым вором, что таковым не является. Для того, чтобы не порезать руки, взбираясь через забор, он надел перчатки, а для последующего вскрытия окон и дверей у него имелись отвертка и монтировка. Когда через скрытое окно он проник в дом, то в ближайшей комнате намеренно устроил беспорядок, затем взял попавшиеся под руки автомат, винтовку, сабли и ножи, а также пакет с монетами, вынес все на улицу, положил рядом с калиткой и стал ожидать приезда сотрудников охраны.

Вышестоящая инстанция на основании несоответствия выводов, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела судебное решение отменила, констатируя, что районным судом показания осужденного не проверены и не оценены в совокупности с доказательствами, подтверждающими способ проникновения в жилое помещение с применением орудий взлома, с использованием перчаток, т.е. предметов, затрудняющих идентификацию личности; не подвергались анализу данные в ходе предварительного расследования показаний К. о целях взлома и причинах невозможности покинуть территорию дома с имуществом; не устранены противоречия в показаниях свидетеля, указавшего, что К. сидел на участке местности между забором и домом в траве, пытался спрятаться и пояснял о проникновении в дом с целью хищения имущества¹.

Отметим при этом, что не всегда с позиции юридической конструкции конкретная цель преступления прямо следует в качестве обязательного признака его состава (например, может находить свое обозначение путем употребления предлога «для» в ст. 120 Уголовного кодекса Российской Федерации²), а порой и вовсе подразумевается исключительно исходя из логического толкования (ст. 126 УК РФ).

Не являясь обязательными признаками преступления, цель и мотив могут влиять на квалификацию, образуя состав при отягчающих обстоятельствах (например, ч. 2 ст. 105 УК РФ). Поверхностное установление характера события преступления может привести к установлению ложного мотива и повлечь квалификационную ошибку.

Так, приговором М. признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных в том числе п. «д» ч. 2 ст. 112, п. «а» ч. 2 ст. 115 УК РФ. Установив в судебном заседании между осужден-

¹ Апелляционное определение Белгородского областного суда от 16.02.2022 [Электронный ресурс]. – URL: http://oblsud.big.sudrf.ru/modules.php?name=sdp2_cases#id=3_9765413e52175875f9b4b2eed1dd1626&shard=r31&from=p&r={%22dateV alue%22:%2216.02.2022%22} (дата обращения: 28.02.2022).

² Далее – УК РФ.

ным и потерпевшим длительную враждебность из-за бытовых разногласий, переросшую в насильственный конфликт, апелляционная инстанция пришла к выводу о направленности умысла виновного не на грубое нарушение общественного порядка, а на причинение телесных повреждений потерпевшему именно на почве неприязненных отношений.

В этой связи приговор был изменен, действия М. переклассифицированы с п. «д» ч. 2 ст. 112 УК РФ на ч. 1 ст. 112 УК РФ, с п. «а» ч. 2 ст. 115 УК РФ на ч. 1 ст. 115 УК РФ со смягчением наказания³.

Еще сложнее обстоят дела в ситуациях, когда правоприменители вынуждены выбирать между несколькими, на первый взгляд, очевидными мотивами или целями преступления при существующей так называемой конкуренции.

Несмотря на то, что процессуально зафиксированные дефиниции, запрещающие одновременное вменение конкурирующих мотивов, распространяются на определенный круг деяний (например, в постановлениях «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»⁴ (п. 3), «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»⁵ (п. 13)), анализ практики высшего судебного органа в этом направлении демонстрирует необходимость в ходе квалификации преступления определять основной, именуемый теоретиками доминирующим мотив путем исключения из обвинения сопутствующих, второстепенных побуждений и целей [6, с. 27–36].

В частности, таким общепризнанным правилом конкуренции мотивов уместно руководствоваться при расследовании убийства по национальному признаку или при наличии оснований для предположения мотива кровной мести, идеологической, религиозной ненависти, если помимо причинения смерти похищалось еще и имущество потерпевших. В подобных случаях путем анализа совокупности обстоятельств дела целесообразно установить непосредственный катализатор возникновения преступного побуждения: оценить предшествующую событию обстановку, данные о личности виновного и потерпевшего, природу

их взаимоотношений, направленность и характер противоправных действий [7, с. 57].

Предположим, если в приведенной выше ситуации подозрения ненависти или вражды на основе национального признака раскроются предыдущие факты разбойных нападений, в том числе и по данному признаку, это даст основания с большой долей вероятности установить корыстную мотивацию виновного, а если, к примеру, будет установлено, что потерпевший лично нанес обиду виновному и своими действиями создал повод для кровной мести, несомненно, именно последняя послужит доминантным мотивом при квалификации содеянного.

Показательно в этом отношении определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, изменившей приговор в отношении Б., осужденного по пп. «а», «е», «ж», «з», «л» ч. 2 ст. 105, ч. 2 ст. 210, ч. 3 ст. 205 УК РФ в части квалификации.

Установив в судебном заседании обстоятельство непосредственного и активного участия виновного в преступном сообществе, состоящем из религиозно-военизированных объединений, в результате террористической деятельности которого погибло 27 человек, кассационная инстанция пришла к выводу о том, что основным мотивом преступных действий Б. являлась именно религиозная ненависть, в связи с чем осуждение его за убийство из корыстных побуждений было признано излишним и подлежащим исключению из приговора⁶.

Будучи не предусмотренными в качестве квалифицирующего или обязательного признака основного состава преступления, мотив и цель также могут служить обстоятельствами, смягчающими или отягчающими уголовную ответственность. В системе взаимодействующих индивидуальных условий, в которых осуществляется посягательство, мотивация и целеобразование способны определенным образом характеризовать подозреваемого или обвиняемого, усилив или уменьшив степень общественной опасности преступления.

Так, Судебная коллегия по уголовным делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции изменила приговор в отношении П., признанного виновным в совершении трех преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков. Установив, что мотивом содеянного явилось желание в тяжелой жизненной ситуации оказать материальное содействие своим жене и ребенку, страдающим

³ Бюллетень судебной практики Московского областного суда за I квартал 2015 года [Электронный ресурс]. – URL: [https://www.mosoblsud.ru/ss_detale.php?region=&id=148299&w\[\]=2015](https://www.mosoblsud.ru/ss_detale.php?region=&id=148299&w[]=2015) (дата обращения: 28.02.2022).

⁴ О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2011 № 11 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2011. – № 8.

⁵ О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 № 1 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1999. – № 3.

⁶ Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 2005 год [Электронный ресурс]. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&collection=1&nd=204001591&page=1&rdk=0&link_id=2#i0- (дата обращения: 28.02.2022).

серьезным заболеванием и нуждающимся в дорогостоящем лечении, вышестоящая инстанция признала совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств и по мотиву сострадания смягчающим наказанием обстоятельством и уменьшила назначенное наказание⁷.

Как показал проведенный нами анализ, типичные ошибки в процессе уяснения цели и мотива-

ции виновного чаще всего обусловлены ограниченными возможностями познания человеческой психики, хотя иногда они допускаются по причине поверхностной и предвзятой оценки доказательств, продиктованной формальным подходом к таким вопросам со стороны правоприменителя.

Таким образом, представляется, что без правильного уяснения цели и мотива, выполняющих в некоторых составах роль обязательных признаков, невозможно правильно квалифицировать общественно опасные деяния.

⁷ Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 25.02.2021 № 77-385/2021 [Электронный ресурс]. СПС «КонсультантПлюс».

Литература

1. **Бакин А.А.** К вопросу понятия мотива преступного поведения // Российский следователь. – 2010. – № 7. – С. 26–29.
2. **Хекхаузен Х.** Мотивация и деятельность. Т. I. – Москва: Педагогика, 1986. – 391 с.
3. **Бубон К.В.** Размышления о мотиве преступления и об истине как конечной цели правосудия // Адвокат. – 2009. – № 1. – С. 19–23.
4. **Тазин И.И.** Процессуальные средства установления и доказывания мотивации преступного поведения // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 343. – С. 134–136.
5. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / ответственные редакторы И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. – Москва: Издательство НОРМА, 2010. – 1008 с.
6. **Иванов А.Л.** Конкуренция мотивов и (или) целей при квалификации убийства двух или более лиц // Уголовное право. – 2016. – № 6. – С. 27–36.
7. **Мешков М.В., Гаифуллин А.Н.** Проблемы доказывания мотива преступления // Законность. – 2013. – № 9. – С. 56–58.

References

1. **Bakin A.A.** K voprosu ponyatiya motiva prestupnogo povedeniya // Rossiiskii sledovatel'. – 2010. – № 7. – S. 26–29.
2. **Khekkhauzen Kh.** Motivatsiya i deyatelnost'. T. I. – Moskva: Pedagogika, 1986. – 391 s.
3. **Bubon K.V.** Razmyshleniya o motive prestupleniya i ob istine kak konechnoi tseli pravosudiya // Advokat. – 2009. – № 1. – S. 19–23.
4. **Tazin I.I.** Protsessual'nye sredstva ustanovleniya i dokazyvaniya motivatsii prestupnogo povedeniya // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2011. – № 343. – S. 134–136.
5. Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast': uchebnik dlya vuzov / otvetstvennye redaktory I.Ya. Kozachenko, Z.A. Neznamova, G.P. Novoselov. – Moskva: Izdatel'stvo NORMA, 2010. – 1008 s.
6. **Ivanov A.L.** Konkurentsia motivov i (ili) tselei pri kvalifikatsii ubiistva dvukh ili bolee lits // Ugolovnoe pravo. – 2016. – № 6. – S. 27–36.
7. **Meshkov M.V., Gaifullin A.N.** Problemy dokazyvaniya motiva prestupleniya // Zakonnost'. – 2013. – № 9. – S. 56–58.

(статья сдана в редакцию 28.02.2022)

**СОБИРАНИЕ И ПРЕДСТАВЛЕНИЕ
ДОКАЗАТЕЛЬСТВ КАК СРЕДСТВО ОКАЗАНИЯ
КВАЛИФИЦИРОВАННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ****COLLECTION AND PRESENTATION OF EVIDENCE AS A
MEANS OF PROVIDING QUALIFIED LEGAL ASSISTANCE
IN CRIMINAL PROCEEDINGS**

УДК 343.1

П.В. ФАДЕЕВ,
кандидат юридических наук, доцент
(Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя,
Россия, Москва)
fadeevpv2001@yandex.ru

PAVEL V. FADEEV,
Candidate of Law, Associate Professor
(Kikot Moscow University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Moscow, Russia)

Аннотация: в статье рассмотрены проблемы, возникающие в уголовном судопроизводстве при собирании и представлении доказательств защитником, оказывающим квалифицированную юридическую помощь подозреваемому или обвиняемому. Автор на основе анализа различных мнений выделяет и исследует три точки зрения ученых на сущность и содержание данного правового средства адвоката. На современном этапе при ведущей роли государственных органов отмечаются тенденции расширения практики собирания и представления доказательств защитником. В то же время обосновывается, с одной стороны, преждевременность адвокатского расследования, с другой – целесообразность расширения полномочий адвоката по собиранию и представлению доказательств, в том числе с привлечением частных детективов и усилением ответственности уполномоченных лиц.

Посредством изучения и анализа норм уголовно-процессуального закона, решений Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, Европейского Суда по правам человека, юридической литературы, материалов уголовных дел и опроса адвокатов сформированы предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики по изучаемой проблеме.

Методологической основой исследования послужил общенаучный системный метод познания, а также некоторые частные методы познания, в том числе формально-логический и сравнительно-правовой, используемые при анализе уголовно-процессуального законодательства, правоприменительной практики и юридической литературы.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, квалифицированная юридическая помощь, подозреваемый, обвиняемый, защитник, частный детектив.

Для цитирования: Фадеев П.В. Собрание и представление доказательств как средство оказания квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2022. № 2. С. 44–48.

Abstract: the article addresses the problems that arise in criminal proceedings when collecting and presenting evidence by a lawyer providing qualified legal assistance to a suspect or accused. The author, on the basis of an analysis of various points of view, identifies and explores the three points of view of scientists on the essence and content of this legal means of counsel. At the present stage, with the leading role of state bodies, there are trends in the practice of collecting and presenting evidence by the defender. At the same time, it is justified, on the one hand, the prematurity of a lawyer's investigation, on the other, the expediency of expanding the lawyer's authority

to collect and present evidence, including by involving private detectives and strengthening the responsibility of authorized persons.

Through the study and analysis of the norms of criminal procedure law, decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the Supreme Court of the Russian Federation, the European Court of Human Rights, legal literature, materials of criminal cases and a survey of lawyers, proposals have been made to improve criminal procedure legislation and law enforcement practice on the problem being studied.

The methodological basis of the study was the general scientific system method of cognition, as well as some private methods of cognition, including formal logical and comparative legal methods used in the analysis of criminal procedure legislation, law enforcement practice and legal literature.

Keywords: criminal proceedings, qualified legal aid, suspect, accused, defender, private detective.

For citation: Fadeev P.V. Collection and presentation of evidence as a means of providing qualified legal assistance in criminal proceedings // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 2. P. 44–48.

Оказание квалифицированной юридической помощи подозреваемым и обвиняемым в основном возложено на их защитников. Их деятельность по содействию участникам уголовного процесса, нуждающимся в такой помощи, предполагает использование различных правовых средств (видов деятельности). Одним из таких средств при оказании квалифицированной юридической помощи является собирание и представление доказательств защитником.

Вместе с тем данный вид деятельности вызывает неоднозначное мнение среди ученых [1, с. 91–94]. Как показывает анализ, наибольшее количество расхождений во взглядах вызывают нормы уголовно-процессуального закона, которые, с одной стороны, наделяют защитника полномочиями по собиранию и представлению доказательств (п. 2 ч. 1 ст. 53, ч. 3 ст. 86 и ч.ч. 21 ст. 58 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹), с другой – ограничивают их, определяя признаки и виды доказательств (ст. 74 УПК РФ), субъектов и процессуальный порядок их собирания, проверки и оценки (ст. 85–88 УПК РФ).

Исследование таких расхождений позволяет выделить три точки зрения, определяющие право защитника: 1) собирать и представлять отдельные виды доказательств; 2) самостоятельно проводить адвокатское (параллельное) расследование; 3) собирать и представлять следователю (дознавателю) доказательственную информацию.

Так, по мнению первой группы юристов, защитник вправе собирать и представлять только отдельные виды доказательств. В юридической литературе отмечается, что защитнику целесообразно предоставить возможность собирать и представлять следователю только документы [2, с. 36–37] или «единственный

легальный вид доказательства – „иной документ”» (п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ)» [3, с. 10–16].

Следует отметить, что данная точка зрения не вызывает возражений, так как учитывает возможность защитника собирать и представлять доказательства, хотя и ограничивает их отдельными видами. В то же время вызывает сомнение то, что следователь (дознаватель) после получения таких доказательств не будет их проверять не только на подлинность, но и относимость и допустимость к расследуемому преступлению.

Вторая группа ученых полагает, что защитник наделяется правом самостоятельно проводить параллельное адвокатское расследование. По их мнению, имеются соответствующие предпосылки для введения в систему досудебного производства самостоятельной формы расследования, которые позволяют, во-первых, признать защитника субъектом доказывания, наделенным правом передавать собственные материалы расследования вместе с «защитительным заключением» в суд, уравнивая его деятельность с расследованием следователя (дознавателя); во-вторых, расширить полномочия защитника по самостоятельному сбору доказательств, в том числе путем производства следственных действий и сыскных мероприятий, а также дополнительных опросов ранее допрошенных свидетелей; в-третьих, определить в уголовно-процессуальном законе процессуальный порядок получения, приобщения и представления доказательств защитником, формы и методы их получения [4, с. 49–54; 5, с. 21].

На наш взгляд, данная точка зрения заслуживает внимания, так как не только повышает самостоятельность уголовного судопроизводства, но и существенно расширяет полномочия защитника, действующего в интересах подозреваемого (обвиняемого). Вместе с тем такой подход чрезмерно усложняет сложившуюся систему уголовно-процессуальных отношений, процессуальный

¹ Далее – УПК РФ.

порядок уголовного судопроизводства, его правовые институты, средства и методы.

Следует согласиться с мнением ученых о том, что корни непризнания адвокатского расследования в качестве самостоятельной формы досудебного производства «лежат в более глубоких пластах формирования уголовно-процессуального права, чем его институты состязательности и собирания доказательств» [6, с. 41–43]. Континентальный тип уголовного судопроизводства Российской Федерации, несмотря на то, что признается состязательным, основным способом собирания доказательств, наряду с их истребованием и приобщением, видит производство следственных действий, осуществляемых в строго установленном законом публичном порядке уполномоченными лицами, в числе которых защитник в качестве субъекта их производства не предусмотрен [7, с. 8–14].

В настоящее время в уголовно-процессуальном праве доминирует точка зрения третьей группы юристов, которые полагают, что правом собирания, проверки и оценки доказательств должны обладать только государственные органы и их должностные лица. По их мнению, уголовно-процессуальный закон уполномочивает защитника собирать не доказательства, а имеющие значение для дела информацию, предметы, документы, обладающие свойством допустимости и относимости, которые следователь (дознатель) после их проверки следственным путем признает доказательствами [8, с. 90].

В качестве аргументов, ограничивающих возможность адвоката-защитника проводить параллельное расследование и собирать доказательства, также называют, во-первых, необходимость применения при производстве по уголовному делу различных мер процессуального принуждения, ограничивающих конституционные права личности, что является прерогативой государственных органов и их должностных лиц; во-вторых, заинтересованность адвоката в сборе «защитных» доказательств и игнорировании доказательств обвинительного характера; в-третьих, случаи неправомерного поведения защитника (передача информации пособникам обвиняемого, воздействие на свидетелей и должностных лиц уголовного судопроизводства) [9, с. 19–22]; в-четвертых, недоверие к помощи специалиста, привлеченного адвокатом-защитником. По мнению ученых, роль такого специалиста должна быть ограничена лишь разъяснениями и консультациями [10, с. 415–416].

В целом соглашаясь с большинством аргументов, хотелось бы отметить, что в основе расхождений по данной точке зрения является не само право защитника собирать и представлять доказательства, а его возможность стать самостоя-

тельным субъектом расследования, имеющим право представлять суду в основном доказательств невинности своего подзащитного.

Вместе с тем данная проблема получила свое разрешение не только в нормах уголовно-процессуального закона, но и в решениях Конституционного Суда Российской Федерации, который, с одной стороны, признает право защитника на собирание доказательств, с другой – подчеркивает публичный характер уголовного судопроизводства, полномочия государственных органов и их должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу и уголовно-процессуальную деятельность по доказыванию².

Следовательно, защитник имеет право на собирание и представление доказательств, но с использованием установленных законом средств, методов, приемов, процессуального порядка. Такой подход предполагает, во-первых, расширение полномочий защитника по собиранию и представлению доказательств при производстве по уголовному делу, в основе которых, с одной стороны, должны находиться законные интересы их доверителей, с другой – публичный характер уголовно-процессуальной деятельности. Представляется, что наделение защитника полномочиями по собиранию и представлению доказательств путем получения предметов, документов и иных сведений, опроса лиц с их согласия, истребования справок и иных документов, а также привлечения специалиста к участию в производстве по уголовному делу позволяет уравновесить статусы участников со стороны обвинения и стороны защиты [11, с. 3–8].

Во-вторых, совершенствование гарантий реализации права защитника по собиранию и представлению доказательств в целях осуществления принципа состязательности сторон в уголовном судопроизводстве. Это предложение связано с тем, что случаи «неправомерного вмешательства в адвокатскую деятельность или воспрепятствование ей исчисляются сотнями и подобрались к ежегодному исчислению в тысячах» [11, с. 91–94].

Как показывает анализ, действующий уголовно-процессуальный закон, наделяя защитника полномочиями по собиранию и представлению доказательств, обязывает государственные органы, органы местного самоуправления, общественные объединения и организации представлять запрашиваемые документы или их копии.

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бугрова Александра Анатольевича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части третьей статьи 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 04.04.2006 № 100-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2006. – № 4. – С. 11–13.

Данное положение неоднократно подчеркивалось в решениях Конституционного Суда Российской Федерации³, Верховного Суда Российской Федерации⁴, Европейского Суда по правам человека⁵.

В связи с этим целесообразно усилить ответственность государственных организаций и общественных объединений, необоснованно отказывающих в предоставлении защитнику запрашиваемой информации, касающейся подозреваемого или обвиняемого [12, с. 47–51]. В этом отношении представляется обоснованным предложение по совершенствованию нормативных правовых актов, определяющих сроки исполнения адвокатских запросов и предоставления по запросу адвоката сведений о его доверителе, составляющих определенные виды охраняемых законом тайн⁶.

Также требует своего разрешения проблема необоснованных отказов защитнику в выполнении того или иного следственного действия, приобщении в качестве доказательств представленных документов. Изучение уголовных дел показало, что около 30% ходатайств защитника не удовлетворяются по формальным основаниям.

В то же время не должен остаться без внимания вопрос о повышении ответственности государственных органов и их должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, в отношении представленных доказательств, совокупность которых позволяет сделать вывод об их достаточности и взаимной связи с имеющимися доказательствами, поэтому следователю (дознавателю), прокурору и суду, согласно ст. 86 УПК РФ, следует тщательно производить оценку каждого представленного защитником доказательства с точки зрения его относимости, допустимости, достоверности, а всех собранных доказательств в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела.

³ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Грязнова Сергея Владимировича на нарушение его конституционных прав статьей 155 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19.10.2010 № 1419-О-О [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 07.09.2006 № 4-02/05 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Дело «Ходорковский и Лебедев (Khodorkovskiy and Lebedev) против Российской Федерации» (жалобы № 11082/06 и 13772/05): постановление Европейского Суда по правам человека от 25.07.2013 // Российская хроника Европейского Суда. – 2015. – № 1. – С. 48–53.

⁶ Об утверждении плана законопроектной деятельности Правительства Российской Федерации на 2020 г.: распоряжение Правительства Российской Федерации от 26.12.2019 № 3205-р [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Как показывает анализ, практика выработала различные способы повышения эффективности деятельности адвоката. В их числе активное использование в поиске доказательств, полученных частными детективами. Так, частными детективами в ходе расследования уголовного дела могут быть проведены различные мероприятия сысского характера, направленные на установление свидетелей (очевидцев) происшествия (преступления), розыск предметов (автотранспорта, похищенного имущества), розыск скрывшихся соучастников преступления, проверку показаний участников уголовного процесса (потерпевших, свидетелей, подозреваемых, обвиняемых), противоречащих показаниям подзащитного, и др. [13, с. 22–23]. В связи с этим представляется целесообразным признать частных детективов в качестве участников уголовного судопроизводства и определить их процессуальный статус.

В процессе собирания и представления защитником доказательств возможно участие специалиста, приглашение которого регламентировано п. 3 ч. 1 ст. 53 УПК РФ. Гарантией данного обстоятельства выступил Федеральный закон от 17.04.2017 № 73-ФЗ, который дополнил ст. 58 УПК РФ частью 21, запрещающей следователю, дознавателю, суду отказывать в удовлетворении ходатайства о привлечении к участию в производстве по уголовному делу специалиста для разъяснения вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию⁷. Как показывает практика, участие лица, обладающего специальными знаниями, необходимо при обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию.

Таким образом, оказание квалифицированной юридической помощи существенно улучшится в случае конкретизации процессуального порядка собирания и представления доказательств защитником, а также расширения его полномочий по собиранию и представлению доказательств следователю (дознавателю) или в суд.

Учитывая вышеизложенное, представляется целесообразным дополнить ст. 16 УПК РФ «Обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту» пунктом 5, изложив ее в следующей редакции:

«5. Защитник имеет право консультировать подозреваемого и обвиняемого в отношении их юри-

⁷ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 17.04.2017 № 73-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 17. – Ст. 2455.

дических прав, обязанностей и ответственности, в том числе при производстве следственных, судебных и иных процессуальных действий, оказывать им содействие, используя для этого любые правовые средства, установленные настоящим Кодексом либо им не запрещенные, собирать и

представлять необходимые доказательства, в том числе с привлечением частных детективов и специалистов, получать необходимую информацию при производстве по уголовному делу, представлять интересы в суде, прокуратуре, органах предварительного расследования».

Литература

1. **Фадеев П.В.** О пробелах в законодательстве о квалифицированной юридической помощи // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2012. – № 12. – С. 91–94.
2. **Зайцева И.А.** Тактика допроса подозреваемых и обвиняемого, проводимого при участии защитника: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2003. – 244 с.
3. **Воскобитова Л.А.** Объемное понимание уголовно-процессуального права // Уголовное судопроизводство. – 2019. – № 2. – С. 10–16.
4. **Калюжный А.Н.** Адвокатское расследование в уголовном процессе: проблемы правовой конструкции и практики реализации // Адвокатская практика. – 2017. – № 1. – С. 49–54.
5. **Мартынич Е.Г.** Правовые основы адвокатского расследования: состояние и перспективы формирования нового института и модели // Адвокатская практика. – 2012. – № 1. – С. 21–29.
6. **Давлетов А.А.** Адвокатское расследование: миф или реальность? // Российская юстиция. – 2017. – № 6. – С. 41–43.
7. **Пилюк А.В.** Роль суда в доказывании обстоятельств уголовного дела в современном уголовном судопроизводстве Российской Федерации: монография. – Москва: Юрлитинформ, 2020. – 256 с.
8. **Громов Н.А., Курушин С.А.** Гарантии права на защиту обвиняемого в досудебных стадиях по УПК РФ. – Москва: Издательский дом И.И. Шумиловой, 2005. – 135 с.
9. **Гармаев Ю.П.** Вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта (ст. 305 УПК РФ) в соучастии с недобросовестным адвокатом // Адвокатская практика. – 2003. – № 2. – С. 19–22.
10. **Багаутдинов Ф.Н.** Обеспечение публичных и личных интересов при расследовании преступлений. – Москва: Юрлитинформ, 2004. – 543 с.
11. **Мельников В.Ю.** Необходимо ли возвращаться к вопросу адвокатского расследования? // Адвокатская практика. – 2015. – № 4. – С. 3–8.
12. **Хорьяков С.Н.** Проблемы реализации права адвоката на собирание доказательств в уголовном процессе // Адвокатская практика. – 2018. – № 3. – С. 47–51.
13. **Осьмаков М.А.** Адвокатское расследование в современном уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Владимир, 2007. – 25 с.

References

1. **Fadeev P.V.** O probelakh v zakonodatel'stve o kvalifitsirovannoi yuridicheskoi pomoshchi // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. – 2012. – № 12. – S. 91–94.
2. **Zaitseva I.A.** Taktika doprosa podozrevaemykh i obvinyaemogo, provodimogo pri uchastii zashchitnika: dis. ... kand. yurid. nauk. – Saratov, 2003. – 244 s.
3. **Voskobitova L.A.** Ob"emnoe ponimanie ugovolno-protsessual'nogo prava // Ugovolnoe sudoproizvodstvo. – 2019. – № 2. – S. 10–16.
4. **Kalyuzhnyi A.N.** Advokatskoe rassledovanie v ugovolnom protsesse: problemy pravovoi konstruktsii i praktiki realizatsii // Advokatskaya praktika. – 2017. – № 1. – S. 49–54.
5. **Martynchik E.G.** Pravovye osnovy advokatskogo rassledovaniya: sostoyanie i perspektivy formirovaniya novogo instituta i modeli // Advokatskaya praktika. – 2012. – № 1. – S. 21–29.
6. **Davletov A.A.** Advokatskoe rassledovanie: mif ili real'nost'? // Rossiiskaya yustitsiya. – 2017. – № 6. – S. 41–43.
7. **Pilyuk A.V.** Rol' suda v dokazyvanii obstoyatel'stv ugovolnogo dela v sovremennom ugovolnom sudoproizvodstve Rossiiskoi Federatsii: monografiya. – Moskva: Yurilitinform, 2020. – 256 s.
8. **Gromov N.A., Kurushin S.A.** Garantii prava na zashchitu obvinyaemogo v dosudebnykh stadiyakh po UPK RF. – Moskva: Izdatel'skii dom I.I. Shumilovoi, 2005. – 135 s.
9. **Garmaev Yu.P.** Vynesenie zavedomo nepravosudnykh prigovorov, resheniya ili inogo sudebnogo akta (st. 305 UPK RF) v souchastii s nedobrosovestnym advokatom // Advokatskaya praktika. – 2003. – № 2. – S. 19–22.
10. **Bagautdinov F.N.** Obespechenie publicznykh i lichnykh interesov pri rassledovanii prestuplenii. – Moskva: Yurilitinform, 2004. – 543 s.
11. **Mel'nikov V.Yu.** Neobkhodimo li vozvrashchat'sya k voprosu advokatskogo rassledovaniya? // Advokatskaya praktika. – 2015. – № 4. – S. 3–8.
12. **Khor'yakov S.N.** Problemy realizatsii prava advokata na sobiranie dokazatel'stv v ugovolnom protsesse // Advokatskaya praktika. – 2018. – № 3. – S. 47–51.
13. **Os'makov M.A.** Advokatskoe rassledovanie v sovremennom ugovolnom protsesse: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – Vladimir, 2007. – 25 s.

(статья сдана в редакцию 11.01.2022)

ХОДАТАЙСТВО О ПОЛУЧЕНИИ ИНФОРМАЦИИ О СОЕДИНЕНИЯХ МЕЖДУ АБОНЕНТАМИ И (ИЛИ) АБОНЕНТСКИМИ УСТРОЙСТВАМИ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ

PETITION FOR INFORMATION OBTAINING PECULIARITIES ON CONNECTIONS BETWEEN SUBSCRIBERS AND (OR) SUBSCRIBER DEVICES: PROBLEMATIC ASPECTS

УДК 343.1

Е.В. ЛАКЕЕВА

(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
ms.volnyagina@mail.ru

EKATERINA V. LAKEEVA

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry
of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Аннотация: актуальность темы обусловлена количеством ходатайств, направляемых органами предварительного расследования в суд для получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. Результативность следственного действия, предусмотренного ст. 186.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, зависит от целого ряда факторов, к числу которых можно отнести правильно вынесенное постановление о возбуждении ходатайства о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. В статье анализируются вводная и описательно-мотивировочная части постановления о возбуждении ходатайства о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, приводится перечень информации, которую отражает следователь (дознаватель) в ходатайствах перед судом. Автор указывает на недопущение дословного дублирования показаний потерпевшего и иных участников уголовного судопроизводства, а также на отсутствие информации о движении уголовного дела в описательно-мотивировочной части постановления. Автор выделяет два основания отказа суда в удовлетворении ходатайств, в частности, не поддерживаемые судами требования правоохранителей производить сразу ряд следственных действий в отношении различных объектов, то есть без конкретизации требований, и неподтверждение доводов предоставленными в суд копиями материалов уголовного дела. При этом автор отмечает отсутствие в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации указания на необходимость предоставления копий материалов уголовного дела с ходатайством в суд, однако это на практике служит одним из оснований для вынесения отказов судами. В заключение автор обращает внимание на необходимость более детальной регламентации перечня предоставляемых в суд материалов, а также предлагает внести изменения в ч. 1 ст. 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и разработать единую базу данных всех осуществляющих услуги связи организаций.

Ключевые слова: ходатайство, суд, органы предварительного расследования, база данных.

Для цитирования: Лакеева Е.В. Ходатайство о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами: проблемные аспекты // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2022. № 2. С. 49–53.

Abstract: the relevance of the topic is due to the number of petitions sent by the preliminary investigation authorities to the court to obtain information about connections between subscribers and (or) subscriber devices. The effectiveness of the investigative action provided for in Article 186.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation depends on a number of factors, which include a correctly issued Resolution on initiating a petition for information obtaining peculiarities on connections between subscribers and (or) subscriber devices. The article analyzes the introductory and descriptive-motivational parts of the decision to initiate a petition for information obtaining peculiarities on connections between subscribers and (or) subscriber devices, a list of information that the investigator (inquirer) reflects in petitions to the court is given. The author points to the prevention of verbatim duplication of the testimony of the victim and other participants in criminal proceedings, as well as the lack of information about the progress of the criminal case in the descriptive and motivational part of the decisions. The author highlights two grounds for the court's refusal to satisfy the petitions. In particular, the courts do not support

the requirement of law enforcement officers to carry out a number of investigative actions in relation to various objects at once, that is, without specifying the requirements, and non-confirmation of the arguments by copies of the criminal case materials submitted to the court. At the same time, the author notes that there is no indication in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of the need to provide copies of the materials of the criminal case with a petition to the court, but in practice this serves as one of the grounds for refusals by the courts. In conclusion, the author draws attention to the need for more detailed regulation of the list of materials submitted to the court, and also proposes to amend Part 1 of Art. 165 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and develop a single database of all organizations providing communication services.

Keywords: petition, court, preliminary investigation bodies, database.

For citation: Lakeeva E.V. Petition for information obtaining peculiarities on connections between subscribers and (or) subscriber devices: problematic aspects // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 2. P. 49–53.

С 2010 года в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации¹ существует новое следственное действие – получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. Данное следственное действие все чаще проводится органами предварительного расследования. Так, согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, судебный контроль по получению информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами в 2021 году осуществлялся над 275003 материалами, направленными органами предварительного расследования в суды общей юрисдикции, тогда как в 2020 году количество поступивших материалов составляло 313364, в 2019 году – 268292, в 2018 году – 250988, в 2017 году – 226384, в 2016 году – 126306². Увеличение направляемых в суд ходатайств с 2016 года по 2020 год более чем в два раза позволяет наглядно увидеть возникшую необходимость применения данного следственного действия при расследовании преступлений. Несомненно, не следует оставлять без внимания снижение рассматриваемых судами ходатайств в 2021 году, однако нельзя говорить и о сложившейся положительной динамике.

Несмотря на активное использование рассматриваемого следственного действия органами предварительного расследования, в юридической литературе остается немало спорных вопросов, связанных в том числе с содержанием постановления о возбуждении ходатайства о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами³.

¹ Далее – УПК РФ.

² Данные судебной статистики [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 05.05.2022).

³ Далее – постановление.

Согласно ч. 1 ст. 186.1 УПК РФ при наличии достаточных оснований полагать, что информация о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами имеет значение для уголовного дела, следователь направляет в суд ходатайство о его производстве. Как отмечает Э.А. Багавиева: «Информация о соединениях между абонентами имеет существенное значение при хищении мобильных телефонов, а также для расследования преступлений, при совершении которых ведутся переговоры по сотовым телефонам, таких как преступные действия мошеннического характера, террористической направленности, захват заложников, похищение, сбыт наркотиков, вымогательство и ряд других преступлений» [1, с. 355]. Мы согласимся с данным мнением. При этом считаем, что следователь и дознаватель должны в постановлении детально изложить основания для проведения рассматриваемого следственного действия, подтверждая доводами, обосновывающими необходимость ограничения конституционных прав граждан. Как верно отмечает Н.А. Архипова, говоря о том, что следователю перед обращением в суд следует выстроить систему аргументов законности и обоснованности проведения данного следственного действия [2, с. 21], в связи с чем необходимо уделить особое внимание направляемому в суд процессуальному документу.

При расследовании преступления особое значение имеют тактические приемы, разрабатываемые для обеспечения максимальной эффективности следственного действия. В криминалистической литературе тактику любого следственного действия подразделяют на три этапа: подготовительный, рабочий и заключительный [3]. Несмотря на то, что некоторые процессуалисты разделяют подготовительный этап рассматриваемого следственного действия на несколько стадий [см.: 4, с. 40; 5, с. 20], все они сходятся на том, что вынесение ходатайства перед судом о получении информации о соедине-

ниях между абонентами и (или) абонентскими устройствами относится к подготовительному этапу [см.: 6, с. 223; 7, с. 247].

Получение разрешения на производство следственных действий, затрагивающих конституционные права человека, производится путем согласования ходатайства с руководителем следственного органа (для следователей) или прокурором (для дознавателей). Структурно данное ходатайство состоит из трех частей: вводной, описательно-мотивировочной и резолютивной. Однако, как верно заметила Э.А. Багавиева, «в УПК РФ закреплены лишь требования к частям приговора, а требования к содержанию иных процессуальных решений законодатель не предусмотрел» [8, с. 801].

Часть 2 статьи 186.1 УПК РФ определяет, какая информация обязательно должна быть указана в ходатайстве, а именно: номер уголовного дела; основания, по которым производится следственное действие; период и срок производства следственного действия; наименование организации, от которой необходимо получить информацию. При этом законодатель не указывает на необходимость отражать в постановлении квалификацию преступления, дату возбуждения уголовного дела, личные данные подозреваемого (обвиняемого) и его показания.

Изученная следственно-судебная практика УМВД России по г. Белгороду позволяет выделить информацию, которую органы предварительного расследования отражают в постановлениях перед судом.

Во вводной части постановления содержится информация о согласовании с руководителем следственного органа или прокурором, должность, звание, фамилия и инициалы следователя (дознателя), номер уголовного дела, по которому необходимо получить информацию о соединениях, а также квалификация преступления.

В описательно-мотивировочной части постановления отражены: дата возбуждения уголовного дела; фабула преступления; показания участников уголовного судопроизводства; основания, по которым производится следственное действие; период и срок производства следственного действия; наименование организации, от которой необходимо получить информацию. Порядок отображения необходимой информации определяет следователь и дознаватель самостоятельно согласно сложившейся следственно-судебной практике в том или ином регионе. Вызвано это отсутствием в УПК РФ образцов бланков процессуальных документов.

Вызывает сомнение описательно-мотивировочная часть постановлений, в которой дословно дублируются показания потерпевшего и иных участников уголовного судопроизводства. Считаем, что

ходатайство должно содержать информацию не обо всех событиях по уголовному делу, а лишь указывать на достаточные основания получаемых сведений по конкретному абонентскому номеру. При этом считаем, необходимо использовать следующие формулировки: «*в ходе предварительного следствия с потерпевшей Ф. И. О. создавались по следующему абонентскому номеру...*»; «*в ходе предварительного следствия потерпевшая Ф. И. О. перечисляла денежные средства на следующие абонентские номера...*» и т.д.

В ч. 4 ст. 186.1 УПК РФ законодатель определил необходимость отражения срока, на который запрашивается необходимая информация, а в ч. 7 ст. 186.1 УПК РФ – возможность производства следственного действия лишь в рамках предварительного расследования. Однако в изученных постановлениях зачастую следователи (дознатели) в описательно-мотивировочной части не отражают информацию о движении уголовного дела (при условии, что уголовное дело приостанавливалось, возобновлялось или продлевалось).

Отсутствие точного перечня информации, которую следователь и дознаватель должны указывать в ходатайстве перед судом при получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, служит основанием к вынесению отказов в удовлетворении ходатайств либо их возвращению следователям (дознателям) для устранения нарушений.

Анализируя следственно-судебную практику, а также исходя из личного опыта, можно сделать вывод, что основными основаниями отказов в удовлетворении ходатайств являются:

1) незаконные требования правоохранителей о производстве сразу ряда следственных действий в отношении различных объектов, то есть требования не конкретизировались следователями (запрос на необходимость получения информации сразу по двум абонентским номерам, который уже известен органам предварительного расследования и который станет известен уже после получения информации о соединениях);

2) неподтверждение предоставленными в суд копиями материалов уголовного дела (не предоставляются сведения, подтверждающие принадлежность абонентского номера к указанному в постановлении оператору связи, а также отсутствует информация о продлении (возобновлении) предварительного расследования).

Отказы судов по первому основанию считаем вполне обоснованными, так как невозможно достоверно знать, у какой организации, осуществляющей услуги связи, потребуется получение детализации звонков по абонентскому номеру, который станет известен уже после получения информации

о соединениях. Согласно п. 4 ч. 2 ст. 186.1 УПК РФ информация об организации является обязательной для отражения в ходатайстве, детализация звонков, полученная таким способом, будет получена с нарушением требований УПК РФ и должна быть признана недопустимым доказательством (п. 3 ч. 2 ст. 75 УПК РФ).

Отдельного внимания заслуживают отказы судов по второму основанию. Стоит отметить, что УПК РФ не содержит требований для предоставления таких материалов в суд. Исходя из положений ч. 1 ст. 186.1 УПК РФ следователь при наличии для него достаточных оснований получает судебное решение по общим основаниям (ст. 165 УПК РФ). Общий судебный порядок получения разрешения на производство следственных действий также не содержит требования на предоставление дополнительных материалов. Лишь в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.06.2017 № 19 имеется указание, что материалы, требующиеся для его рассмотрения, включают в себя: копии постановлений о возбуждении уголовного дела и принятии уголовного дела к производству, о продлении срока предварительного расследования, о возобновлении производства по уголовному делу, материалы, подтверждающие наличие оснований для производства следственного действия, и др.⁴

Видится, что законодатель оставляет право следователю и дознавателю самостоятельно принимать решение, какие именно материалы будут подтверждать наличие оснований для производства конкретного следственного действия. В сложившейся следственно-судебной практике к таким материалам относят: копии протоколов допросов (иногда объяснений), в которых содержится информация об абонентском номере или IMEI-номере, связанных с преступлением; копии документов о выемке у лица документов, в которых содержится подтверждение IMEI-номера похищенного абонентского устройства; копия рапорта сотрудника органа дознания о принадлежности абонентского номера к конкретной, осуществляющей услуги связи организации и др.

Н.А. Архипова раскрывает перечень материалов, направляемых в суд с постановлением, следующим образом: «...постановление о возбуждении уголовного дела; заявление о преступлении, явка с повинной и т.д.; иные материалы уголовного дела (копия протокола допроса потерпевшего (свидетеля), подозреваемого (обвиняемого), где

указаны IMEI-номер абонентского устройства, абонентский номер сим-карты, данные абонента и другие сведения, касающиеся обстоятельств использования средств подвижной радиотелефонной связи); копия документов, в которых указан IMEI-номер сотового телефона и др., которых должно быть достаточно, чтобы убедить судью в даче разрешения на проведение данного следственного действия» [2, с. 20].

Мы согласны с мнением о том, что материалов должно быть достаточно, чтобы убедить судью в даче разрешения на проведение следственного действия. Своевременно полученное решение суда будет способствовать оперативному выполнению последующих процессуальных действий на рабочем и заключительном этапах.

По нашему мнению, исходя из того, что ходатайства о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами подлежат рассмотрению единолично судьей (ч. 2 ст. 165 УПК РФ), а участие прокурора, следователя и дознавателя не является обязательным (ч. 2 ст. 165 УПК РФ), необходимо более детально регламентировать перечень предоставляемых в суд материалов. Детальные разъяснения по поводу перечня предоставляемых в суд документов позволят избежать необоснованных отказов в удовлетворении ходатайств.

Как можно заметить, в приведенных основаниях следователями не представлялись документы, подтверждающие принадлежность абонентского номера конкретному оператору сотовой связи. Р.А. Дерюгин в своем диссертационном исследовании предлагает устанавливать принадлежность абонентского номера той или иной сотовой компании посредством сети Интернет путем специальных сервисов (spravportal.ru или gsminform.ru) [9], в том числе установить такую принадлежность можно посредством взаимодействия органов дознания и органов предварительного расследования (путем направления отдельного поручения). Однако это существенно может затянуть получение решения суда на получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. В частности, органы предварительного расследования должны направить копию решения суда в соответствующую, осуществляющую услуги связи организацию, но зачастую по указанным адресам фактически отсутствуют сотовые организации, и судебные решения остаются без исполнения. Считаем, что решить данную проблему возможно созданием единой базы с обязательной регистрацией всех операторов сотовой связи и внесением юридических наименований и адресов, в том числе предусмотреть ответственность, возлагаемую на организации, осуществляющие услуги связи,

⁴ О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ): постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.06.2017 № 19 // Российская газета. – 2017. – 9 июня.

за внесение недостоверных сведений и неисполнение запросов судов.

Подводя итог, считаем, что право следователя и дознавателя самостоятельно определять, какие материалы должны предоставляться в суд с ходатайством, вполне обоснованно, так как нельзя предусмотреть конкретный перечень по каждому уголовному делу. Однако необходимо внести изменения в ч. 1 ст. 165 УПК РФ, дополнив следующей фразой: «К постановлению прилагаются материалы, подтверждающие обоснованность ходатайства».

Разработка единой базы требует дополнительной правовой и технической регламентации, однако данные изменения позволят установить необходимые сведения о принадлежности абонентского номера следователями (дознателями), а при возникшей необходимости убедиться суду в правильности приведенных в ходатайстве сведений.

Обозначенные в данной статье меры позволят исключить возможные противоречия между органами предварительного расследования и судами, что будет способствовать уменьшению времени расследования преступлений, по которым возникает необходимость в получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, в том числе в сфере информационных технологий, имеющих особое значение на нынешнем этапе развития страны, а также с учетом очень низкой раскрываемости преступлений данной направленности.

Обозначенные в данной статье меры позволят исключить возможные противоречия между органами предварительного расследования и судами, что будет способствовать уменьшению времени расследования преступлений, по которым возникает необходимость в получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, в том числе в сфере информационных технологий, имеющих особое значение на нынешнем этапе развития страны, а также с учетом очень низкой раскрываемости преступлений данной направленности.

Литература

1. **Багавиева Э.А.** Сравнительный анализ получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами и контроле и записи переговоров // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. – 2019. – Т. 29. – № 3. – С. 351–356.
2. **Архипова Н.А.** Тактика получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. – Барнаул: Барнаулский юридический институт МВД России, 2019. – 52 с.
3. Криминалистика: курс лекций / под ред. проф. А.Ф. Лубина. – Москва: ДГСК МВД России, 2019. – 600 с.
4. **Ларин Е.С.** Тактика получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. – Москва: Юрлитинформ, 2014. – 192 с.
5. **Дерюгин Р.А.** Тактические особенности производства следственного действия, предусмотренного ст. 186.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2017. – № 1. – С. 18–22.
6. **Мулеников Д.В., Соколов А.Б., Лазаренко О.Н.** Организационно-тактические особенности в деятельности следователя по получению информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами // Вестник экономической безопасности. – 2016. – № 1. – С. 173–176.
7. **Архипова Н.А., Шебалин А.В.** К вопросу об этапах получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами // Евразийский юридический журнал. – 2018. – № 12 (127). – С. 247–248.
8. **Багавиева Э.А.** Ходатайство о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. – 2019. – Т. 29. – № 6. – С. 801–805.
9. **Дерюгин Р.А.** Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами: тактика следственного действия и использование его результатов при расследовании преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2018. – 226 с.

References

1. **Bagavieva E.A.** Sravnitel'nyi analiz polucheniya informatsii o soedineniyakh mezhdubonentami i (ili) abonentskimi ustroystvami i kontrole i zapisi peregovorov // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Ekonomika i pravo. – 2019. – T. 29. – № 3. – S. 351–356.
2. **Arkhipova N.A.** Taktika polucheniya informatsii o soedineniyakh mezhdubonentami i (ili) abonentskimi ustroystvami. – Barnaul: Barnaul'skii yuridicheskii institut MVD Rossii, 2019. – 52 s.
3. Kriminalistika: kurs lektzii / pod red. prof. A.F. Lubina. – Moskva: DGSK MVD Rossii, 2019. – 600 s.
4. **Larin E.S.** Taktika polucheniya informatsii o soedineniyakh mezhdubonentami i (ili) abonentskimi ustroystvami. – Moskva: Yurilitinform, 2014. – 192 s.
5. **Deryugin R.A.** Takticheskie osobennosti proizvodstva sledstvennogo deistviya, predusmotrennogo st. 186.1 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa RF // Elektronnoe prilozhenie k Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnaluu. – 2017. – № 1. – S. 18–22.
6. **Mulnikov D.V., Sokolov A.B., Lazarenko O.N.** Organizatsionno-takticheskie osobennosti v deyatelnosti sledovatelya po polucheniyu informatsii o soedineniyakh mezhdubonentami i (ili) abonentskimi ustroystvami // Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti. – 2016. – № 1. – S. 173–176.
7. **Arkhipova N.A., Shebalin A.V.** K voprosu ob etapakh polucheniya informatsii o soedineniyakh mezhdubonentami i (ili) abonentskimi ustroystvami // Evraziiskii yuridicheskii zhurnal. – 2018. – № 12 (127). – S. 247–248.
8. **Bagavieva E.A.** Khodataistvo o poluchenii informatsii o soedineniyakh mezhdubonentami i (ili) abonentskimi ustroystvami // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Ekonomika i pravo. – 2019. – T. 29. – № 6. – S. 801–805.
9. **Deryugin R.A.** Poluchenie informatsii o soedineniyakh mezhdubonentami i (ili) abonentskimi ustroystvami: taktika sledstvennogo deistviya i ispol'zovanie ego rezul'tatov pri rassledovanii prestuplenii: dis. ... kand. yurid. nauk. – Ekaterinburg, 2018. – 226 s.

(статья сдана в редакцию 04.02.2022)

**ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ХИЩЕНИЯМ ЛОМА МЕТАЛЛА
ПРИ ЕГО ТРАНСПОРТИРОВКЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫМ
ТРАНСПОРТОМ****ANTI-THEFT OF METAL SCRAP DURING
ITS TRANSPORTATION BY RAILWAY**

УДК 343

А.Б. СВИСТИЛЬНИКОВ,

кандидат юридических наук, доцент
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
920272711@mail.ru

ALEXANDER B. SVISTILNIKOV,

Candidate of Law, Associate Professor
(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry
of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Д.В. ЧЕЛЯДИНОВ,

кандидат технических наук
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
dmit.chelyadinow2013@yandex.ru

DMITRY V. CHELYADINOV,

Candidate of Technical Sciences
(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry
of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Аннотация: статья посвящена вопросам противодействия хищениям лома черного и цветного металла, перевозимого на переплавку железнодорожным транспортом.

Кражи грузов на железнодорожном транспорте являются одним из наиболее сложных и трудно раскрываемых видов преступлений. Причиной тому служит большая площадь территории нашей страны и значительное количество перевозимых по железной дороге грузов, именно поэтому железнодорожный транспорт привлекает внимание преступников.

Для частичного разрешения изложенных проблем в этой сфере авторами было проведено исследование, по результатам которого подготовлена данная практико-ориентированная статья.

В ней подробно исследуются различные факты краж лома металла в период его транспортировки железнодорожным транспортом из г. Москвы в г. Старый Оскол. Проводится детальный анализ следования груза по всем станциям, где осуществляется его контроль и взвешивание. Рассматриваются вопросы, касающиеся технических характеристик используемых весовых устройств, а также погрешности при взвешивании вагонов в статическом и динамическом состоянии.

Исследуются криминогенные территории и перегоны, на которых совершаются кражи иного имущества из железнодорожных вагонов. На основе проведенного анализа выдвигаются возможные версии по совершаемым преступлениям и предлагаются мероприятия, направленные на предупреждение краж в этих местах.

Также в статье детально исследованы вопросы приемки грузов как представителями железнодорожного транспорта, так и представителями хозяйствующего субъекта.

Ключевые слова: полиция, лом металла, железнодорожный транспорт, преступники, кража металла, охрана.

Для цитирования: Свистильников А.Б., Челядинов Д.В. Противодействие хищениям лома металла при его транспортировке железнодорожным транспортом // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2022. № 2. С. 54–58.

Abstract: the article is devoted to the issues of the anti-theft of ferrous and non-ferrous metal scrap transported for remelting by rail (hereinafter referred to as railway transport).

Theft of goods on railway transport, as a direction of police activity, is one of the most difficult types of law enforcement activities of the internal affairs bodies. The reason for this is the large area of the territory of our country and a significant amount of goods transported by rail. That is why railway transport attracts criminals.

To partially resolve the problems outlined in this area, the authors conducted a study, based on the results of which this practice-oriented article was prepared.

It examines in detail various facts of the theft of scrap metal during its transportation from Moscow to Stary Oskol. A detailed analysis of the movement of cargo at all stations is carried out, where it is controlled and weighed. The issues concerning the technical characteristics of the used weighing devices, as well as the error in weighing cars in a static and dynamic state, are considered.

Investigated are criminogenic areas and railroad tracks where criminals steal other property from railway cars. On the basis of the analysis carried out, possible versions of the crimes committed and measures aimed at preventing thefts in these places are put forward.

Also, the article examines in detail the issues of acceptance of goods both by representatives of railway transport and by representatives of an economic entity.

Keywords: police, scrap metal, railway transport, criminals, theft of metal, security.

For citation: Svistilnikov A.B., Chelyadinov D.V. Anti-theft of metal scrap during its transportation by railway // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 2. P. 54–58.

Анализ состояния преступности в России за 2021 г. показывает, что больше половины всех зарегистрированных преступлений (55,3%) составляют хищения чужого имущества. Из них 733,1 тыс. совершены путем кражи¹. Не наступило кардинальных изменений с данным видом преступлений и в первом квартале 2022 года.

Аналогичная тенденция прослеживается в статистических сведениях по преступлениям, совершаемым на объектах транспорта и транспортной инфраструктуры. За 2021 год там совершено 12060 краж, из которых – 6309 были раскрыты, а 5123 остались нераскрытыми. Тем не менее транспортной полицией выявлено 7104 лица, совершивших данные преступления.

Особую озабоченность и тревогу вызывают кражи грузов на транспорте, которых за 2021 г. совершено 1552. Из них раскрыто 1107 преступлений, а 496 краж остались нераскрытыми. Усилиями сотрудников транспортной полиции в 2021 году выявлено и привлечено к уголовной ответственности 1149 лиц².

Предлагаемая статья подготовлена по материалам анализа уголовных дел о кражах лома металла при его транспортировке железнодорожным транспортом³, а также по оперативно-служебным материалам территориальных органов

внутренних дел⁴ и научным публикациям отдельных исследователей [2, 5; 6; 7; 8]. Основной ее целью является изложение различных аспектов деятельности сотрудников полиции, работников железнодорожного транспорта, а также лиц, совершающих кражи лома металла при его транспортировке по железной дороге [4, с. 113–117].

Известно, что по общей протяженности железных дорог Россия занимает третье место в мире, уступая США и Китаю, и второе место – по протяженности электрифицированных железных дорог. Экологичность и дешевизна перевозок железнодорожным транспортом привлекает в этой связи внимание хозяйствующих субъектов при выборе ими способов транспортировки лома черного металла.

Услугами железнодорожного транспорта пользуется и Оскольский электрометаллургический комбинат⁵, в технологическом цикле которого используется лом черных металлов, поставляемый преимущественно железнодорожным транспортом из г. Москвы. Отправителем груза чаще всего является ООО «Вторметпроект», а отгрузка осуществляется с железнодорожных станций «Перово» и «Гривно».

Лом черных металлов, как правило, перевозится в стандартных полувагонах без охраны. Исследование показало, что нормативные правовые акты ОАО «РЖД» не обязывают охранять грузы данной категории в пути следования. Прибывающие полувагоны с ломом черных металлов подаются на станцию «Металлургическая»

¹ Состояние преступности в России за январь – декабрь 2021 года / ГИАЦ МВД России. – Москва, 2022.

² Состояние преступности в России за январь – декабрь 2021 года / ГИАЦ МВД России. – Москва, 2022. С. 52.

³ Уголовные дела № 11701140027000421, 11701140027000483, возбужденные в 2017 г.; уголовное дело № 12001140027000136, возбужденное 13.02.2020, и др.

⁴ Аналитические материалы подразделения уголовного розыска отдела полиции № 1 УМВД России по г. Старому Осколу за 2017–2020 гг.

⁵ Далее – ОАО «ОЭМК».

ОАО «ОЭМК», где производится первое динамическое взвешивание вагона. Для понимания принципа действия вагонного весового оборудования, используемого для взвешивания, мы обратились к теоретическим аспектам данного вопроса и установили, что современные технологии позволяют взвешивать вагоны в динамике (т.е. взвешивание вагонов производится только в движении на скорости не более 10–15 км/ч) и в статическом состоянии (с полной остановкой вагона на весах, с расцепкой вагонов либо без таковой).

Статическое состояние обеспечивает наиболее точные показатели взвешивания, однако более прогрессивным способом считается взвешивание в движении, поскольку при достаточно высокой точности взвешивания предоставляет возможность перевозчику значительно увеличить объем взвешенного грузопотока за определенный промежуток времени⁶.

Отметим, что станция «Металлургическая» является технологической и в структуру ОАО «РЖД» не входит. По прибытии вагона на территорию ОАО «ОЭМК» производится его взвешивание на статических весах, и в случае обнаружения недостачи лома металла заявление представителя ООО «Вторметпроект» направляется в отдел полиции № 1 УМВД России по г. Старому Осколу, регистрируется в установленном порядке, и если факт кражи подтверждается, возбуждается уголовное дело. Раскрытие данных видов преступлений представляет значительную сложность, о чем в своих публикациях не раз писали исследователи и сотрудники транспортной полиции [2, с. 91–93; 5, с. 89–92].

Анализ материалов уголовных дел и результатов проведения оперативно-розыскных мероприятий позволил сотрудникам полиции сделать предположение о том, что кражи металла могли совершаться в пути следования грузовых поездов, а также при длительных стоянках подвижного состава на станциях либо маневровых работах.

В этой связи на первоначальном этапе были выдвинуты две версии:

- кража лома металла могла быть совершена при погрузке на железнодорожных станциях «Перово» или «Гривно», находящихся в г. Москве;
- кража лома металла могла быть совершена на остановках или в пути следования из г. Москвы в г. Старый Оскол.

Созданная следственно-оперативная группа приступила к их отработке. Было установлено, что станциями отправления являются «Перово» и «Гривно». Поезда следуют по Московской и

Юго-Восточной железной дороге, имея длительные стоянки на станциях «Рыбное», «Кочетовка», «Улусарка».

Обследование участка отгрузки лома ООО «Вторметпроект» «Перово», проведенное сотрудниками полиции, показало, что территория станции не огорожена, взвешивание отправляемого с грузом полувагона проводится на одноименной железнодорожной станции с использованием весов марки ВТВ-Д с погрешностью в 1% от общей массы полувагона, причем взвешивание производится не в статике, а в динамике при движении вагона с маневровым тепловозом. Таким образом, погрешность взвешивания массы вагона от номенклатурной может составлять от 700–800 кг до 1500–2000 кг, т.е. данные по массе лома, отгружаемого с производственного участка «Перово», можно считать условно необъективными. Кроме того, в документах указывается не фактическая масса пустого вагона, а заявленная производителем либо организацией, проводившей его капитальный ремонт. Реальный вес зачастую не соответствует этим цифрам, поскольку происходит естественная коррозия его рамы, корпуса, изнашиваются (стираются об рельсы) колесные пары и т.д.

На станции «Гривно» ситуация диаметрально противоположная. Взвешивание вагонов осуществляется в статике и без груза. В документах указывается его фактическая масса. Территория станции огорожена по периметру, и хищение металла исключается. Полученные данные исключили первую версию о том, что кража могла произойти на станциях отправления, однако реальный вес отгружаемого металла не всегда мог быть объективен.

Далее сотрудники полиции приступили к проверке версии о том, что кражи могли быть совершены в пути следования вагонов.

Обследование станции «Рыбное» показало, что вагоны с грузом могут прибывать и по альтернативному перегону «Бекасово» – «Рыбное», на котором имеются системы АСКО-ПВ (автоматизированная система коммерческого осмотра поездов и вагонов) и РТВ-Д (рельсово-транспортное взвешивание динамическое), которые позволяют осуществлять фотографирование в трех проекциях и получать информацию о весе проходящего вагона. Погрешность взвешивания системы РТВ-Д зависит от скорости движения проходящих через весы вагонов. В диапазоне от 20 до 40 км/ч погрешность составит 2%, а при скорости от 40 до 60 км/ч уже 5%. При общей массе загруженного стандартного полувагона около 70 тонн погрешность взвешивания может колебаться от 1400 до 3500 кг.

⁶ Вагонные весы для взвешивания в движении [Электронный ресурс]. – URL: <https://kilogramus.ru/vzveshivanie-v-promyshlennosti/vagonnye-vesy-dlya-vzveshivaniya-v-dvizhenii.html>

Проверка версии о возможности хищения металла на станции «Рыбное», в силу объективных причин, не нашла своего подтверждения.

Дальнейшая проверка станций «Кочетовка» (г. Мичуринск Тамбовской области), «Улусарка» (с. Улусарка Задонского района Липецкой области) и др., находящаяся на маршруте транспортировки лома металла железнодорожным транспортом, позволила выявить причины и условия, способствующие совершению вышеизложенных преступлений, а также разработать некоторые аспекты, направленные на их предупреждение.

1. Основными причинами совершения данных преступлений являются:

– экономические причины: низкая заработная плата у работников либо отсутствие рабочих мест для трудоустройства мужчин по их специальностям в отдельных населенных пунктах по пути следования вагонов⁷;

– отсутствие желания переучиваться (у отдельных граждан) либо вообще трудиться и зарабатывать средства для жизни законным способом;

– негативное влияние криминальной среды, пропагандирующей криминальную субкультуру и возможность безбедного существования на средства, добытые преступным путем.

2. Основными условиями совершения видов краж являются:

– отсутствие охраны груза в пути его следования, а также во время стоянки вагонов на отдельных станциях;

– отказ от установки защитной металлической сетки, закрывающей сверху транспортируемый в открытом полувагоне груз (хозяйствующие субъекты экономят на этом денежные средства);

– неправильная укладка лома металла в полувагоне (зачастую сверху лежат крупногабаритные фрагменты лома весом 50–100 килограмм. Такие фрагменты более привлекательны для хищения);

– отсутствие на отдельных станциях рельсовых весов для взвешивания вагонов и оборудования для их круглосуточной фотосъемки в трех проекциях;

– нежелание хозяйствующих субъектов приобретать оборудование для пресовки металла в более крупные (неподъемные без использования кранового оборудования) фракции;

– наличие удобных подъездов к железнодорожному пути, а также лесополос либо лесно-

го массива, позволяющих скрывать тайники из сброшенного с проходящих вагонов металла;

– значительные искривления железнодорожного пути (на отдельных участках дороги, например, на подъездах к станции «Роговое»), из-за чего грузовые поезда вынужденно снижают скорость до 15–20 км/ч. Это позволяет преступникам проникать в движущийся состав и разъединять воздушную тормозную магистраль. Данные действия влекут принудительную остановку поезда, а преступники в это время сбрасывают с вагона лом металла;

– наличие у преступников информации о номенклатуре и времени перевозимых грузов (в преступных схемах по хищению лома черного металла зачастую задействованы дежурные по станциям, составители поездов, осмотрщики вагонов и т.п.).

В завершение нашей статьи отметим, что для предупреждения краж перевозимого железнодорожным транспортом лома черного металла необходимо решить следующие вопросы:

– осуществлять укладку мелкофракционно-го лома в верхней части полувагона либо осуществлять прессование мелкогабаритного груза в крупногабаритные фракции весом более одной тонны;

– обеспечить использование металлической сетки для закрытия в полувагоне перевозимого лома металла с закреплением ее на груз электросваркой;

– обратиться к хозяйствующим субъектам с ходатайством об установке на железнодорожных станциях оборудования, позволяющего осуществлять в круглосуточном режиме фото- или видеофиксацию (в трех проекциях) проходящих вагонов, а на отдельных станциях, где ведутся погрузочно-разгрузочные работы, – рельсовых весов для взвешивания вагонов;

– совместно с ОАО «РЖД» и иными заинтересованными хозяйствующими субъектами рассмотреть вопрос об ограждении по периметру территории железнодорожных станций;

– с целью исключения возможности информирования преступников о номенклатуре и времени перевозимых грузов силами оперативных подразделений транспортной и территориальной полиции обеспечить оперативным прикрытием объекты транспортной инфраструктуры и прилегающие к ним населенные пункты.

Представляется, что изложенные в статье рекомендации будут востребованы в правоохранительной деятельности оперативных подразделений транспортной и территориальной полиции и позволят снизить уровень и динамику рассматриваемых преступлений.

⁷ Аналитические материалы дел оперативного учета по нераскрытым кражам отдела полиции № 1 УМВД России по г. Старому Осколу за 2017–2020 гг.

Литература

1. **Родичев М.Л.** Проект Европола «Carin»: новые возможности получения оперативной информации из-за рубежа // Актуальные проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: сборник материалов. – Санкт-Петербург, 2019. С. 242–245.
2. **Деревянко К.И.** Специфика краж на железнодорожном транспорте (на примере Кузбасского УВДТ) // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 355. – С. 91–93.
3. **Горбатов А.С.** Вопросы совершенствования законодательства об ответственности за хищение черных и цветных металлов // Инновационная наука: прошлое, настоящее, будущее: сборник статей Международной научно-практической конференции. – Уфа, 2016. С. 41–43.
4. **Свистильников А.Б., Дьяков Н.В.** Первоначальный этап раскрытия краж грузов как алгоритм деятельности транспортной полиции по обеспечению сохранности и безопасности грузов, перевозимых железнодорожным транспортом // Вестник НЦ БЖД. – 2018. – № 2 (36). – С. 113–117.
5. **Михуля И.В.** Предмет современной железнодорожной кражи // Закон и право. – 2009. – № 4. – С. 89–92.
6. Предупреждение хищений цветных и редкоземельных металлов: учебное пособие / В.Д. Ларичев [и др.]. – Москва, 2007. – 143 с.
7. **Сапожников Г.А.** Предупреждение краж черных и цветных металлов органами внутренних дел // Российский следователь. – 2007. – № 22. – С. 23–25.
8. **Сапожников Г.А.** Проблемы совершенствования уголовного законодательства об ответственности за кражи черных и цветных металлов // Российский следователь. – 2009. – № 10. – С. 10–12.

References

1. **Rodichev M.L.** Proekt Evropola "Carin": novye vozmozhnosti polucheniya operativnoi informatsii iz-za rubezha // Aktual'nye problemy teorii i praktiki operativno-rozysknoi deyatelnosti: sbornik materialov. – Sankt-Peterburg, 2019. S. 242–245.
2. **Derevyanko K.I.** Spetsifika krazh na zheleznodorozhnom transporte (na primere Kuzbasskogo UVDT) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2012. – № 355. – S. 91–93.
3. **Gorbatov A.S.** Voprosy sovershenstvovaniya zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za khishchenie chernykh i tsvetnykh metallov // Innovatsionnaya nauka: proshloe, nastoyashchee, budushchee: sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. – Ufa, 2016. S. 41–43.
4. **Svistil'nikov A.B., D'yakov N.V.** Pervonachal'nyi etap raskrytiya krazh грузов как алгоритм deyatelnosti transportnoi politsii po obespecheniyu sokhrannosti i bezopasnosti грузов, perevozimykh zheleznodorozhnyim transportom // Vestnik NTs BZhD. – 2018. – № 2 (36). – S. 113–117.
5. **Mikhulya I.V.** Predmet sovremennoi zheleznodorozhnoi krazhi // Zakon i pravo. – 2009. – № 4. – S. 89–92.
6. Preduprezhdenie khishchenii tsvetnykh i redkozemel'nykh metallov: uchebnoe posobie / V.D. Larichev [i dr.]. – Moskva, 2007. – 143 s.
7. **Sapozhnikov G.A.** Preduprezhdenie krazh chernykh i tsvetnykh metallov organami vnutrennikh del // Rossiiskii sledovatel'. – 2007. – № 22. – S. 23–25.
8. **Sapozhnikov G.A.** Problemy sovershenstvovaniya ugolovnogo zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za krazhi chernykh i tsvetnykh metallov // Rossiiskii sledovatel'. – 2009. – № 10. – S. 10–12.

(статья сдана в редакцию 11.02.2022)

**ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДИКИ
ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ РУКОПИСЕЙ НА
МУЖСКИЕ И ЖЕНСКИЕ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ
СОВРЕМЕННЫХ ПОЧЕРКОВ**

**PROBLEMS OF APPLICATION OF THE METHODOLOGY OF
DIFFERENTIATION OF MANUSCRIPTS INTO MALE AND
FEMALE IN THE STUDY OF MODERN HANDWRITING**

УДК 343.98

К.А. НОВАКОВА,
кандидат юридических наук
(Волгоградская академия МВД России,
Россия, Волгоград)
ksenya_novakova@mail.ru

KSENIA A. NOVAKOVA,
Candidate of Law
(Volograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Russia, Volgograd)

Аннотация: статья посвящена совершенствованию теоретических и методических основ классификационно-диагностической судебно-почерковедческой экспертизы. Она отражает результаты экспериментального исследования, основной целью которого являлась оценка надежности методики дифференциации рукописей на мужские и женские при исследовании рукописных текстов, выполненных лицами разных возрастных категорий.

В работе содержится информация о количестве неверных выводов, полученных в процессе использования указанной методики в зависимости от возрастной категории пишущих, обращено внимание на факт установления тенденции к уменьшению надежности рассматриваемой методики в отношении почерков лиц среднего и молодого возраста. В этой связи произведен анализ частоты встречаемости информативных признаков в почерках лиц разного возраста, показавший, что более половины из них снизили либо полностью утратили свою дифференцирующую способность. В статье рассмотрены основные факторы, способствующие изменению дифференциальной значимости информативных признаков, к которым относятся следующие: изменение методики обучения письму; значительное снижение письменной практики; компьютеризация, повлекшая упрощение письменных знаков в результате приспособления к более быстрому темпу письма и снижения критериев читаемости к написанному; эволюция пишущих приборов и иных материалов письма; изменение норм прописей и пр.

Ключевые слова: классификационные задачи, дифференциация рукописей на мужские и женские.

Для цитирования: Новакова К.А. Проблемы применения методики дифференциации рукописей на мужские и женские при исследовании современных почерков // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2022. № 2. С. 59–65.

Abstract: this article is devoted to improving the theoretical and methodological foundations of classification and diagnostic forensic handwriting examination. It reflects the results of an experimental study, the main purpose of which was to assess the reliability of the methodology for differentiating manuscripts into male and female when studying handwritten texts made by persons of different age categories.

The paper contains information about the number of incorrect conclusions obtained in the process of using this technique, depending on the age category of writers, attention is drawn to the fact that there is a tendency to decrease the reliability of the technique in question with respect to the handwriting of middle-aged and young people. In this regard, an analysis of the frequency of occurrence of informative signs in the handwriting of people of different ages was carried out, which showed that more than half of them have reduced or completely lost their differentiating ability. The article considers the main factors contributing to the change in the differential significance of informative signs, which include the following: a change in the methodology of teaching writing; a significant decrease in writing practice; computerization, which led to the simplification of written signs as a result of adapting to a faster pace of writing and reducing the criteria for readability to what is written; the evolution of writing instruments and other writing materials; changes in the norms of prescriptions, etc.

Keywords: classification tasks, differentiation of manuscripts into male and female.

For citation: Novakova K.A. Problems of application of the methodology of differentiation of manuscripts into male and female in the study of modern handwriting // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 2. P. 59–65.

В настоящее время для решения классификационных задач судебного почерковедения [1; 2] при исследовании текстов большого и среднего объема, выполненных высоковыработанным почерком, используется Методика дифференциации рукописей на мужские и женские, разработанная П.Г. Кулагиным и А.И. Колонутовой в 1967 году [3; 4; 5; 6]. При этом в процессе ее применения достаточно часто возникают ситуации, когда выводы экспертов итогами исследования не подтверждаются.

Для проверки надежности указанной методики в отношении современных почерков нами проведено экспериментальное исследование, в ходе которого просчитана частота встречаемости информативных признаков в рукописях 200 лиц с учетом возрастной и половой принадлежности пишущих.

В целях обеспечения репрезентативности экспериментального массива в ходе отбора участников эксперимента учитывались их половая и возрастная категория, при этом количество мужчин и женщин, задействованных в эксперименте, было равным, социальный и профессиональный статус разнообразен. В целях изучения надежности методики в отношении почерков лиц, обучавшихся письму по современным стандартам, при определении возрастных границ все испытуемые поделены на 3 группы:

- 1) от 18 до 27 лет;
- 2) от 28 до 55 лет;
- 3) старше 55 лет.

Таким образом, было получено 200 образцов рукописей необходимого объема на русском языке, выполненных высоковыработанным почерком в обычных условиях, дифференцированных по половому и возрастному фактору.

Результаты проведенной экспериментальной работы показали, что в целом надежность методики, при условии строгого соблюдения условий ее применения, составляет 79%. При этом она имеет различные показатели в зависимости от следующих факторов:

- пола исполнителя рукописи (для женских почерков – значительно ниже);
- возраста исполнителя рукописи (чем ниже возраст исполнителя, тем больший процент неверных выводов).

Так, при исследовании мужских рукописей верные выводы составили 84%, женских – 74%, что существенно ниже заявленной авторами методики вероятности выводов – 90% (см. рис. 1).

При этом процент ошибок у респондентов мужчин в зависимости от возрастной категории составляет: от 18 до 27 лет – 16%; от 28 до 55 лет – 12%. У респондентов женщин в возрасте от 18 до 27 лет – 28%; от 28 до 55 лет – 23%; от 55 лет и старше – 20%.

В целях определения причин снижения надежности проверяемой методики проведена оценка и анализ частоты проявления каждого из ее информативных признаков в рукописях лиц обоих полов с учетом возрастной категории пишущего.

Признак № 1. Отсутствие красной строки – коэффициент статистической вероятности 1,57.

У мужчин в возрасте от 18 до 27 лет данный признак встретился 10 раз из 75 (15%), в возрастной категории от 28 до 55 лет – 3 раза из 25 (12%). У женщин в возрасте от 18 до 27 лет признак встретился 14 раз из 50 (28%), в возрастной категории от 28 до 55 лет – 13 раз из 30 (44%), в возрастной категории от 55 лет и старше – 5 раз из 20 (25%).

Данный признак проявился в 13% мужских рукописей и в 32% женских. Таким образом, признак изменил свою диагностическую значимость, из условно мужского трансформировавшись в условно женский.

Признак № 2. Неравномерный размер надстрочных элементов – коэффициент статистической вероятности 1,31.

У мужчин в возрасте от 18 до 27 лет встретился 26 раз из 75 (35%), при этом в возрастной категории от 28 до 55 лет – 15 раз из 25 (60%). У женщин в возрасте от 18 до 27 лет данный признак встретился 12 раз из 50 (24%), в возрастной категории от 28 до 55 лет – 3 раза из 30 (10%), в возрастной категории от 55 и старше – 5 раз из 20 (25%).

Таким образом, признак проявился у 41% респондентов мужчин и у 20% женщин, что в целом соответствует методике.

Признак № 3. Малый размер надстрочных элементов – коэффициент статистической вероятности 0,55.

У мужчин в возрасте от 18 до 27 лет встретился 8 раз из 75 (11%), в возрастной категории от 28 до 55 лет данный признак не встретился. У женщин в возрасте от 18 до 27 лет встретился 8 раз из 50 (16%), в возрастной категории от 28 до 55 лет – 11 раз из 30 (37%), в возрастной категории от 55 и старше – 5 раз из 20 (25%).

Данный признак встретился у 8% респондентов мужчин и у 24% женщин. Таким образом, можно сделать вывод о том, что результат его проявления соответствует требованиям методики.

Рисунок 1. Процентное соотношение верных и неверных выводов при исследовании рукописей, выполненных мужчинами и женщинами

Следует отметить, что при изучении признаков № 2, 3 имело место неоднозначное определение границ надстрочного элемента в букве «в». В данном случае правильнее вести речь о размере надстрочной части первого элемента, измерение которой при отсутствии специального трафарета должно проводиться без учета наклона.

Признак № 4. Средний размер подстрочных элементов – коэффициент статистической вероятности 0,57.

У мужчин в возрасте от 18 до 27 лет данный признак встретился 16 раз из 75 (22%), в возрастной категории от 28 до 55 лет – 5 раз из 25 (20%). У женщин в возрасте от 18 до 27 лет встретился 33 раза из 50 (66%), в возрастной категории от 28 до 55 лет – 21 раз из 30 (70%), в возрастной категории от 55 и старше – 15 раз из 20 (20%).

Таким образом, рассматриваемый признак проявился у 21% респондентов мужчин и у 69% женщин. Можно сделать вывод, что частота его встречаемости в почерках как мужчин, так и женщин высокая, при этом результаты проявления соответствуют заявленным в методике.

Признак № 5. Неустойчивое расположение точки начала движения при выполнении букв «а», «д» – коэффициент статистической вероятности 0,67.

У мужчин в возрасте от 18 до 27 лет данный признак встретился 9 раз из 75 (12%), в возрастной категории от 28 до 55 лет – 1 раз из 25 (4%). У женщин в возрасте от 18 до 27 лет изучаемый признак встретился 18 раз из 50 (36%), в возрастной категории от 28 до 55 лет – 18 раз из 30 (60%), в возрастной категории от 55 лет и старше – 12 раз из 20 (60%).

Таким образом, признак встретился в 10% мужских рукописей и в 48% женских, что дает основа-

ние для вывода о том, что результаты его проявления соответствуют требованиям методики.

Признак № 6. Расположение точки начала движений при выполнении букв «а», «д» слева – коэффициент статистической вероятности 2,43.

У мужчин в возрасте от 18 до 27 лет признак встретился 48 раз из 75 (64%), в возрастной категории от 28 до 55 лет – 18 раз из 25 (72%). У женщин в возрасте от 18 до 27 лет встретился 27 раз из 50 (54%), в возрастной категории от 28 до 55 лет – 9 раз из 30 (30%), в возрастной категории от 55 и старше – 6 раз из 20 (30%).

Данный признак проявился в 68% мужских рукописей и в 42% женских. Несмотря на то, что данный признак встречается в современных почерках мужчин и женщин достаточно часто, наблюдается тенденция к некоторому снижению дифференцирующей способности.

При определении признаков № 5, 6 эксперты испытывали затруднение в определении положения условной точки начала при слитном соединении буквы «а» с предшествующей буквой, а иногда – точки начала при интервальном ее соединении. Ключевым в понимании левого положения описанной в данных признаках точки (условной точки) является не только ее левостороннее размещение, но и наличие смены направления движений при выполнении начальной части овала (если есть соединение с предшествующей буквой) и повторения движения в овале либо левостороннего размещения точки его окончания.

С этой точки зрения к буквам с левым началом можно отнести следующие знаки:

К буквам с правым началом:

Признак № 7. Неравномерный размер надстрочного элемента буквы «й» – коэффициент статистической вероятности 1,58.

У мужчин в возрасте от 18 до 27 лет встретился 23 раза из 75 (31%). В возрастной категории от 28 до 55 лет – 5 раз из 25 (20%). У женщин в возрасте от 18 до 27 лет данный признак встретился 11 раз из 50 (22%), в возрастной категории от 28 до 55 лет – 4 раза из 30 (14%), в возрастной категории от 55 лет и старше – 4 раза из 20 (20%).

Таким образом, рассматриваемый признак проявился у 28% респондентов мужчин и у 19% респондентов женщин. Несмотря на то, что он встречается в современных почерках мужчин и женщин достаточно часто, наблюдается тенденция к снижению его дифференцирующей способности.

Признак № 8. Средний размер надстрочного элемента буквы «й» – коэффициент статистической вероятности 0,63.

У мужчин в возрасте от 18 до 27 лет данный признак был зафиксирован в 25 рукописях из 75 (34%), в возрастной категории от 28 до 55 лет не встретился. У женщин в возрасте от 18 до 27 лет проявился 26 раз из 50 (52%), в возрастной категории от 28 до 55 лет – 8 раз из 30 (27%), в возрастной категории от 55 лет и старше – 11 раз из 20 (55%).

Таким образом, указанный признак проявился в 25% мужских рукописей и в 43% женских, но, несмотря на то, что он достаточно часто встречается в современных почерках мужчин и женщин, по нашему мнению, наблюдается тенденция к снижению его дифференцирующей способности.

Признак № 9. Неустойчивая конфигурация надстрочного элемента буквы «й» – коэффициент статистической вероятности 1,35.

У мужчин в возрасте от 18 до 27 лет встретился 19 раз из 75 (26%), в возрастной категории от 28 до 55 лет – 12 раз из 25 (48%). У женщин в возрасте от 18 до 27 лет данный признак встретился 10 раз из 50 (20%), в возрастной категории от 28 до 55 лет – 13 раз из 30 (44%), в возрастной категории от 55 лет и старше – 10 раз из 20 (50%).

Неустойчивая конфигурация надстрочного элемента буквы «й» проявилась в 31% мужских рукописей и в 33% женских, что свидетельствует о полной утрате рассматриваемым признаком диагностической способности.

Признак № 10. Левоокружное направление движения при выполнении надстрочного

элемента буквы «й» – коэффициент статистической вероятности 0,35.

У мужчин в возрасте от 18 до 27 лет признак не встретился. В возрастной категории от 28 до 55 лет данный признак проявился 1 раз из 25 (4%). У женщин в возрасте от 18 до 27 лет – 22 раза из 50 (44%), в возрастной категории от 28 до 55 лет – 11 раз из 30 (37%), в возрастной категории от 55 лет и старше – 7 раз из 20 (35%).

Данный признак проявился в 1% исследуемых мужских рукописей и в 40% женских. Можно сделать вывод о том, что признак практически отсутствует в почерках респондентов мужчин, имеет высокую частоту встречаемости у респондентов женщин, что дает основание для вывода о том, что результаты его проявления соответствуют требованиям методики.

Ошибки в определении данного признака в основном связаны с невнимательным изучением условий его определения, при которых левоокружное направление движений должна обязательно сопровождать выпуклая конфигурация надстрочного элемента. Интервальное соединение элементов в некоторых случаях не позволяет точно определить направление движений. В подобной ситуации признак не должен использоваться в качестве информативного.

Признак № 11. Овальная (петлевая) конфигурация подстрочных элементов букв «д», «у» – коэффициент статистической вероятности 0,68.

У мужчин в возрасте от 18 до 27 лет данный признак встретился 34 раза из 75 (46%), в возрастной категории от 28 до 55 лет – 13 раз из 25 (52%). У женщин в возрасте от 18 до 27 лет признак зафиксирован 33 раза из 50 (66%), в возрастной категории от 28 до 55 лет – 23 раза из 30 (77%), в возрастной категории от 55 лет и старше – 17 раз из 20 (85%).

Рассматриваемый признак проявился у 47% респондентов мужчин и у 72% женщин. Таким образом, он часто встречается как в женских, так и в мужских рукописях, результаты его проявления соответствуют указанным в методике.

Признак № 12. Неустойчивая конфигурация подстрочных элементов букв «д», «у» – коэффициент статистической вероятности 1,36.

У мужчин в возрасте от 18 до 27 лет указанный признак встретился 15 раз из 75 (20%). В возрастной категории от 28 до 55 лет – 5 раз из 25 (20%). У женщин в возрасте от 18 до 27 лет – 7 раз из 50 (14%), в возрастной категории от 28 до 55 лет – 3 раза из 30 (10%), в возрастной категории от 55 лет и старше – 3 раза из 20 (15%).

Таким образом, признак встретился у 20% респондентов мужчин и у 13% женщин, что свидетельствует о явной тенденции к снижению его дифференцирующей способности.

Признак № 13. Отсутствие надстрочной части первого элемента буквы «р» – коэффициент статистической вероятности 1,96.

У мужчин в возрасте от 18 до 27 лет данный признак встретился 31 раз из 75 (42%). В возрастной категории от 28 до 55 лет – 4 раза из 25 (16%). У женщин в возрасте от 18 до 27 лет – 3 раза из 50 (6%), в возрастной категории от 28 до 55 лет – 4 раза из 30 (14%), в возрастной категории от 55 и старше – 1 раз из 20 (5%).

Таким образом, рассматриваемый признак проявился в 35% мужских рукописей и в 8% женских, вследствие чего можно сделать вывод о том, что результат распределения частоты его встречаемости соответствует заявленному в методике значениям.

Признак № 14. Наличие надстрочной части первого элемента буквы «р» – коэффициент статистической вероятности 0,56.

У мужчин в возрасте от 18 до 27 лет указанный признак встретился 29 раз из 75 (39%), в возрастной категории от 28 до 55 лет – 16 раз из 25 (64%). У женщин в возрасте от 18 до 27 лет признак проявился 31 раз из 50 (62%), в возрастной категории от 28 до 55 лет – 11 раз из 30 (37%), в возрастной категории от 55 и старше – 9 раз из 20 (45%).

Таким образом, в мужских рукописях наличие надстрочной части первого элемента буквы «р» наблюдалось в 45% случаев, в женских в 51%. Вследствие того, что данный признак встречается в рукописях мужчин и женщин практически в одинаковом объеме, можно сделать вывод о том, что он утратил свою дифференцирующую способность.

Признак № 15. Неустойчивый размер первого элемента буквы «р» – коэффициент статистической вероятности 0,68.

У мужчин в возрасте от 18 до 27 лет рассматриваемый признак встретился 7 раз из 75 (10%), в возрастной категории от 28 до 55 лет – не встретился. У женщин в возрасте от 18 до 27 лет неустойчивый размер первого элемента буквы «р» встретился 17 раз из 50 (34%), в возрастной категории от 28 до 55 лет – 16 раз из 30 (54%), в возрастной категории от 55 лет и старше – 10 раз из 20 (5%).

Таким образом, данный признак встретился у 7% респондентов мужчин и у 43% женщин. Вследствие чего можно сделать вывод, что результаты его проявления соответствуют указанным в методике.

Признак № 16. Правоокружное направление движения при выполнении буквы «р» – коэффициент статистической вероятности 1,87.

У мужчин в возрасте от 18 до 27 лет встретился 26 раз из 75 (35%), в возрастной категории от 28

до 55 лет – 10 раз из 25 (40%). У женщин в возрасте от 18 до 27 лет данный признак проявился 6 раз из 50 (12%), в возрастной категории от 28 до 55 лет – 2 раза из 30 (7%), в возрастной категории от 55 лет и старше признак не встретился.

Таким образом, указанный признак зафиксирован в рукописях у 36% мужчин, а также в 8% рукописей женщин, вследствие чего можно сделать вывод о том, что результат его проявления соответствует заявленному в методике.

Признак № 17. Дугообразные начальные штрихи в буквах «п», «т» – коэффициент статистической вероятности 0,57.

У мужчин в выделенных возрастных категориях не проявился у 100% респондентов. У женщин в возрасте от 18 до 27 лет данный признак встретился 2 раза из 50 (4%), в возрастной категории от 28 до 55 лет – 1 раз из 30 (3%), в возрастной категории от 55 и старше – 1 раз из 20 (5%). В женских рукописях выявлен всего у 4% респондентов, что свидетельствует о его малой частоте встречаемости и, как следствие, утрате своей актуальности.

Признак № 18. Отсутствие начальных штрихов в буквах «к», «н» – коэффициент статистической вероятности 0,82.

У мужчин в возрасте от 18 до 27 лет данный признак встретился 73 раза из 75 (98%), в возрастной категории от 28 до 55 лет – 23 раза из 25 (92%). У женщин в возрасте от 18 до 27 лет – 43 раза из 50 (86%), в возрастной категории от 28 до 55 лет – 29 раз из 30 (97%), в возрастной категории от 55 лет и старше – 17 раз из 20 (85%).

Таким образом, рассматриваемый признак проявился в 96% мужских рукописей и в 89% женских, что свидетельствует об утрате им диагностической способности.

Признак № 19. Дугообразные начальные штрихи в буквах «и», «ш», «у» – коэффициент статистической вероятности 0,43.

У мужчин не встретился ни в одной возрастной категории. У женщин в возрасте от 18 до 27 лет данный признак встретился 11 раз из 50 (22%), в возрастной категории от 28 до 55 лет – 2 раза из 30 (7%), в возрастной категории от 55 лет и старше – 3 раза из 20 (15%).

Таким образом, дугообразные начальные штрихи в буквах «и», «ш», «у» в мужских рукописях не проявились, а в женских встретились лишь в 16% рукописей, что свидетельствует о тенденции к снижению его частоты встречаемости.

Признак № 20. Отсутствие начальных штрихов в буквах «и», «ш», «у», «ц», «щ» – коэффициент статистической вероятности 1,42.

У мужчин в возрасте от 18 до 27 лет данный признак встретился 75 раз из 75 (100%), в возрастной категории от 28 до 55 лет – 25 раз из 25 (100%). У женщин в возрасте от 18 до 27 лет –

37 раз из 50 (74%), в возрастной категории от 28 до 55 лет – 28 раз из 30 (94%), в возрастной категории от 55 и старше – 17 раз из 20 (85%).

Рассматриваемый признак проявился в 100% мужских рукописей и в 82% женских, в результате чего можно сделать вывод о его высокой частоте встречаемости в почерках как мужчин, так и женщин, что свидетельствует о тенденции к существенному снижению его дифференцирующей способности.

Признак № 21. Наличие буквы «д» с надстрочным элементом – коэффициент статистической вероятности 1,94.

У мужчин в возрасте от 18 до 27 лет данный признак встретился 3 раза из 75 (4%). В возрастной категории от 28 до 55 лет – 1 раз из 25 (4%). У женщин в возрасте от 18 до 27 лет – 2 раза из 50 (4%), в остальных возрастных категориях не проявился.

Таким образом, буква «д» с надстрочным элементом встретились у 4% респондентов мужчин и у 2% женщин. Вследствие чего можно сделать вывод о том, что наблюдается тенденция к снижению как его дифференцирующей способности, так и частоты встречаемости.

Результаты проведенного исследования показали, что семь информативных признаков полностью утратили дифференцирующую способность (№ 1, 9, 14, 17, 18, 20, 21), два из них практически не встречаются в современных почерках; четыре признака проявили тенденцию к значительному снижению своей дифференцирующей способности (№ 6, 7, 8, 12). Из 21 информативного признака в указанной методике в полной мере сохранили дифференцирующую способность лишь 10 информативных признаков (№ 2, 3, 4, 5, 10, 11, 13, 15, 16, 19), что составляет 48% от их общего числа.

Причинами утраты и снижения дифференцирующей способности информативных признаков в современных почерках, на наш взгляд, являются:

1) изменение норм прописей, которые в течение последних ста лет претерпевали определенную трансформацию. Поскольку рассматриваемая нами методика разрабатывалась более полувека назад, её основу составили почерки лиц, получивших начальное образование в первой половине двадцатого века. При этом нормы прописи, начиная с 1909 года и заканчивая последними изменениями в 1990 году, претерпевали определенную трансформацию, в том числе выразившуюся в утрате дуговой формы начальной части первых элементов прописных букв, замене строчной буквы «д» с надстрочным элементом на конструкцию с подстрочным элементом. Указанные преобразования во многом

обусловили существенное снижение частоты встречаемости признаков № 17 и 21;

2) изменение методики обучения письму, значительное снижение письменной практики, упрощение письменных знаков в результате приспособления к более быстрому темпу письма и снижения критериев читаемости к написанному вследствие всеобщей компьютеризации, эволюция пишущих приборов и иных материалов письма и пр. [7].

Для оценки влияния субъективного фактора на результаты использования методики нами был проведен эксперимент, в котором приняла участие сотрудники экспертно-криминалистических подразделений и слушатели пятого курса Волгоградской академии МВД России, успешно сдавшие экзамен по дисциплине «Почерковедение и почерковедческая экспертиза». В ходе эксперимента указанными лицами с помощью методики дифференциации пола исполнителя рукописи исследовались 40 рукописных текстов различного объема и степени выработанности с заведомо неизвестным результатом. По итогам проведенных исследований нами был выявлен ряд ошибок в применении указанной методики как объективного, так и субъективного характера.

В качестве объективных можно выделить неполное или неточное описание в методике условий выделения признаков, что приводит к различному их трактованию. Наибольшее количество противоречий наблюдалось при изучении признаков, связанных с наличием/отсутствием начальных дуговых штрихов (от малого до большого размера) и необходимостью их четкой дифференциации с рефлекторными начальными штрихами, которые в соответствии с методикой не должны учитываться. Не всегда дифференцировались экспертами правое либо левое начало букв «а» и «д» при их нестандартном упрощенном выполнении. Участники исследования испытывали сложности при измерении размера надстрочных и подстрочных элементов (с учетом или без учета наклона). Также отсутствует определенность при изучении размера надстрочного элемента буквы «в» при низкой точке пересечения петли либо упрощенном (дуговом) строчном элементе.

В качестве субъективных ошибок следует отметить: незнание требований, предъявляемых к объектам исследования (объем исследуемого текста; степень выработанности почерка; проверка, одним ли лицом выполнен текст исследуемой рукописи); неверное определение наличия или отсутствия признака в рукописи, связанное с неправильным пониманием рекомендаций по особенностям изучения отдельных признаков. Результаты экспериментальной работы по применению методики на средневыработанных почерках, которые в настоящее время встреча-

ются все чаще, показали, что требование к степени выработанности, установленное авторами методики, должно обязательно учитываться экспертами перед началом исследования объекта. В ином случае методика дает большой процент ошибки, увеличивая количество выводов о выполнении рукописей мужчинами.

В результате проведенной работы мы пришли к следующим выводам: процент верных решений по указанной методике ниже заявленного разработчиками. При этом наблюдается тенденция к еще более значительному снижению ее надежности, подтверждаемая результатами экспериментального исследования, которое показало, что количество неверных решений возрастает в группах почерков представителей обоих полов с уменьшением их возраста.

Следует отметить, что корректировка признаков, которые утратили свою дифференцирующую способность или проявили тенденцию к ее снижению, невозможна ввиду того, что при

создании методики её математический аппарат включал конкретный объем признаков с их определенной частотой встречаемости. При необходимости разработки более достоверных методик для решения классификационных задач судебно-почерковедческой экспертизы их придется создавать с нуля, выискивая новые информативные признаки, просчитывая их частоту встречаемости в почерках лиц обоих полов и, соответственно, математическим путем определяя их дифференцирующую способность и решающее правило.

По нашему мнению, дальнейшее развитие классификационно-диагностического направления судебно-почерковедческой экспертизы видится в проверке эффективности и надежности существующих методик применительно к современным почеркам, тщательном исследовании типологического своеобразия почерка как основного криминалистического свойства, составляющего базис для подобных исследований.

Литература

1. **Орлова В.Ф.** Судебно-почерковедческая диагностика: учебное пособие. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2006. – 160 с.
2. **Бобовкин М.В., Соловьева Н.А.** О систематизации диагностических задач судебно-почерковедческой экспертизы // Судебная экспертиза. – 2013. – № 3 (35). – С. 26–31.
3. **Кулагин П.Г., Колонутова А.И.** Экспертная методика дифференциации рукописей на мужские и женские: пособие для экспертов-криминалистов. – Москва, 1970. – 60 с.
4. **Куприянова А.А.** Методика решения судебно-почерковедческих диагностических задач. – 2-е изд. – Москва: Наука, 2006. – 61 с.
5. Почерковедение и почерковедческая экспертиза: учебник / под ред. В.В. Серегина. – Волгоград: ВА МВД России, 2017. – 340 с.
6. Примерные заключения эксперта-почерковеда: учебно-практическое пособие / под ред. канд. юрид. наук, доц. Т.И. Исмаковой, д-ра юрид. наук, проф. М.В. Бобовкина. – Волгоград: ВА МВД России, 2018. – 122 с.
7. **Новикова К.А.** Особенности решения диагностических задач при исследовании рукописей, выполненных печатным почерком // Судебная экспертиза. – 2020. – № 4 (64). – С. 107–115.

References

1. **Orlova V.F.** Sudebno-pocherkovedcheskaya diagnostika: uchebnoe posobie. – Moskva: YuNITI-DANA: Zakon i pravo, 2006. – 160 s.
2. **Bobovkin M.V., Solov'eva N.A.** O sistematizatsii diagnosticheskikh zadach sudebno-pocherkovedcheskoi ekspertizy // Sudebnaya ekspertiza. – 2013. – № 3 (35). – S. 26–31.
3. **Kulagin P.G., Kolonutova A.I.** Ekspertnaya metodika differentsiatsii rukopisei na muzhskie i zhenskie: posobie dlya ekspertov-kriminalistov. – Moskva, 1970. – 60 s.
4. **Kupriyanova A.A.** Metodika resheniya sudebno-pocherkovedcheskikh diagnosticheskikh zadach. – 2-e izd. – Moskva: Nauka, 2006. – 61 s.
5. Pocherkovedenie i pocherkovedcheskaya ekspertiza: uchebnik / pod red. V.V. Seregina. – Volgograd: VA MVD Rossii, 2017. – 340 s.
6. Primernye zaklyucheniya eksperta-pocherkoveda: uchebno-prakticheskoe posobie / pod red. kand. yurid. nauk, dots. T.I. Ismatovoi, d-ra yurid. nauk, prof. M.V. Bobovkina. – Volgograd: VA MVD Rossii, 2018. – 122 s.
7. **Novikova K.A.** Osobennosti resheniya diagnosticheskikh zadach pri issledovanii rukopisei, vypolnennykh pechatnym pocherkom // Sudebnaya ekspertiza. – 2020. – № 4 (64). – S. 107–115.

(статья сдана в редакцию 25.10.2021)

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА
В СФЕРЕ МИГРАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ****ENSURING SECURITY AND LAW AND ORDER IN THE
FIELD OF MIGRATION IN THE RUSSIAN FEDERATION:
MODERN APPROACHES**

УДК 342.9

И.Ф. АМЕЛЬЧАКОВ,

кандидат юридических наук, доцент
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
belui@mvd.ru

IGOR F. AMELCHAKOV,

Candidate of Law, Associate Professor
(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry
of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

О.В. КАТАЕВА,

кандидат юридических наук, доцент
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
kataeva_70@mail.ru

OLGA V. KATAEVA,

Candidate of Law, Associate Professor
(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry
of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Аннотация: предметом исследования статьи является анализ подходов к проблеме обеспечения безопасности и правопорядка в сфере миграции в современной России. Изменения, произошедшие на постсоветском пространстве, повлекли переход статуса Российской Федерации из закрытого государства в страну – активного реципиента международной миграции. Важную роль среди факторов, привлекающих мигрантов, сыграли особенности территориального расположения, поступательный рост производства, подъем отечественной экономики. Вместе с тем параллельно с притоком мигрантов в страну наблюдается и динамика роста криминальных проявлений с их стороны, и сегодня задача противодействия этому негативному явлению в Российской Федерации стоит в ряду наиболее актуальных.

В качестве гипотезы исследования выдвинуто положение об имеющейся взаимосвязи незаконной миграции с преступностью иностранных граждан и необходимости решения этой проблемы путем совершенствования административно-правовых механизмов установления миграционного правопорядка в стране.

Методология исследования включает в себя анализ имеющихся терминологических проблем в рассматриваемой области общественных отношений, критический анализ современного порядка миграционного учета иностранных граждан в Российской Федерации, а также сравнительно-правовой метод, использованный с целью выявления дальнейших тенденций развития законодательства в области обеспечения безопасности и правопорядка в миграционной сфере.

Ключевые слова: безопасность, правопорядок, миграционная сфера, миграционный учет, незаконная миграция, преступность иностранных граждан.

Для цитирования: Амельчаков И.Ф., Катаева О.В. Обеспечение безопасности и правопорядка в сфере миграции в Российской Федерации: современные подходы // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2022. № 2. С. 66–75.

Abstract: the subject of this scientific paper is the analysis of approaches to the problem of providing security and law enforcement in the field of migration in modern Russia. The changes that have taken place in the post-Soviet space have led to the transition of the status of the Russian Federation from a closed state to a country that is an active recipient of international migration. The factors attracting migrants and playing an important role

are the following: the particularities of the geography of the territory, a progressive growth of production and an increase in domestic economy. At the same time with the growth of migrants into the country, one can see the dynamics of the increase in criminal actions from their side, and the task of combating this negative phenomenon in the Russian Federation is among the most urgent nowadays.

As a hypothesis of the study, we assumed that there was link between illegal migration and the crime of foreign citizens, and as well as the need the solution of this problem by improving the administrative and legal mechanisms for providing law enforcement in migration in the country.

The research methodology includes an analysis of the problems in current terminology in the area of public relations, a critical analysis of the current procedure for migration registration of foreign citizens in the Russian Federation, as well as a comparative legal method used to identify further trends in the development of legislation in the field of providing security and law enforcement in migration.

Keywords: security, law enforcement, migration field, migration registration, illegal migration, crime of foreign citizens.

For citation: Amelchakov I.F., Kataeva O.V. Ensuring security and law and order in the field of migration in the Russian Federation: modern approaches // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 2. P. 66–75.

Необходимо отметить, что преступность мигрантов во всем мире превратилась в острую социальную проблему. Факты совершения преступлений представителями иностранных государств вызывают широкий резонанс у коренного населения, становятся темой обсуждения новостных программ и дискуссий интернет-сообществ.

Для Российской Федерации вопрос криминализации миграционной сферы стоит в ряду наиболее актуальных. Значительное внимание проблеме нелегальной миграции было уделено на расширенном заседании коллегии МВД России, проходившем 17 февраля 2022 года, где Президент Российской Федерации В.В. Путин указал на необходимость жесткой борьбы с этим негативным явлением¹.

По официальным данным МВД России, за семь месяцев 2021 года мигрантами совершено 24,7 тыс. преступлений, что на 5,9% больше, чем за такой же период 2020 года. Почти 80% (77,8) из этих преступлений совершили граждане стран СНГ². В целом в России география, динамика и структура преступности мигрантов неоднородны. Так, ее уровень в мегаполисах, таких как Москва, Московская область и Санкт-Петербург, значительно выше, чем в общем по стране, следовательно, и рассматриваемая проблема стоит более остро [1].

Результаты изучения уголовных дел по преступлениям, совершенным мигрантами, свидетель-

ствуют о том, что они носят преимущественно корыстно-насильственный характер с соответствующими квалифицирующими признаками [2]. Наиболее распространенные преступления, традиционно совершаемые иностранными гражданами, – это кражи, грабежи, мошенничество, разбойные нападения и др. В современных условиях пандемии, вызванной распространением новой коронавирусной инфекции, по причине общего снижения уровня жизни, отсутствия стабильного заработка можно прогнозировать новые всплески совершения мигрантами такого рода преступлений.

При этом преступность иностранных граждан, являясь специфической и сложной социальной проблемой, изучена недостаточно. Это становится причиной не всегда корректных трактовок официальной статистики преступлений, которые могут негативно сказываться на уровне социальной напряженности в обществе, влекут рост ксенофобии, национальной и расовой нетерпимости, поэтому исследование преступности мигрантов как социального явления важно с точки зрения необходимости его научного осмысления в целях выработки эффективных механизмов противодействия этому источнику угроз национальной безопасности.

Для того, чтобы избежать заблуждений в исследуемой области, необходимо прежде всего четко разграничить такие понятия, часто смешиваемые в научном лексиконе, как преступления в сфере миграции, преступления, совершаемые мигрантами, и этническая преступность.

К преступлениям, совершаемым в сфере миграции, относятся деяния, предусмотренные ст. 322–322.3 Уголовного кодекса Российской Федерации³. Это достаточно новый, активно разви-

¹ Владимир Путин назвал приоритетные задачи МВД [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2022/02/17/vladimir-putin-nazval-prioritetnye-zadachi-mvd.html> (дата обращения: 19.02.2022).

² МВД отмечает рост числа совершенных мигрантами преступлений [Электронный ресурс]. – URL: https://news.rambler.ru/crime/47279123/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 09.02.2022).

³ См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2021) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; далее – УК РФ.

вающийся правовой институт. Так, ст. 322.1 УК РФ «Организация незаконной миграции» введена в национальное уголовное законодательство Федеральным законом от 28 декабря 2004 г. № 187-ФЗ⁴, ст. 322.2 УК РФ «Фиктивная регистрация гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации и фиктивная регистрация иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации» и ст. 322.3 УК РФ «Фиктивная постановка на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в Российской Федерации» введены в Уголовный кодекс Российской Федерации Федеральным законом от 21 декабря 2013 г. № 376-ФЗ⁵.

Таким образом, в российском законодательстве практически в последние десятилетия сформировался уголовно-правовой институт ответственности за преступления, связанные с миграцией, в связи с чем некоторыми учеными, с учетом его специфики, предлагается выделить единую группу преступных посягательств – миграционные преступления [3]. В современных условиях с учетом сложности ситуации, складывающейся в миграционной сфере, можно прогнозировать динамичное поступательное развитие института уголовно наказуемых деяний в сфере миграции, что, возможно, позволит в дальнейшем объединить нормы УК РФ, относящиеся к вышеуказанному институту, в отдельный раздел особенной части данного кодифицированного нормативного правового акта. Однако в настоящее время с учетом многочисленности такого рода норм эта инициатива была бы преждевременной.

Характерно то, что с объективной стороны все эти преступления совершаются в форме активных действий, а субъективная их сторона характеризуется наличием прямого умысла [4].

В отличие от иной, более широкой группы рассматриваемых нами противоправных деяний – преступлений, совершенных иностранными гражданами, – данные общественно опасные деяния объединены единым объектом посягательства на установленный порядок соблюдения иностранными гражданами и лицами без гражданства временного или постоянного проживания, временно-

го пребывания в Российской Федерации, въезда в Российскую Федерацию, выезда из Российской Федерации, транзитного проезда через территорию Российской Федерации.

Кроме того, особенностями такого рода правонарушений, отличающими их от преступлений, совершаемых иностранными гражданами, является то, что помимо специального субъекта – иностранных граждан и лиц без гражданства – субъектами таких преступлений могут являться российские граждане и должностные лица.

Наиболее суровое наказание законодателем установлено за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 322.1 УК РФ «Организация незаконной миграции», с такими квалифицирующими признаками, как совершение группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, а также в целях совершения преступления на территории Российской Федерации либо лицом с использованием своего служебного положения. Такие деяния наказываются лишением свободы на срок до семи лет со штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо без такового и с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового. Лишение свободы на срок до шести лет установлено за совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 322 УК РФ «Незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации», с такими квалифицирующими признаками, как совершение группой лиц по предварительному сговору или организованной группой либо с применением насилия или с угрозой его применения. За иные преступления рассматриваемой группы также предусмотрены достаточно жесткие уголовные санкции. Однако нельзя согласиться с высказываниями о том, что «существующая ныне уголовная ответственность в данной сфере представляется избыточной и излишне суровой» [5, с. 204]. Думается, что она является адекватным ответом на формирующуюся в обществе атмосферу неприемлемости к явлению незаконной миграции, требованию повышения уровня ответственности за коррупционные проявления, способствующие ее культивированию, а также представляется результатом совершенствования правоприменительной практики.

Сегодня для всех очевидно, что в результате незаконной миграции бюджет страны систематически недополучает налоги, по причине вовлечения мигрантов в теневую экономику происходит отток денежных средств из государства, а на судебные издержки и содержание мигрантов, совершивших преступления, в исправительных учреждениях тратятся колоссальные средства национального бюджета.

⁴ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 28 декабря 2004 г. № 187-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 21 декабря 2013 г. № 376-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

В целях эффективного решения этих проблем отечественными учеными сегодня разрабатываются инновационные подходы к уголовной ответственности иностранных граждан. Так, предлагается введение нового вида уголовного наказания – принудительного выдворения иностранного гражданина за пределы Российской Федерации, применяемого в качестве как основного, так и дополнительного наказания к лицам, совершившим умышленные преступления, за которые в качестве наказания предусмотрено лишение свободы [6].

Необходимо отметить, что активно применяемое в настоящее время административное наказание в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства в процессе правоприменительной практики показывает свою эффективность. При этом из всех мер административного наказания, перечень которых установлен Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях⁶, вышеуказанная санкция является одной из наиболее суровых, ограничивает конституционное право граждан на свободу передвижения. Помимо этого правовые последствия данного вида административного наказания в виде закрытия въезда на территорию Российской Федерации действую на протяжении пяти лет, а в случае повторности правонарушения – десяти лет, что превышает общий срок действия административного наказания, установленный ст. 4.6 КоАП РФ.

Безусловно, данная мера административного наказания и ее правовые последствия надежно гарантируют защиту национальной безопасности от опасных субъектов, что послужило тенденцией увеличения составов правонарушений КоАП РФ, санкции которых предусматривают наказание в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства. Поэтому думается, что введение аналогичной меры наказания в сферу уголовной ответственности также было бы оправданно. Вместе с тем необходимо отметить, что в проекте федерального закона «Об условиях въезда (выезда) и пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства»⁷ идет речь о такой мере административного наказания, как высылка, а не

административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства, что, вероятно, является результатом реализации предложений отечественных исследователей по унификации терминологии в области реализации таких мер государственного принуждения, как административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства, депортация и реадмиссия [7; 8; 9]. Поддерживая предложение отечественных исследователей о введении вышеуказанной меры наказания в отечественное уголовное законодательство, думаем, что предлагаемый новый вид уголовного наказания с точки зрения совершенствования понятийного аппарата правильнее было именовать именно высылкой.

Далее необходимо четко разграничить такие понятия, как этническая преступность и преступность иностранных граждан.

Надо отметить, что определения этнической преступности в отечественном праве сегодня не существует, поэтому исследователи данного феномена относят противоправные деяния к этническим преступлениям исходя из национального состава их субъектов [1]. Что же касается понятия этноса (этнической общности), то Е.И. Хегай определяет данный феномен как исторически возникший вид устойчивой социальной группировки людей, который может быть представлен как племя, народность, нация [10].

Дефиниция, предложенная С.В. Лурье, характеризует этнос в виде социальной общности с присутствием специфическими культурными моделями, функционирование которой связано с особыми закономерностями. При этом им подчеркивается определяющая роль культурно-сознательного мотива, поскольку именно он позволяет разграничить понятия «этнос» и «раса», так как последнее ориентировано на физическо-физиологический аспект индивида [11].

Значимость этноса состоит в том, что он способствует формированию в определенной общности мировоззрения, определения культурных ценностей, традиций, мотивации и особенностей поведения.

Российская Федерация, являясь многонациональным и многоконфессиональным государством, имеет богатый опыт взаимного сосуществования различных народностей и этнических групп разных религиозных принадлежностей⁸. Внутренняя политика страны уделяет колоссальное значение вопросам укрепления единства многонационального народа, формированию стабильной

⁶ См.: ст. 3.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 30.12.2021) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; далее – КоАП РФ.

⁷ Об условиях въезда (выезда) и пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства: проект федерального закона [Электронный ресурс] // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. – URL: <https://regulation.gov.ru> (дата обращения: 09.02.2022).

⁸ Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № 640 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

системы нравственных установок, которые позволят противостоять таким подрывающим национальную безопасность факторам, как проявления экстремизма, национализма и ксенофобии. В этих целях разработана и принята Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года»⁹. Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 602 «Об обеспечении межнационального согласия»¹⁰ при Президенте Российской Федерации образован совещательный и консультативный орган – Совет по межнациональным отношениям. Кроме того, утверждена Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации¹¹, в которой подчеркивается актуальность проблемы поддержания межнационального согласия и преодоления «распространенности негативных стереотипов в отношении некоторых народов».

В целях научно обоснованного разрешения данного вопроса в отечественных исследованиях сегодня все чаще поднимается проблема этнической преступности, а также необходимости дать этому понятию точное толкование. Одной из таких работ стало защищенное в 2018 году диссертационное исследование К.В. Кузнецова «Криминологическая характеристика и предупреждение организованной этнической преступности», где автором организованная этническая преступность определена как «динамичное социально-правовое явление, представляющее совокупность уголовно наказуемых деяний, совершаемых на определенной территории в конкретный исторический момент времени представителями одного или нескольких этносов» [12, с. 9].

Однако проблема наличия этнической преступности продолжает оставаться дискуссионной и вызывает полемику в обществе. Так, широкое обсуждение вызвал законопроект о внесении изменений в Федеральный закон «О средствах массовой информации» в части дополнения его запретом на упоминание национальности лица, совершившего

преступление¹². Данный запрет касается распространения в средствах массовой информации и в информационно-телекоммуникационных сетях сведений не только о национальной принадлежности правонарушителей, но и об их вероисповедании и принадлежности к народам Российской Федерации.

В пояснительной записке к документу говорится о том, что обнаружение такого рода информации оскорбляет национальные и религиозные чувства добропорядочных граждан, не имеющих отношения к противоправной деятельности, и может сформировать негативные установки в отношении определенных этнических и конфессиональных групп. Как видится, эта инициатива последовательно отражает идею Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации¹³ в части поддержания межнационального согласия народов страны. Вместе с тем предмет настоящего исследования составляет проблема обеспечения безопасности и правопорядка в сфере миграции в России, поэтому необходимо подчеркнуть, что преступность иностранных граждан не должна отождествляться с этнической преступностью.

Исследование понятий «этническая преступность» и «преступность иностранных граждан» дает основание утверждать, что первое, по своей сути, является более широким, поскольку правонарушитель может не являться иностранным гражданином, и при этом представлять какую-либо из многочисленных этнических групп, проживающих на территории России. Принципиальное же отличие понятия «преступность иностранных граждан» от понятия «этническая преступность» состоит именно в отсутствии у правонарушителя гражданства Российской Федерации.

При этом совершение преступлений иностранными гражданами, являющимися специальными субъектами, образует их криминологическую особенность, что дает основание говорить о наличии отдельной группы правонарушений, нуждающейся в тщательном исследовании и принятии мер, направленных на противодействие данному негативному явлению, в соответствии с задачами, задекларированными в Концепции миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы¹⁴.

⁹ Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Об обеспечении межнационального согласия: Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 602 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 № 1666 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹² В Госдуму внесен проект, запрещающий упоминание национальности преступников [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20211122/proekt-1760109445.html> (дата обращения: 09.02.2022)

¹³ О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 № 1666 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы: Указ Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Тревожным является тот факт, что сегодня имеет тенденцию к увеличению число выявленных фактов незаконной миграции, которая, в свою очередь, порождает преступность иностранных граждан [13]. По мнению отечественных исследователей, незаконное пребывание мигрантов в стране потенциально влечет совершение ими правонарушений, поскольку именно нелегалы проявляют склонность к противоправной деятельности [14].

Научно доказано влияние незаконной миграции на рост национальных конфликтов и расширение теневой экономики, а также ее взаимосвязь с проявлениями терроризма, коррупции и организованной транснациональной преступности, занимающейся торговлей людьми [15].

Говоря о детерминантах незаконной миграции, отечественные исследователи называют определяющее влияние экономических, политических, экологических, военных и иных факторов, которые могут проявляться во взаимосвязи и перетекать друг в друга, что усложняет деятельность государства по противодействию данному негативному явлению. Именно в этом видится причина неэффективности ужесточения миграционного законодательства, которое не решило задачу пресечения незаконной миграции в стране и установления миграционного правопорядка. Однако следует признать, что масштабное реформирование отечественного миграционного законодательства в части перехода на патентную систему во многом способствовало снижению числа незаконных трудовых мигрантов [16].

Вместе с тем ситуация с незаконной миграцией продолжает оставаться сложной, и существенное влияние на остроту этой проблемы оказало отсутствие на протяжении длительного времени достоверных оценок ее масштабов по причине латентности характера. По мнению некоторых экспертов, количество мигрантов, незаконно пребывающих в Российской Федерации в последние годы, составляло от пяти до семи миллионов [17]. Другие аналитики приводят мнение о примерной численности нелегальных мигрантов в стране от пяти до десяти миллионов человек [18]. Отсутствие определенных данных о численности нелегальных мигрантов в стране не позволяло полноценно осуществлять функцию научного прогнозирования миграционных процессов, а также сформировать на государственном уровне четкую политику противодействия незаконной миграции.

В свое время на получение объективной статистики о пребывающих в стране мигрантах, выведение «из тени» нелегалов было направлено принятие Федерального закона «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без граждан-

ства в Российской Федерации»¹⁵, который вместо разрешительного порядка регистрации мигрантов ввел ее уведомительный характер в соответствии с общепризнанными международно-правовыми стандартами.

По общему правилу, уведомление о прибытии иностранного гражданина в место пребывания должно быть представлено в орган миграционного учета принимающей стороной либо непосредственно иностранным гражданином не позднее семи рабочих дней со дня его прибытия в место пребывания как для постоянно проживающих в Российской Федерации иностранных граждан, так и для имеющих статус временно проживающих или временно пребывающих на территории страны. Исключение составляют случаи нахождения иностранного гражданина в гостинице, в специальном учреждении для социальной реабилитации лиц без определенного места жительства и др., когда уведомление о его прибытии в место пребывания предоставляется в орган миграционного учета в течение одного рабочего дня, следующего за днем его прибытия.

Необходимо отметить, что в начальной редакции рассматриваемого нормативного правового акта срок постановки на миграционный учет составлял три рабочих дня, однако впоследствии он был продлен, что, по нашему мнению, не способствует установлению миграционного правопорядка в стране, поскольку правоохранительные органы на протяжении недели нахождения иммигранта в стране не имеют сведений об этом лице, соответственно, не проводят с ним необходимую профилактическую работу.

Таким образом, длительность срока постановки на миграционный учет снижает эффективность данного института, вместе с тем имеются и иные проблемы. Изначально порядок миграционного учета виделся единым для всех категорий иностранных граждан. Далее, по прошествии времени, в него стали вводиться послабления для различных категорий мигрантов, таких как высококвалифицированные специалисты, получившие разрешение на работу, и члены их семей, которые не подлежат постановке на миграционный учет в течение 90 дней со дня их въезда в Российскую Федерацию и в дальнейшем освобождаются от обязанности по постановке на миграционный учет по месту пребывания в течение 30 дней. Договор о Евразийском экономическом союзе¹⁶ предусма-

¹⁵ О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации: Федеральный закон от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Договор о Евразийском экономическом союзе: подписан в г. Астане 29.05.2014 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

тривает освобождение от обязанности регистрации (постановки на учет) трудовых мигрантов из Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Армения и Кыргызской Республики на территории России, а также членов их семей в течение 30 суток с даты въезда. Кроме того, некоторые иные категории иностранных граждан не подлежат миграционному учету по месту пребывания¹⁷. Таким образом, не все пребывающие в стране иммигранты сегодня охвачены миграционным учетом, соответственно, задача формирования объективной статистики о миграционных процессах на территории государства пока окончательно не решена.

В целях совершенствования рассматриваемой сферы государственного управления миграционными процессами разработчиками проекта федерального закона «Об условиях въезда (выезда) и пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства»¹⁸ в его содержание включен раздел IV «Миграционный учет иностранных граждан в Российской Федерации». Авторами законодательной инициативы сформулированы цели и содержание миграционного учета, права и обязанности иностранных граждан при осуществлении миграционного учета, сроки постановки на миграционный учет, основания снятия иностранных граждан с учета по месту пребывания и пр. При этом концептуальных отличий от действующего порядка миграционного учета иностранных граждан в стране в законопроекте фактически не предложено.

Вместе с тем срок подачи в орган миграционного учета уведомления о прибытии в место пребывания для иностранных граждан, прибывших в страну, разработчиками анализируемой законодательной инициативы, по общему правилу, предлагается установить в течение 30 дней со дня въезда в Российскую Федерацию, что, на наш взгляд, чрезмерно длительно даже в сравнении с современным семидневным сроком.

Исключения предусмотрены для иностранных граждан, которые находятся в учреждениях гостиничного типа или организациях социального обслуживания, осуществляют трудовую деятельность вахтовым методом, и некоторых иных ка-

тегорий. В этом случае уведомление о прибытии иностранного гражданина подается в течение одного рабочего дня со дня прибытия в место пребывания.

Также в рассматриваемом законопроекте оговаривается наличие категорий иностранных граждан, которые не подлежат постановке на учет по месту пребывания, однако данная норма имеет отсылочный характер, подразумевающий принятие подзаконного акта, находящегося в компетенции Правительства Российской Федерации.

Таким образом, предложенная законодательная инициатива в части модернизации миграционного учета имеет более либеральный характер в сравнении с современным его порядком, что, на наш взгляд, не будет способствовать заявленной цели – формированию полной, достоверной, оперативной и актуальной информации о перемещениях иностранных граждан в Российской Федерации, поэтому требует переосмысления с точки зрения как сроков осуществления миграционного учета, так и круга подлежащих такому учету лиц.

Однако, возвращаясь к проблеме незаконной миграции, необходимо отметить, что в отечественной Стратегии национальной безопасности, утвержденной Президентом Российской Федерации, в качестве одной из важнейших задач достижения целей обеспечения государственной и общественной безопасности обозначено противодействие незаконной миграции и усиление контроля за миграционными потоками¹⁹.

Повышение эффективности обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в части защиты страны от незаконной миграции на сегодняшний день рассматривается в качестве одной из важнейших задач МВД России, которое, в соответствии с возложенными полномочиями, осуществляет выработку и реализацию государственной политики и нормативно-правовое регулирование в сфере миграции. В этих целях ведомство реализует меры по предупреждению и пресечению незаконной миграции и осуществляет иммиграционный контроль в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства²⁰. В целях противодействия незаконной миграции используются правовые средства, предусмотренные российским законодательством, которое на сегодняшний день

¹⁷ О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации: Федеральный закон от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ. Ст. 20. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Об условиях въезда (выезда) и пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства: проект федерального закона [Электронный ресурс] // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. – URL: <https://regulation.gov.ru/projects#search=%D0%BC%D0%B8%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F&departments=7&kinds=8&npa=113698> (дата обращения: 09.02.2022).

¹⁹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²⁰ Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. № 699 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

состоит из значительного числа разрозненных нормативных правовых документов. В последние годы с учетом возрастающей степени угрозы национальной безопасности государства отечественными учеными-административистами все чаще поднимался вопрос о необходимости принятия консолидированного нормативного правового акта по вопросам противодействия незаконной миграции. Принятие такого документа позволило бы устранить имеющиеся пробелы и противоречия в законодательстве и объединить усилия всех субъектов реализации государственной миграционной политики по противодействию этому негативному явлению [19; 20; 21].

Данная инициатива нашла свое отражение в разделе VII «Обеспечение безопасности и правопорядка в сфере миграции» проекта федерального закона «Об условиях въезда (выезда) и пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства»²¹, где его разработчиками предложен ряд инноваций в сфере государственного контроля за соблюдением иностранными гражданами режима пребывания на территории Российской Федерации.

Так, в целях обеспечения миграционного правопорядка предлагается установление административного надзора за законностью пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан, осуществляемого органами внутренних дел (полицией), а именно применение к мигрантам, не имеющим или утратившим законные основания для пребывания (проживания) на территории Российской Федерации, соответствующих юридических мер воздействия.

Административный надзор включает в себя правовое информирование в сфере миграции, проведение мониторинга соблюдения установленных правил в сфере миграции, предупреждение и пресечение административных правонарушений и преступлений в данной области, а также принятие мер профилактики правонарушений и мер принуждения к лицам, их совершившим, установление в отношении иностранных граждан режима контролируемого пребывания, проведение дактилоскопической регистрации и идентификации иностранных граждан, ведение реестра недобросовестных приглашающих лиц и ведение реестра недобросовестных работодателей.

Особого внимания заслуживает рассмотрение предложенных разработчиками рассматриваемого законопроекта мер профилактического ха-

рактера. В числе таких мер – информирование иностранных граждан о юридически значимых событиях. Так, иностранные граждане через личный кабинет на Едином портале государственных и муниципальных услуг (функций) информируются об истечении разрешенного срока пребывания в Российской Федерации, о необходимости внесения обязательных платежей, прохождения медицинского освидетельствования, своевременной оплаты административных штрафов, а также о вынесении решения о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации, об имеющихся ограничениях на въезд в страну или выезд из нее и установлении режима контролируемого пребывания. При отсутствии у иностранного гражданина личного кабинета на Едином портале государственных и муниципальных услуг такая информация доводится ему уполномоченными должностными лицами.

Еще одна инновационная мера профилактического характера, предложенная авторами законодательной инициативы, – подписание иностранным гражданином соглашения о лояльности, осуществляемое для информирования иностранного гражданина о правилах режима пребывания в Российской Федерации, а также об имеющихся ограничениях и запретах. Важным правовым последствием подписания соглашения о лояльности является то, что если иностранным гражданином будут нарушены его условия, он будет обязан оплатить расходы, связанные с его высылкой.

Кроме того, в целях обеспечения миграционного правопорядка в отношении иностранных граждан может быть установлен режим контролируемого пребывания на территории Российской Федерации, предполагающий установление ряда обязанностей и запретов в отношении контролируемого лица. К таковым относятся запрет на перемену места пребывания в Российской Федерации, за исключением наступления непреодолимых обстоятельств, явка по требованию уполномоченного должностного лица, информирование об отсутствии возможности такой явки, об обстоятельствах, препятствующих своевременному исполнению решения о высылке в добровольной форме, о смене места пребывания в случае наступления обстоятельств непреодолимой силы, при отсутствии возможности явки уведомлять его о своем местонахождении, в том числе с использованием фотографического изображения, содержащего отметку о геолокации.

В случае неисполнения контролируемым лицом своих обязанностей для того, чтобы установить его местонахождение, уполномоченными должностными лицами могут осуществляться проверки с использованием информационных систем, выезды в возможные места пребывания иностранного

²¹ Об условиях въезда (выезда) и пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства: проект федерального закона [Электронный ресурс] // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. – URL: <https://regulation.gov.ru> (дата обращения: 09.02.2022).

гражданина, проверки с использованием мобильных устройств и иных технических средств.

Положительно оценивая предложенные разработчиками законопроекта инновации, считаем, что рассмотренные меры, направленные на противодействие незаконной миграции в Российской Федерации, дадут положительный эффект в случае проведения четкой государственной политики, направленной на своевременное устранение причин и условий, способствующих ей, в числе которых – сохраняющаяся прозрачность государственной границы, отсутствие должным образом сформированных информационных ресурсов в сфере миграции, факты коррупции в государственных органах, участвующих в регулировании миграционных процессов, низкий уровень правовой культуры самих мигрантов и др.

Обобщая сказанное, необходимо еще раз подчеркнуть важность положений, способствующих, на наш взгляд, противодействию преступности иностранных граждан на территории Российской Федерации.

Во-первых, во избежание заблуждений при трактовке официальной статистики необходимо разграничение понятий «преступления в сфере миграции», «преступления, совершаемые мигрантами» и «этническая преступность».

Во-вторых, видится целесообразным введение в уголовное законодательство Российской Федерации нового вида наказания – высылки, назначаемой за совершение преступлений иностранными гражданами.

В-третьих, следует акцентировать внимание на проблеме незаконной миграции как детерминанте преступности иностранных граждан. Необходимо модернизировать институт миграционного учета

иностранцев в Российской Федерации, сократить сроки постановки на миграционный учет иностранных граждан, а также минимизировав категории иностранных граждан, не подлежащих миграционному учету.

В-четвертых, отмечая, что идея отечественных ученых о принятии консолидированного нормативного правового акта по вопросам противодействия незаконной миграции воплотилась разработчиками проекта федерального закона «Об условиях въезда (выезда) и пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства»²² в разделе VII «Обеспечение безопасности и правопорядка в сфере миграции», где предложены инновационные методы противодействия нарушениям в области режима пребывания иностранных граждан на территории Российской Федерации, необходимо подчеркнуть, что эта проблема требует дальнейшей научной проработки как в теоретических, так и в практически-прикладных исследованиях. Эта задача связана с дальнейшей разработкой и принятием последовательных административных мер, направленных на то, чтобы пребывание иностранных граждан в нашей стране было легальным и взаимовыгодным как для общества и государства, так и для самих мигрантов, что, в свою очередь, позволит эффективно обеспечить безопасность и правопорядок в миграционной сфере.

²² Об условиях въезда (выезда) и пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства: проект федерального закона [Электронный ресурс] // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. – URL: <https://regulation.gov.ru> (дата обращения: 09.02.2022).

Литература

1. **Епхивев О.М., Моисеев А.В.** Этническая преступность в современной России: состояние, структура, динамика и особенности ее проявления // Российский следователь. – 2017. – № 4. – С. 48–51.
2. **Волчецкая Т.С., Рябенская Н.Л.** Особенности криминалистической характеристики корыстно-насильственных преступлений, совершаемых мигрантами // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2018. – № 2-2. – С. 3–9.
3. Миграция и преступность: сравнительно-правовой анализ: монография / отв. ред. И.С. Власов, Н.А. Голованова. – Москва: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2012. – 496 с.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: постатейный: в 2 т. / под ред. А.В. Бриллиантова. – 2-е изд. – Москва: Проспект, 2016. Т. 2. – 704 с.
5. **Матвеева А.А.** Миграционная преступность: реалии и мифы // Актуальные проблемы теории и практики противодействия преступности в современной России: сборник материалов III Международной научно-практической конференции / под общей ред. Ю.С. Жарикова и науч. ред. Ю.М. Антоняна. – Москва: Изд-во СГУ, 2016. С. 202–208.
6. **Антипов А.Н., Первозванский В.Б., Строгович Ю.Н.** О некоторых мерах по противодействию преступности иностранных граждан // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2018. – № 5. – С. 6–9.
7. **Сандугей А.Н.** Депортация: наказание или процедура // Административное право и процесс. – 2005. – № 1. – С. 32–35.
8. **Смашникова Т.Б.** Административно-правовое противодействие незаконной миграции в Российской Федерации и Республике Беларусь: сравнительно-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2012. – 26 с.
9. **Амельчаков И.Ф., Катаева О.В.** Высылка иностранного гражданина как ограничение его права на свободу передвижения и как способ обеспечения национальной безопасности // Право. – 2019. – № 1. – С. 138–160.
10. **Хегай Е.И.** О понятии этнической преступной группировки // Сибирские криминалистические чтения: сборник научных трудов. – Иркутск, 2002. Вып. 15. С. 80–97.

11. **Лурье С.В.** Историческая этнология: учебное пособие для вузов. – Москва: Академический Проект: Гаудеамус, 2004. – 624 с.
12. **Кузнецов К.В.** Криминологическая характеристика и предупреждение организованной этнической преступности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2018. – 33 с.
13. **Каменева А.Н.** Актуальные проблемы квалификации и направления противодействия преступлениям, совершаемым в сфере миграции // Миграционное право. – 2021. – № 1. – С. 25–27.
14. **Мамонтова Э.А.** Незаконная миграция в России и вопросы обеспечения национальной безопасности // Миграционное право. – 2018. – № 4. – С. 25–27.
15. **Андриченко Л.В., Плюгина И.В.** Миграционное законодательство Российской Федерации: тенденции развития и практика применения: монография. – Москва: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2019. – 392 с.
16. **Григорьева К.С., Мукомель В.И.** Задачи и реализация реформ миграционного законодательства: пресечение незаконной миграции, укрепление правопорядка (окончание) // Миграционное право. – 2018. – № 3. – С. 9–13.
17. **Андрюшенков В.А.** Установление уголовной ответственности за организацию незаконной миграции // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2018. – № 3 (27). – С. 79–84.
18. **Жубрин Р.В.** Незаконная миграция как общественно опасное явление // Миграционное право. – 2017. – № 1. – С. 28–31.
19. **Козлов В.Ф., Лукьянов А.С.** Консолидация национального законодательства в сфере противодействия незаконной миграции // Российская юстиция. – 2015. – № 3. – С. 22–25.
20. **Гирько С.И., Сандугей А.Н.** О реализации Концепции общественной безопасности в Российской Федерации в области противодействия угрозам в миграционной сфере // Современный юрист. – 2014. – № 4. – С. 8–20.
21. **Капинус О.С.** Научно-методологические подходы к деятельности органов государственной власти по противодействию незаконной миграции на территории Российской Федерации // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2015. – Т. 9. – № 4. – С. 704–711.

References

1. **Ерхив О.М., Моисеев А.В.** Etnicheskaya prestupnost' v sovremennoi Rossii: sostoyanie, struktura, dinamika i osobennosti ee proyavleniya // Rossiiskii sledovatel'. – 2017. – № 4. – С. 48–51.
2. **Volchetskaya T.S., Ryaben'kaya N.L.** Osobennosti kriminalisticheskoi kharakteristiki korystno-nasil'stvennykh prestuplenii, sovershaemykh migrantami // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki. – 2018. – № 2-2. – С. 3–9.
3. Migratsiya i prestupnost': sravnitel'no-pravovoi analiz: monografiya / otv. red. I.S. Vlasov, N.A. Golovanova. – Moskva: IZiSP, KONTRAKT, 2012. – 496 s.
4. Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii: postateiny: v 2 t. / pod red. A.V. Brilliantova. – 2-e izd. – Moskva: Prospekt, 2016. T. 2. – 704 s.
5. **Matveeva A.A.** Migratsionnaya prestupnost': realii i mify // Aktual'nye problemy teorii i praktiki protivodeistviya prestupnosti v sovremennoi Rossii: sbornik materialov III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii / pod obshechi red. Yu.S. Zharikova i nauch. red. Yu.M. Antonyana. – Moskva: Izd-vo SGU, 2016. S. 202–208.
6. **Antipov A.N., Pervozvanskii V.B., Strogovich Yu.N.** O nekotorykh merakh po protivodeistviyu prestupnosti inostrannykh grazhdan // Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya. – 2018. – № 5. – С. 6–9.
7. **Sandugei A.N.** Deportatsiya: nakazanie ili protsedura // Administrativnoe pravo i protsess. – 2005. – № 1. – С. 32–35.
8. **Smashnikova T.B.** Administrativno-pravovoe protivodeistvie nezakonnoi migratsii v Rossiiskoi Federatsii i Respublike Belarus': sravnitel'no-pravovoi analiz: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. – Chelyabinsk, 2012. – 26 s.
9. **Amel'chakov I.F., Kataeva O.V.** Vysylka inostrannogo grazhdanina kak ogranichenie ego prava na svobodu peredvizheniya i kak sposob obespecheniya natsional'noi bezopasnosti // Pravo. – 2019. – № 1. – С. 138–160.
10. **Khegai E.I.** O ponyatii etnicheskoi prestupnoi gruppirovki // Sibirskie kriminalisticheskie chteniya: sbornik nauchnykh trudov. – Irkutsk, 2002. Vyp. 15. S. 80–97.
11. **Lur'e S.V.** Istoricheskaya etnologiya: uchebnoe posobie dlya vuzov. – Moskva: Akademicheskii Proekt: Gaudeamus, 2004. – 624 s.
12. **Kuznetsov K.V.** Kriminologicheskaya kharakteristika i preduprezhdenie organizovannoi etnicheskoi prestupnosti: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. – Moskva, 2018. – 33 s.
13. **Kameneva A.N.** Aktual'nye problemy kvalifikatsii i napravleniya protivodeistviya prestupleniyam, sovershaemym v sfere migratsii // Migrantsionnoe pravo. – 2021. – № 1. – С. 25–27.
14. **Mamontova E.A.** Nezakonnaya migratsiya v Rossii i voprosy obespecheniya natsional'noi bezopasnosti // Migrantsionnoe pravo. – 2018. – № 4. – С. 25–27.
15. **Andrichenko L.V., Plyugina I.V.** Migrantsionnoe zakonodatel'stvo Rossiiskoi Federatsii: tendentsii razvitiya i praktika primeneniya: monografiya. – Moskva: IZiSP: Norma: INFRA-M, 2019. – 392 s.
16. **Grigor'eva K.S., Mukomel' V.I.** Zadachi i realizatsiya reform migrantsionnogo zakonodatel'stva: presechenie nezakonnoi migratsii, ukreplenie pravoporyadka (okonchanie) // Migrantsionnoe pravo. – 2018. – № 3. – С. 9–13.
17. **Andryushenkov V.A.** Ustanovlenie ugovnoi otvetstvennosti za organizatsiyu nezakonnoi migratsii // Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informatsionnykh tekhnologii. – 2018. – № 3 (27). – С. 79–84.
18. **Zhubrin R.V.** Nezakonnaya migratsiya kak obshchestvenno opasnoe yavlenie // Migrantsionnoe pravo. – 2017. – № 1. – С. 28–31.
19. **Kozlov V.F., Luk'yanov A.S.** Konsolidatsiya natsional'nogo zakonodatel'stva v sfere protivodeistviya nezakonnoi migratsii // Rossiiskaya yustitsiya. – 2015. – № 3. – С. 22–25.
20. **Gir'ko S.I., Sandugei A.N.** O realizatsii Kontseptsii obshchestvennoi bezopasnosti v Rossiiskoi Federatsii v oblasti protivodeistviya ugrozam v migrantsionnoi sfere // Sovremennyi yurist. – 2014. – № 4. – С. 8–20.
21. **Kapinus O.S.** Nauchno-metodologicheskie podkhody k deyatel'nosti organov gosudarstvennoi vlasti po protivodeistviyu nezakonnoi migratsii na territorii Rossiiskoi Federatsii // Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava. – 2015. – Т. 9. – № 4. – С. 704–711.

(статья сдана в редакцию 25.02.2022)

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ
БЕЛАРУСЬ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ НЕЗАКОННОМУ
ОБОРОТУ НАРКОТИКОВ: ОТ ЭВОЛЮЦИИ
ФОРМИРОВАНИЯ ДО ТРАНСФОРМАЦИИ РЕАЛИЗАЦИИ**

**STATE POLICY OF THE REPUBLIC OF BELARUS ON
COMBATING ILLEGAL DRUG TRAFFICKING: FROM THE
EVOLUTION OF FORMATION TO TRANSFORMATION OF
IMPLEMENTATION**

УДК 343.976

Г.А. КАЗАКЕВИЧ
(Министерство внутренних дел
Республики Беларусь,
Республика Беларусь, Минск)

С.М. КАЗАКЕВИЧ,
кандидат юридических наук, доцент
(Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь,
Республика Беларусь, Минск)
kazakevich.bel@gmail.com

GENNADIY A. KAZAKEVICH
(Ministry of the Interior
the Republic of Belarus,
Minsk, Republic of Belarus)

SVETLANA M. KAZAKEVICH,
Candidate of Law, Associate Professor
(Academy of the Ministry of the Interior
the Republic of Belarus,
Minsk, Republic of Belarus)

Аннотация: в статье раскрываются проблемные аспекты реализации государственной политики Республики Беларусь по противодействию незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов на современном этапе развития общества. Приводятся факторы, обусловившие необходимость выработки антинаркотической политики государства по преодолению кризиса в рассматриваемом сегменте преступлений, который пришелся на 2014–2015 годы, указываются меры, реализация которых позволила стабилизировать наркоситуацию в стране. Обращается внимание, что предпосылкой трансформации антинаркотической политики послужили многочисленные обращения в государственные органы и организации заинтересованных граждан с предложениями по корректировке уголовного законодательства в сфере незаконного оборота наркотиков в части его либерализации. Смягчение наказания по частям 2, 3 статьи 328 «Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов» Уголовного кодекса Республики Беларусь в совокупности с иными внутренними и внешними факторами привело в 2021 году к резкому росту числа преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Подчеркивается, что дальнейшая либерализация действующего в стране законодательства в сфере незаконного оборота наркотиков не способна положительно повлиять на наркоситуацию, а лишь будет способствовать ее усугублению. Авторами отмечается, что в настоящее время минимизировать пагубное воздействие наркопроблемы возможно лишь при проведении более агрессивной профилактической работы всеми заинтересованными государственными органами, общественными объединениями и гражданами среди наиболее подверженных данному негативному социальному явлению слоев населения.

Ключевые слова: наркопреступность, преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, наркоситуация, антинаркотическая политика, прогноз наркопреступности.

Для цитирования: Казакевич Г.А., Казакевич С.М. Государственная политика Республики Беларусь по противодействию незаконному обороту наркотиков: от эволюции формирования до трансформации реализации // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2022. № 2. С. 76–83.

Abstract: the article reveals the problematic aspects of the implementation of the state policy of the Republic of Belarus to counter the illicit trafficking of narcotic drugs, psychotropic substances, their precursors and analogues at the present stage of the development of society. The factors that led to the need to develop an anti-drug policy of the state to overcome the crisis in the considered segment of crime, which fell in 2014–2015, indicates the measures, the implementation of which made it possible to stabilize the drug situation in the country. Attention is drawn to the fact that the precondition for the transformation of the anti-drug policy was the numerous appeals to state bodies and organizations of interested citizens with proposals for adjusting the criminal legislation in the field of drug trafficking in terms of its liberalization. The mitigation of punishment in parts 2, 3 of article 328 “Illegal trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances, their precursors and analogues” of the Criminal Code of the Republic of Belarus, together with other internal and external factors, led in 2021 to a sharp increase in the number of crimes related to drug trafficking. It is emphasized that further liberalization of the country’s legislation in the field of illegal drug trafficking is not capable of positively affecting the drug situation, but will only contribute to its aggravation. The authors note that at present, it is possible to minimize the harmful effects of the drug problem only if more aggressive preventive work is carried out by all interested state bodies, public associations and citizens among the strata of the population most susceptible to this negative social phenomenon.

Keywords: drug crime, crimes in the sphere of illegal drug trafficking, drug situation, anti-drug policy, drug crime forecast.

For citation: Kazakevich G.A., Kazakevich S.M. State policy of the Republic of Belarus on combating illegal drug trafficking: from the evolution of formation to transformation of implementation // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 2. P. 76–83.

Ситуация, связанная с незаконным оборотом наркотиков, не только в Республике Беларусь, но и во всем мире имеет динамический характер, который зависит от многочисленных внутренних и внешних факторов. Для выявления таких факторов и их дальнейшей нейтрализации на уровне государства предпринимается комплекс мер, закрепленных в различных документах, в числе которых – Программа по борьбе с преступностью и коррупцией на 2020–2022 годы¹, в которой отдельный раздел посвящен мероприятиям по предупреждению и пресечению преступлений, связанных с наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами и аналогами, Информационная стратегия по профилактике наркопотребления и противодействию незаконному обороту наркотиков в Республике Беларусь на 2020–2025 годы², комплексный план меропри-

ятий, направленных на принятие эффективных мер по противодействию незаконному обороту наркотиков, профилактике их потребления, в том числе среди детей и молодежи, социальной реабилитации лиц, больных наркоманией, на 2021–2022 годы³ и ряд других документов.

Необходимость выработки антинаркотической политики государства по преодолению кризиса в рассматриваемом сегменте преступлений, который пришелся на 2014–2015 годы, обусловлена следующими факторами:

1) в начале 2000-х годов на территорию Республики Беларусь стали массово поступать синтетические психотропные вещества, так называемые спайсы, доля которых в общей массе наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов доходила до 80%, что послужило причиной существенного изменения наркоситуации в стране. Первоначальная их доступность, вследствие отсутствия контроля со стороны государства, в совокупности с активным использованием глобальной компьютерной сети Интернет в качестве торговой площадки спровоцировала всплеск случаев отравления психоактивными веществами как среди взрослого населения,

¹ Программа по борьбе с преступностью и коррупцией на 2020–2022 годы: утверждена Решением республиканского координационного совещания по борьбе с преступностью и коррупцией 18.12.2019 № 20 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.sportedu.by/wp-content/uploads/2018/12/Programma-2020-2022-gg.pdf> (дата обращения: 30.12.2021); Мероприятия Программы по борьбе с преступностью и коррупцией на 2020–2022 годы [Электронный ресурс]. – URL: <https://pervoo-vitebsk.gov.by/files/00127/obj/110/14713/doc/%D0%9C%D0%B5%D1%80%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%B8%D1%8F%D1%82%D0%B8%D1%8F.pdf> (дата обращения: 30.12.2021).

² Информационная стратегия по профилактике наркопотребления и противодействию незаконному обороту наркотиков в Беларуси на 2020–2025 годы: утверждена заместителями Премьер-министра Республики Беларусь И.В. Петришенко и Ю.В. Назаровым 22 мая 2020 г. № 33/207-69/237 [Электронный ресурс]. – URL: <http://mininform.gov.by/upload/iblock/0a2/0a2b055f53f21e2d972bbe5414443e0c.pdf> (дата обращения: 30.12.2021).

³ Комплексный план мероприятий, направленных на принятие эффективных мер по противодействию незаконному обороту наркотиков, профилактике их потребления, в том числе среди детей и молодежи, социальной реабилитации лиц, больных наркоманией, на 2021–2022 годы: утвержден заместителем Премьер-министра Республики Беларусь И.В. Петришенко 26 февраля 2021 г. № 33/202-57/87 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.grsmu.by/files/file/university/otdely/vospitatelnoirabotu/files/metod/kompleks_plan_narkotiki.PDF (дата обращения: 30.12.2021).

так и несовершеннолетних, в том числе со смертельным исходом. Именно в 2014 году в республике зафиксирован случай гибели несовершеннолетнего от передозировки;

2) произошло существенное увеличение вновь выявленных наркозависимых лиц. Так, по состоянию на 1 января 2015 года число лиц, находящихся на профилактическом и диспансерном учетах учреждений здравоохранения страны за потребление психоактивных веществ, составило чуть более 15500 человек, в то время как по состоянию на аналогичный период 2010 года число таких лиц составляло немногим более 12350 человек (в 2011 году – 13280, в 2012 году – 13 800 человек) [1, с. 160]. Очевидно, что такая тенденция повлекла рост преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Криминологический мониторинг показывает, что в 2014 и 2015 годах количество зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков в Республике Беларусь, составило 7356 и 7296 соответственно и это максимальные показатели уголовно наказуемых деяний рассматриваемой категории за последние 30 лет в истории суверенной Республики Беларусь [2, с. 161]. Необходимо также отметить, что особую тревогу вызывала ситуация, связанная с вовлечением в наркопреступность несовершеннолетних. В 2015 году удельный вес подростков, осужденных за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, составил порядка 30% от общего числа осужденных несовершеннолетних, причем почти 40% из них было назначено наказание в виде лишения свободы на определенный срок.

Ключевым фактором, повлекшим изменение наркоситуации, стало принятие профильного Декрета Президента Республики Беларусь от 28 декабря 2014 г. № 6 «О неотложных мерах по противодействию незаконному обороту наркотиков» [3, с. 161; 4, с. 21]. В соответствии с Декретом внесены изменения в уголовное и административное законодательство, связанные с криминализацией отдельных действий с наркотиками, увеличением мер ответственности, снижением возраста уголовной ответственности за совершение преступлений в сфере незаконного наркооборота, связанных со сбытом и относящихся к категории тяжких и особо тяжких [5, с. 119]. Обозначенные шаги стали не только мерой противодействия распространению наркопреступности в Республике Беларусь, но и средством ее профилактики.

Избранный вектор государственной антинаркотической политики позволил стабилизировать наркоситуацию в стране, а динамика развития

криминогенной ситуации в рассматриваемой сфере, вплоть до 2021 года, позволяла констатировать ее эффективность. В подтверждение данному посылу можно привести следующие данные официальной статистики Министерства внутренних дел Республики Беларусь⁴, Верховного Суда Республики Беларусь.

Так, начиная с 2016 года наметилась устойчивая тенденция к снижению преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков. По отношению к базовому 2014 году в 2016 году их число сократилось на 12,2%, в 2017 году – на 25,5%, в 2018 году – на 32,3%, в 2019 году – на 37,3%, в 2020 году – на 50,8%⁵. Значительно снизилось число несовершеннолетних, осужденных за незаконный наркооборот: если в 2014 году их число составляло 146, в 2015 году – 295, в 2016 году – 228, то уже в 2017 году – 108, в 2018 году – 61, в 2019 году – 29, в 2020 году – 23 соответственно⁶. Таким образом, общее количество осужденных несовершеннолетних по ст. 327–332 Уголовного кодекса Республики Беларусь⁷ в 2020 году по отношению к 2014 году уменьшилось немногим более чем в 6 раз, а по сравнению с 2015 годом – почти в 13 раз. В рассматриваемый период более чем в 3 раза снизилось количество доставлений в учреждения здравоохранения в связи с отравлением психоактивными веществами, а среди несовершеннолетних – почти в 14 раз. Наблюдается также тенденция к снижению числа диспансерных пациентов с наркотической зависимостью [6, с. 131]. За последние 5 лет их число уменьшилось практически на 20%, прежде всего за счет уменьшения числа наркозависимых с 10488 до 7537

⁴ Далее – МВД Республики Беларусь.

⁵ Число зарегистрированных преступлений. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2021. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/d8c/yr1d8w95a75bhnumml7vbg6jqxyih369.pdf> (дата обращения: 03.01.2022).

⁶ Данные Верховного Суда Республики Беларусь за 2018 год о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.court.gov.by/ru/statistika/235e167a0b5348b5.html> (дата обращения: 03.01.2022); Данные Верховного Суда Республики Беларусь за 2020 год о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов [Электронный ресурс] // Верховный Суд Республики Беларусь. – URL: <http://www.court.gov.by/ru/statistika/bde7a3403f8041fc.html> (дата обращения: 03.01.2022).

⁷ Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3 [Электронный ресурс]. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275> (дата обращения: 16.12.2021); далее – УК Республики Беларусь.

и некоторого снижения числа наркопотребителей с 5303 до 5154⁸.

Однако, несмотря на достигнутые положительные результаты, в последние годы в различные государственные учреждения, в том числе МВД Республики Беларусь, поступали и продолжают поступать обращения граждан с предложениями по корректировке уголовного законодательства в сфере незаконного оборота наркотиков в части его либерализации. В подавляющем большинстве такие предложения исходят от лиц, которые привлечены к ответственности за сбыт наркотиков, либо их родственников. Объяснением тому может служить тот факт, что указанные лица преследуют лишь одну цель – скорейшее освобождение из исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы.

Наиболее активную позицию в этом направлении проявляют отдельные представители незарегистрированного общественного объединения «Движение матери 328», дети которых осуждены к длительным срокам лишения свободы за сбыт наркотиков. При этом следует обратить внимание на методы, применяемые указанными лицами и их сторонниками с целью привлечь к себе внимание общественности и представителей власти:

– приведение, в том числе посредством трансляции по ряду оппозиционных телеграмм-каналов, несоответствующих действительности сведений относительно числа лиц, отбывающих наказания за преступления по линии наркоконтроля (цифры по количеству осужденных завышаются в 2–3 раза);

– постоянная критика в адрес государственных органов и власти относительно проводимой в стране профилактической работы в данном направлении и игнорирование получаемой от должностных лиц информации о проделанной работе и достигнутых результатах;

– объявление в 2018 и 2019 годах голодовки⁹;

– обращение с иском в суд Центрального рай-

она Минска к МВД Республики Беларусь с требованием признать, что ведомство не проводило антинаркотических профилактических мероприятий в школах, не предупреждало о существовании интернет-магазинов, незаконно торгующих наркотиками, и это стало причиной совершения их детьми преступлений (иск рассмотрен 04.06.2019, в иске отказано)¹⁰;

– игнорирование предложений МВД Республики Беларусь о принятии активного участия в совместных профилактических мероприятиях, направленных на антинаркотическую пропаганду среди различных слоев населения.

Заслуживает внимания и тот факт, что проводимые акции сопровождались основным требованием – смягчить ответственность по ст. 328 УК Республики Беларусь – снизить сроки наказания по ч. 2 (незаконные с целью сбыта изготовление, переработка, приобретение, хранение, перевозка или пересылка либо незаконный сбыт наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов) и ч. 3 (действия, предусмотренные ч. 2 ст. 328, совершенные группой лиц, либо должностным лицом с использованием своих служебных полномочий, либо лицом, ранее совершившим преступление, предусмотренные ст. 327, 328, 329 или 331 УК Республики Беларусь, либо в отношении наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов в крупном размере, либо в отношении особо опасных наркотических средств, психотропных веществ, либо сбыт наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов на территории учреждения образования, организации здравоохранения, воинской части, исправительного учреждения, арестного дома, в местах содержания под стражей, лечебно-трудовом профилактории, в месте проведения массового мероприятия либо заведомо несовершеннолетнему) указанной статьи.

Анализируя поступающие предложения, МВД Республики Беларусь высказывало мнение, что их реализация негативно скажется на наркоситуации в стране, неизбежно последует рост преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, вовлечение в их оборот новых лиц, увеличение случаев передозировок.

Для научно обоснованного прогноза развития в стране криминологической ситуации, связанной с незаконным оборотом наркотиков, с указанием основных прогнозируемых показателей, целевых ориентиров, необходимых для принятия эффективных управленческих решений соответству-

⁸ Наркологическая помощь населению Республики Беларусь. 2014–2017 годы: информ.-стат. сб. / Республиканский научно-практический центр психического здоровья; сост.: А.А. Кралько [и др.]. – Минск: Колорград, 2018. [Электронный ресурс]. – URL: <https://mentalhealth.by/media/doc/narkologicheskajapomosch-2014-2017.pdf> (дата обращения: 18.12.2021).

⁹ Матери против 328: в Беларуси женщины объявили голодовку против репрессивной наркополитики [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.talkingdrugs.org/ru/materi-protiv-238-jbyavilii-golodovki> (дата обращения: 05.01.2022); Родственники осужденных за наркопреступления намерены объявить голодовку [Электронный ресурс]. – URL: <https://sputnik.by/20180426/rodstvenniki-osuzhdennykh-za-narkoprestupleniya-obyavlyayut-golodovku-1035059382.html> (дата обращения: 05.01.2022); Женщины из Гродно хотят присоединиться к голодовке-328 [Электронный ресурс]. – URL: <https://sputnik.by/20180504/zhenschiny-grodno-golodovka-328-1035196896.html> (дата обращения: 05.01.2022).

¹⁰ Суд отказал матерям осужденных за наркотики в иске к МВД [Электронный ресурс]. – URL: <https://sputnik.by/20190604/Sud-otkazal-materyam-osuzhdennykh-za-narkotiki-v-iske-k-MVD-1041440606.html> (дата обращения: 05.01.2022).

ющими субъектами системы предупреждения наркопреступлений и наркомании, в 2019 году МВД Республики Беларусь было инициировано проведение исследования в данном направлении [7, с. 131–132]. Прогноз осуществлялся посредством применения метода статистической экстраполяции, метода экспертной оценки и ряда других методов исследования преступности. Так, используя первый метод, суть которого заключается в нахождении по известным значениям динамического ряда других значений, лежащих за его пределами, специалисты сделали прогностический вывод относительно сохранения тенденции снижения количества преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков при условии, что факторный комплекс, оказывающий влияние на преступления данного вида, не подвергнется существенным изменениям (в 2020 году прогнозировалось совершение 3800 преступлений, в 2021 году – 3200).

Для прогноза развития наркоситуации с применением метода экспертной оценки была подобрана группа экспертов в количестве 20 человек. В их число вошли специалисты в области юридических наук, имеющие ученую степень и ученое звание и выполняющие исследования, связанные с наркопреступностью и наркоманией, а также представители научных организаций, государственных органов, служебные обязанности которых связаны с борьбой с преступностью, в том числе с незаконным оборотом наркотиков и наркоманией, информационными технологиями в правовой сфере. Посредством оценки статистических данных, включающих в себя абсолютные показатели динамики, роста или снижения, ежегодные темпы роста, прироста, включая к базовому 1990 году, им было предложено по личному усмотрению перенести, определить возможные направления развития наркопреступности, темп изменений данной разновидности преступлений на ближайшую перспективу при условии сохранения нынешней стабильной ситуации в стране, наступательной уголовно-правовой борьбы с наркопреступностью и ее профилактики. Полученные прогностические оценки 80% экспертов также указывают на сохранение наметившейся тенденции снижения количества наркопреступлений в 2020 и 2021 годах, что аналогично указанному выше результату прогноза, выполненного с использованием компьютерных технологий (остальные 20% экспертов указали на рост преступлений данной группы в предстоящие два года) [5, с. 155–156]. С учетом того, что, по данным официальной статистики, число зарегистрированных преступлений, связанных с незаконными действиями в отношении наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов, в 2020 году

составило 3620, с полной уверенностью можно говорить, что сделанный специалистами прогноз относительно количества наркопреступлений вполне оправдался (на данный период показатель указанного вида преступлений прогнозировался в объеме 3800 преступлений). Таким образом, погрешность в расчете составила не более 5%, что вполне допустимо. Велика вероятность, что прогностические оценки развития наркопреступности в 2021 году также были бы оправданы при условии сохранения и дальнейшей реализации выработанной антинаркотической политики, доказавшей свою эффективность.

В то же время на фоне прогрессирующей положительной динамики в рассматриваемом сегменте преступности на протяжении нескольких лет идет постоянное лоббирование отдельными заинтересованными лицами изменения уголовного законодательства в сфере незаконного оборота наркотиков в сторону его либерализации. Правоохранительные и иные государственные органы неоднократно выражали свое несогласие с таким подходом в борьбе с наркопреступностью, опасаясь роста наркопотребления и, соответственно, увеличения числа преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, иных сопутствующих негативных проявлений. Вместе с тем в 2019 году в ст. 328 «Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов» УК Республики Беларусь были внесены изменения, касающиеся снижения нижнего предела санкций по части 2 и части 3 статьи, – сроки наказания в виде лишения свободы по данной статье снизились на два года: с пяти до трех лет по части 2 и с восьми до шести лет по части 3.

На категории лиц, осужденных за незаконный оборот наркотиков, отразилась также и гуманизация уголовной и уголовно-исполнительной политики страны. В результате такого подхода в 2019–2020 годах часть таких осужденных была освобождена из исправительных учреждений условно-досрочно, многим наказание заменено более мягким (исправительными работами, ограничением свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа, ограничением свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа).

Кроме того, в 2020 году исполнены два акта об амнистии на основании законов Республики Беларусь от 19 июля 2019 г. № 230-З «Об амнистии в связи с 75-летием освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков» и от 18 мая 2020 г. № 17-З «Об амнистии в связи с 75-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов». По итогам реализации указанных законов из учреждений уголовно-исполнительной системы

страны освобождено достаточно большое число осужденных за наркопреступления, значительному количеству лиц срок наказания сокращен на один год, несовершеннолетним – на два года.

Указанные обстоятельства в совокупности со сложной эпидемиологической ситуацией, связанной с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19), а также имевшие место политические события в стране 2020 года в определенной степени ослабили влияние со стороны всех заинтересованных органов и организаций на профилактическую составляющую борьбы с незаконным оборотом наркотиков, в результате чего, как и предполагалось специалистами подразделений МВД Республики Беларусь, чья профессиональная деятельность связана с противодействием наркопреступности, в 2021 году произошел резкий рост числа преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков.

Анализируя статистические данные, характеризующие криминогенную ситуацию в рассматриваемом сегменте преступлений, отметим, что на повышение уровня наркоугрозы в стране указывают следующие цифры: рост наркопреступлений в 2021 году по сравнению с предыдущим составил 31%, а по чч. 2–5 ст. 328 УК Республики Беларусь – 43%. На 24% увеличилось число преступлений, совершенных ранее судимыми лицами. В два раза увеличилось количество оконченных расследованием преступлений, совершенных группой лиц, в четыре раза – совершенных в составе организованной группы. Имеет место рост изъятых наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров более чем в четыре раза с одновременным увеличением числа выявленных нарколабораторий, помещений, оборудованных для выращивания наркосодержащих растений. Серьезную тревогу вызывает рост передозировок. В 2021 году, по сравнению с 2020 годом, число случаев отравления наркотиками увеличилось на 46%, а с летальным исходом на 57% (сравнимые показатели по числу смертельных отравлений наблюдались лишь в 2016 году). Значительно увеличилось число несовершеннолетних, вовлеченных в незаконный наркооборот. В 2021 году отмечается рост более чем в два раза числа выявленных наркопреступлений, совершенных с участием лиц указанной категории, почти в четыре раза по сравнению с минувшим годом возросло количество несовершеннолетних, которым органами предварительного следствия предъявлены обвинения по фактам совершения уголовно наказуемых деяний в сфере незаконного оборота наркотиков. При этом следует обратить внимание на тот факт, что несовершеннолетние не только принимают участие в качестве рядовых исполнителей в со-

ставе преступных групп, занимающихся сбытом наркотиков, но и самостоятельно занимаются организацией наркобизнеса [8]. Вызывает обеспокоенность и тот факт, что число передозировок наркотиками среди несовершеннолетних в 2021 году, по сравнению с прошлым годом, увеличилось почти в десять раз¹¹.

Таким образом, мы вынуждены констатировать, что в настоящее время в Республике Беларусь ситуация в сфере незаконного оборота наркотиков значительно ухудшилась. Принятый государством на основе мнений определенных объединений граждан ряд послаблений в виде снижения санкций по чч. 2, 3 ст. 328 УК Республики Беларусь, реализации актов амнистии и т.д. не возымел положительного эффекта. Совершенно очевидно, что дальнейшая либерализация действующего в стране законодательства в сфере незаконного оборота наркотиков не способна положительно повлиять на наркоситуацию, а лишь будет способствовать ее усугублению.

В этой связи видится необходимым активизировать консолидацию заинтересованных государственных органов, общественных объединений и граждан по проведению более агрессивной профилактической работы в части пропаганды здорового образа жизни, доведения до различных слоев населения информации о неотвратимости наказания за незаконный оборот наркотиков и т.д. с тем, чтобы минимизировать пагубное воздействие наркопроблемы, в первую очередь на молодое поколение.

В качестве положительного примера взаимодействия государственных структур в части противодействия наркоугрозе можно привести МВД Республики Беларусь и Министерство образования Республики Беларусь, сотрудники которых в 2021 году, в целях стабилизации криминогенной ситуации в сфере незаконного оборота наркотиков, разработали и реализовали комплекс дополнительных профилактических мероприятий, среди которых – следующие: проведение мониторинга наглядной информации профилактического характера, размещенной на стендах в учреждениях общего среднего, профессионально-технического, среднего специального и высшего образования; инициирование рабочих встреч с администрациями учреждений образования и педагогическим составом, в ходе которых последние информировались о наркоситуации в регионе, рисках вовлечения молодежи в наркооборот; организация работы с родителями, в том числе посредством выступлений на родительских собраниях, демонстрации видео-

¹¹ Данные официальной статистики предоставлены Информационным центром МВД Республики Беларусь.

материалов антинаркотической направленности; обеспечение дополнительного контроля за образом жизни учащихся в выходные и праздничные дни, проявление особого внимания подросткам, состоящим на учете в органах внутренних дел, и ряд других мероприятий.

Мы полагаем, что в современных реалиях прогрессивным методом профилактики распространения наркомании и связанной с ней преступности в контексте реализации государственной антинаркотической политики является вовлечение родителей в подобного рода работу. Координацию деятельности государственных органов по реализации такого метода профилактики взяло на себя МВД Республики Беларусь. По инициативе ведомства на каналах радиостанций FM-диапазона транслируются аудиоролики, призывающие взрослых обратить внимание на своих детей, их поведение, общение в сети Интернет, переписку в чатах. В Министерство

образования Республики Беларусь направлены письма о вовлечении родителей в решение проблемы наркомании и наркопреступности посредством школьных родительских чатов, а также лекционные материалы для их использования в профилактической работе с родителями и детьми. Помимо этого ведется работа по созданию обучающего видеоматериала для родителей по методике общения (разговора) с детьми на тему потребления наркотиков и совершения правонарушений.

Представляется, что только дальнейшая скоординированная работа всех заинтересованных государственных органов, общественных объединений, средств массовой информации и граждан, направленная на первичную профилактику наркопотребления и преступности в сфере незаконного оборота наркотиков, приведет к стабилизации обстановки в стране в указанном сегменте преступлений.

Литература

1. Причины латентности наркомании, эффективность методик реабилитации и лечения, мер профилактики и предупреждения, прогнозирование развития наркоситуации, направления корректировки мер по противодействию наркоугрозе, в том числе путем изменения законодательства (криминологические, социологические, медицинские и иные исследования) / А.В. Башан, С.М. Казакевич, А.А. Александров [и др.]. – Минск, 2020. – 310 с.
2. **Казакевич С.М.** Роль криминологической составляющей в оценке некоторых тенденций наркопреступности на территории Республики Беларусь // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов: тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф. – Минск, 2021. С. 161–162.
3. **Пономарев А.В.** О некоторых актуальных направлениях исследования преступности, связанной с незаконным оборотом наркотиков // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов: тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф. – Минск, 2020. С. 276.
4. **Дрозд А.Н.** Отдельные вопросы квалификации преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: сб. науч. тр. – Минск: Право и экономика, 2017. Вып. 2/42. С. 21–27.
5. Проблемы борьбы с наркоманией и незаконным оборотом наркотиков: монография / В.А. Ананич [и др.]; под науч. ред. В.А. Ананича. – Минск, 2021. – 318 с.
6. **Кашинский М.Ю., Кралько А.А.** Система специализированных мер по предупреждению наркомании и ее социально-негативных последствий // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2019. – № 1 (37). – С. 131–135.
7. **Ананич В.А.** Теоретические основы криминологического прогнозирования незаконного оборота наркотиков и наркомании // Актуальные вопросы современной криминологической и уголовно-исполнительной науки: тез. докл. Междунар. науч.-практ. заоч. конф. – Минск, 2020. С. 131–133.
8. **Казакевич Г.А.** Борьба с причиной, а не с последствиями [Электронный ресурс]. – URL: <https://mvd.gov.by/ru/news/8879> (дата обращения: 05.01.2022).

References

1. Prichiny latentnosti narkomanii, effektivnost' metodik reabilitatsii i lecheniya, mer profilaktiki i preduprezhdeniya, prognozirovaniye razvitiya narkosituatsii, napravleniya korrrektirovki mer po protivodeistviyu narkougroze, v tom chisle putem izmeneniya zakonodatel'stva (kriminologicheskie, sotsiologicheskie, meditsinskie i inye issledovaniya) / A.V. Bashan, S.M. Kazakevich, A.A. Aleksandrov [i dr.]. – Minsk, 2020. – 310 s.
2. **Kazakevich S.M.** Rol' kriminologicheskoi sostavlyayushchei v otsenke nekotorykh tendentsii narkoprestupnosti na territorii Respubliki Belarus' // Problemy bor'by s prestupnost'yu i podgotovki kadrov dlya pravookhranitel'nykh organov: tez. dokl. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. – Minsk, 2021. S. 161–162.
3. **Ponomarev A.V.** O nekotorykh aktual'nykh napravleniyakh issledovaniya prestupnosti, svyazannoi s nezakonnym oborotom narkotikov // Problemy bor'by s prestupnost'yu i podgotovki kadrov dlya pravookhranitel'nykh organov: tez. dokl. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. – Minsk, 2020. S. 276.
4. **Drozd A.N.** Otdel'nye voprosy kvalifikatsii prestuplenii, svyazannykh s nezakonnym oborotom narkoticheskikh sredstv, psikhotropnykh veshchestv, ikh prekursorov ili analogov // Voprosy kriminologii, kriminalistiki i sudebnoi ekspertizy: sb. nauch. tr. – Minsk: Pravo i ekonomika, 2017. Vyp. 2/42. S. 21–27.
5. Problemy bor'by s narkomaniey i nezakonnym oborotom narkotikov: monografiya / V.A. Ananich [i dr.]; pod nauch. red. V.A. Ananicha. – Minsk, 2021. – 318 s.

6. **Kashinskii M.Yu., Kral'ko A.A.** Sistema spetsializirovannykh mer po preduprezhdeniyu narkomanii i ee sotsial'no-negativnykh posledstviy // Vestnik Akademii MVD Respubliki Belarus'. – 2019. – № 1 (37). – S. 131–135.

7. **Ananich V.A.** Teoreticheskie osnovy kriminologicheskogo prognozirovaniya nezakonnogo oborota narkotikov i narkomanii // Aktual'nye voprosy sovremennoi kriminologicheskoi i ugolovno-ispolnitel'noi nauki: tez. dokl. Mezhdunar. nauch.-prakt. zaoch. konf. – Minsk, 2020. S. 131–133.

8. **Kazakevich G.A.** Borot'sya s prichinoy, a ne s posledstviyami [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://mvd.gov.by/ru/news/8879> (data obrashcheniya: 05.01.2022).

(статья сдана в редакцию 27.01.2022)

**СИТУАЦИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ:
ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ
(ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)**

**SITUATION OF INFORMATION UNCERTAINTY: FEATURES
OF CRIMINALISTIC ASSESSMENT (APPLICABLE TO THE
LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS)**

УДК 343.98

Б.В. АСАЁНОК,
кандидат юридических наук, доцент
(Международный университет «МИТСО»,
Республика Беларусь, Минск)
boris.asayonok@gmail.com

BORIS V. ASAYONOK,
Candidate of Law, Associate Professor
(International University «MITSO»,
Minsk, Republic of Belarus)

Аннотация: статье рассмотрены вопросы криминалистической оценки ситуации информационной неопределенности применительно к деятельности органов административной и уголовной юрисдикции. За основу такой ситуации берется криминалистическое учение о следственных (криминалистических) ситуациях и практические ситуации выявления и пресечения правонарушений, когда невозможна или затруднительна их однозначная юридическая квалификация. На основе анализа таких ситуаций формулируются рекомендации криминалистического характера, а также предложения по широкому общеправовому подходу к оценке доказательств в административном и уголовном процессах. Эти предложения касаются ограничения излишнего государственного принуждения путем применения более адекватных сложившейся криминалистической ситуации мер выявления и пресечения правонарушений. Это позволяет не только в большей степени обеспечить процессуальные гарантии прав и свобод граждан, но и сократить затраты государственных органов на осуществление юрисдикционных полномочий. Предлагаемые рекомендации по совершенствованию законодательства позволяют в полной мере без осуществления дублирующих процессуальных действий использовать в уголовном процессе доказательства, которые получены в административном процессе.

Ключевые слова: ситуация информационной неопределенности, криминалистическая ситуация, административная юрисдикция, уголовная юрисдикция, криминалистическая оценка.

Для цитирования: Асаёнок Б.В. Ситуация информационной неопределенности: особенности криминалистической оценки (применительно к законодательству Республики Беларусь) // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2022. № 2. С. 84–89.

Abstract: this article discusses the issues of criminalistic assessment of the situation of information uncertainty in relation to the activities of the bodies of administrative and criminal jurisdiction. Such a situation is based on the criminalistic doctrine of investigative (criminalistic) situations and practical situations of identifying and suppressing offenses, when their unambiguous legal qualification is impossible or difficult. Based on the analysis of such situations, recommendations of a criminalistic nature are formulated, as well as proposals for a broad general legal approach to the assessment of evidence in administrative and criminal proceedings. These proposals relate to the limitation of excessive state coercion through the use of measures that are more adequate to the current criminalistic situation for identifying and suppressing offenses. This allows not only to provide a greater degree of procedural guarantees of the rights and freedoms of citizens, but also to reduce the costs of state bodies for the realization of jurisdictional powers. The proposed recommendations for improving the legislation make it possible to fully, without the implementation of duplicate procedural actions, use the evidence obtained in the administrative process in the criminal process.

Keywords: situation of information uncertainty, criminalistic situation, administrative jurisdiction, criminal jurisdiction, criminalistic assessment.

For citation: Asayonok B.V. Situation of information uncertainty: features of criminalistic assessment (applicable to the legislation of the Republic of Belarus) // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 2. P. 84–89.

Учение о криминалистических ситуациях является одним из самых традиционных и разработанных в криминалистической методике. Имеется большое количество работ, посвященных данной проблематике [1; 2; 3; 4 и др.]. Среди видов ситуаций, кроме следственной, также называют оперативную, оперативно-следственную (или правоприменительную) [2, с. 79]. Д.В. Ким делит криминалистические ситуации на возникающие в сфере криминальной деятельности, возникающие в сфере оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности и возникающие в сфере научной криминалистической деятельности [3, с. 71].

В частности, В.А. Карлеба в качестве обязательного элемента следственной ситуации определяет противоречия в обстоятельствах дела [2, с. 78]. Этот же автор, говоря о сути понятия «следственная ситуация», указывает на ее уголовно-процессуальный характер [2, с. 80]. При этом не обращается внимания на то, что наука уголовного процесса не заинтересовалась следственными ситуациями настолько, чтобы создать отдельное учение. И то, что следственная ситуация используется в уголовно-процессуальных реалиях, ничуть не меняет ее криминалистического характера. Как не меняет этого характера возможность использования криминалистических ситуаций в административном процессе.

Типологий и классификаций криминалистических ситуаций огромное множество. Мы же считаем необходимым обсудить один из наиболее проблемных видов – ситуацию информационной неопределенности. Данный термин не является чем-то новым в криминалистике. Так, к примеру, определяют сложную ситуацию с неопределенностью исходных данных Л.Я. Драпкин и А.Е.Шуклин [5], Д.А. Солодов [6]. Считаем возможным согласиться с такой постановкой вопроса, поскольку на практике достаточно распространенной является первоначальная ситуация выявления противоправного деяния, которое с определенной вероятностью в последующем может быть квалифицировано и как преступление, и как административное правонарушение.

Вместе с тем вопрос о криминалистических ситуациях применительно к криминалистическому обеспечению административного процесса и дознания в отечественной науке в должной мере не поднимался. Этот вопрос касается ситуаций, когда факт нарушения законодательства уже установлен, но еще не ясно, в рамках административного или уголовного процесса следует вести доказывание. Именно к этой проблематике мы и считаем необходимым привлечь внимание в контексте ситуации информационной неопределенности.

В криминалистической методике, трансформируемой к нуждам административного процесса, одним из наиболее сложных и интересных является вопрос о криминалистических ситуациях первоначального этапа ведения административного процесса (на момент обнаружения при-

знаков административного правонарушения). Сложность данного вопроса в том, что во многих случаях на момент выявления того либо иного противоправного явления имеет место ситуация информационной неопределенности, когда:

- имеется информация о возможном совершении в прошлом какого-либо нарушения законодательства, отнесение которого к административной или уголовной деликтности не разрешено;

- имеется информация о возможном совершении в будущем противоправного деяния с неустановленной отраслевой противоправностью;

- установлен факт нарушения законодательства, но нерешенным остается вопрос об отнесении нарушения к преступлению или административному правонарушению;

- нарушение законодательства выявляется должностным лицом или органом, объективно не обладающим достаточной компетенцией для квалификации противоправного деяния, и в некоторых иных случаях.

При выявлении подобных противоправных деяний органом административной или уголовной юрисдикции оценка криминалистической ситуации будет серьезно различаться. Наибольшей эффективностью, как видится, здесь обладает орган, который совмещает и административную, и уголовную юрисдикцию. Наиболее характерными примерами таких органов для Республики Беларусь являются органы внутренних дел, органы пограничной службы и таможенные органы. Они совмещают в себе и полномочия органов дознания, и полномочия органов, ведущих административный процесс, и полномочия субъектов оперативно-розыскной деятельности. Такое разнообразие функций, кстати, вызывает вопросы в оценке первоначальных ситуаций, поскольку даже опрошенные нами сотрудники прокуратуры не смогли однозначно ответить о приоритете процессуальных и непроцессуальных средств и методов выявления и пресечения административных правонарушений. Мнения чуть более 1/3 из них склонилось к приоритету процессуальных средств и методов, еще чуть менее 1/3 посчитали преимущественными непроцессуальные средства и методы, а почти 1/3 вообще затруднилась ответить.

Такое совмещение юрисдикционных полномочий не есть правило для всех правоохранительных органов. С учетом этого последующее рассмотрение ситуации информационной неопределенности будет проводиться в субъектном контексте:

- применительно к органу административной юрисдикции, не имеющему полномочий в сфере уголовной юрисдикции (орган, ведущий только административный процесс);

- применительно к органу уголовной юрисдикции, не имеющему широкой административной юрисдикции (к примеру, следователь Следственного комитета Республики Беларусь может

составлять протоколы об административных правонарушениях только по узкому перечню правонарушений, касающихся нарушения обязанностей участниками процессуальных действий);

– применительно к органу, обладающему в равной мере и административной, и уголовной юрисдикцией.

Орган, уполномоченный законодательством вести административный процесс (в Российской Федерации – производство по делам об административных правонарушениях) и не имеющий полномочий в сфере уголовного процесса, должен ограничиться констатацией наличия или отсутствия в выявленном деянии признаков административного правонарушения¹. Его усмотрение относительно признаков общественно опасного деяния не имеет характера правовой квалификации и будет рассматриваться органом уголовного преследования в качестве такого повода к возбуждению уголовного дела, как сообщения должностных лиц государственных органов, иных организаций (ст. 170 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь)². Вместе с тем его организационно-тактическое и управленческое воздействие на ситуацию информационной неопределенности имеет место, и оно может содержать криминалистические аспекты. Криминалистическая оценка, возникающая при установлении органом, ведущим административный процесс, ситуации нарушения законодательства, включает следующие аспекты:

1) каков источник получения информации об административном правонарушении (повод к началу административного процесса), имеет ли он самостоятельное доказательственное значение;

2) очевидны ли признаки административного правонарушения или необходимы специальные меры для установления этих признаков;

3) есть ли необходимость в применении специальных компетенций (знаний) и какого характера, необходимо ли привлечение специалиста и назначение экспертиз;

4) какие действия административно-юрисдикционного характера можно провести для собирания доказательственной информации;

5) есть ли необходимость в проведении процессуальных действий, если да, то каких.

При установлении органом административной юрисдикции признаков административного правонарушения, по которому ведение административного процесса относится к полномочиям

другого органа, сообщение о выявлении административного правонарушения направляется в данный орган, но и здесь криминалистическая оценка ситуации не исключена. В частности, она касается возможности проведения административно-юрисдикционных действий для закрепления первичной информации об административном правонарушении в тех случаях, когда такая информация по различным причинам может быть уничтожена или претерпеть существенные изменения. В этом случае значимые в доказательственном плане результаты административно-юрисдикционных действий могут приобщаться к направляемому сообщению.

Как ситуации с большим уровнем информационной неопределенности следует определить те ситуации, когда:

а) имеются признаки нарушения законодательства, однако следовая картина не позволяет в полной мере дать квалификацию правонарушения;

б) имеются сведения о возможном совершении противоправного деяния в будущем определенным или неустановленным лицом.

Ситуация информационной неопределенности может иметь место практически на каждом из этапов административного процесса, предполагающем принятие определенного процессуального решения по делу об административном правонарушении. В более общем плане такая ситуация получает свое выражение применительно к положениям ч. 1 ст. 6.15 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь³, где говорится об оценке достаточности доказательств для принятия решения по делу об административном правонарушении. Очевидно, что устранение недостаточности доказательств (информационной неопределенности для принятия решения по делу) не есть только процессуальный вопрос. Это требует комплексной, в ряде случаев криминалистической оценки предпринятых мероприятий, возможностей к расширению доказательственной базы и др. Это хорошо прослеживается в ч. 2 ст. 9.1 ПИКоАП, где говорится об основаниях к началу административного процесса.

В дидактическом плане не следует считать целесообразным отражение указанных рекомендаций в каких-либо самостоятельных учебных изданиях криминалистического характера. По нашему мнению, такие криминалистические рекомендации могут эффективно работать только в сфере ведомственного правотворчества и (или) доводиться при осуществлении профессиональной (служебно-должностной) подготовки соответствующих сотрудников, а также в процессе специализированных курсов (семинаров) повышения квалификации. При

¹ К примеру, проведенное нами анкетирование сотрудников органа энергонадзора в качестве органа административной юрисдикции показало приоритет использования непроцессуальных документов при выявлении и пресечении административных правонарушений (около 85% опрошенных составляют акт проверки).

² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (ред. от 06.01.2021) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.

³ Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (ред. от 06.01.2021) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021; далее – ПИКоАП.

этом не следует излишне обременять указанные рекомендации специальной криминалистической лексикой, а сделать их максимально удобными к применению именно в данном субъекте ведения административного процесса.

Таким образом, оценка ситуации информационной неопределенности в органе, обладающем исключительно административной юрисдикцией, имеет свое разрешение в контексте установления компетенции органа по ведению административного процесса. Частью такой оценки является установление возможности сбора доказательственной информации.

Применительно к деятельности следователя о ситуации информационной неопределенности следует говорить применительно к вопросам наличия или отсутствия достаточной информации, позволяющей принять то либо иное процессуальное решение, определяющее судьбу предварительного расследования. Информационная неопределенность преодолевается следователем с использованием широкого перечня средств и методов: уголовно-процессуальных, криминалистических и оперативно-розыскных. Как видится, в силу своей основной функции (осуществление предварительного расследования) следователем ситуация информационной неопределенности на первоначальном этапе выявления противоправного деяния рассматривается преимущественно в уголовно-процессуальном ключе. При выявлении следователем признаков административных правонарушений ПИКоАП дает ему лишь ограниченный вариант действий – направить сообщение о правонарушении в порядке ст. 9.3 ПИКоАП. Исключением являются административные правонарушения против порядка деятельности органов уголовной юрисдикции, которые отнесены в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 3.30 ПИКоАП к подведомственности следователя и органа дознания. Последнее полномочие предусматривает возможность вариативного реагирования на поведение соответствующих участников уголовного процесса в зависимости от оценки ситуации. Так, ситуация противодействия расследованию, проявляемая в различных формах, может быть преодолена как уголовно-процессуальными и криминалистическими мерами, так и мерами административного принуждения путем привлечения к административной ответственности.

Для органа дознания, облеченного также функцией ведения административного процесса, многим правоприменителям видится логичным разрешать ситуацию информационной неопределенности в отношении выявляемого факта противоправного деяния преимущественно в рамках уголовно-процессуального законодательства. Речь идет о проведении проверки на стадии возбуждения уголовного дела. Такой подход является преобладающим, по-видимому, в связи с тем, что полученные в уголовном процессе доказательства без труда могут быть

применены в качестве доказательств в административном процессе. Доказательства же, полученные в административном процессе, с большим трудом приобретают статус доказательств в процессе уголовном⁴.

Совсем иная ситуация будет иметь место, когда в ходе административного процесса будет установлено, что деяние следует квалифицировать не как административное правонарушение, а как преступление. Если в данном административном процессе назначалась и проводилась судебная экспертиза, то ее результаты будут оцениваться в порядке ст. 100 УПК Республики Беларусь и при наличии возможности по тому же предмету будет назначена и проведена экспертиза в уголовном процессе. Дело в том, что в одном случае эксперт предупреждался об ответственности за дачу заведомо ложного заключения по административному законодательству, а в другом – по уголовному. Подобная ситуация касается и иных административно-процессуальных доказательств. Поэтому при наличии даже минимальных возможностей квалификации деяния в качестве преступления коллизия в выборе применимого законодательства органом дознания разрешается в пользу уголовно-процессуального закона.

Такое положение нельзя считать правильным по ряду причин. Во-первых, возможность использования процессуального инструментария административного и уголовного процессов лежит в плоскости правильной квалификации деяния. Проблемы наличия смежных составов административных правонарушений и преступлений и коллизии административно-процессуальных и уголовно-процессуальных норм известны в российской юридической науке [7].

Установление сути наличествующих материально-правовых отношений с неизбежностью должно порождать установление адекватных процессуальных правоотношений. Приоритетное применение уголовно-процессуальных мер для установления обстоятельств противоправного деяния в условиях информационной неопределенности уже провоцирует обвинительный уклон и делает преимущественной версию о наличии именно преступления, а не административного правонарушения. В свою очередь, меры уголовно-процессуального принуждения концентрируют в себе больший объем и меру государственного принуждения, чем меры принуждения административно-процессуального. Логично будет считать нарушением законных интересов лица необходимость подвергаться большей мере государственного принуждения, чем это предусмотрено сутью совершенного им противоправ-

⁴ О необходимости учета результатов непроцессуального осмотра и досмотра в качестве полноправного источника доказательств в административном процессе, не требующего проведения процессуального осмотра, заявили 75% опрошенных нами сотрудников таможенных органов. Те же опрошенные сотрудники абсолютным большинством (70%) признали, что подобная ситуация невозможна в уголовном процессе.

ного деяния, а далее неправильная квалификация, сопряженная с инерцией процессуальной деятельности, помноженной на возможный обвинительный уклон, с большей вероятностью может дать незаконное привлечение к иному, более суровому виду ответственности, то есть, возбудив уголовное дело, но имея равную возможность начать административный процесс, орган дознания будет стремиться доказать правоту своих действий, пока противоположное не станет абсолютно очевидным. К этому его толкают принцип публичности и логика доказывания, определяющие, что неочевидное преступление следует вскрыть и доказать. Поэтому все собираемые факты будут группироваться вокруг возможно ошибочной версии о том, что имеет место преступление, а не административное правонарушение. Собираемые таким образом доказательства могут в дальнейшем создать неверное представление о противоправном деянии и у суда.

Во-вторых, и административный процесс, и уголовный являются установленными законом процедурами, обладающими стабильной процессуальной формой, что обеспечивает качество собираемых доказательств. Поэтому ставить во главу угла только критерий допустимости доказательств, полученных в административном процессе, противопоставляя его критериям относимости, достоверности и достаточности, нельзя считать в полной мере оправданным. Говорить о преимуществе допустимости в ущерб иным критериям есть упрощение самого процесса оценки доказательств. Доказательства в уголовном процессе не являются более достоверными, чем доказательства в процессе административном, лишь на том основании, что получение некоторых из них (показания свидетелей и потерпевших, заключение эксперта) обеспечено наличием уголовно-правовых санкций, и наоборот.

Одним из весомых аргументов в пользу значимости доказательств должно быть определение их достоверности, то есть их способности объективно отражать картину противоправного деяния. И здесь в определении значимости доказательств нет более важного союзника, чем криминалистика. Соответствие процесса собирания и проверки доказательств научно обоснованным и апробированным криминалистическим рекомендациям – вот что является предпосылкой получения объективного и закономерно результата в процессе доказывания. И уже вторично – уголовное ли это дело или дело об административном правонарушении. Если путь к установлению сути противоправного деяния осуществляется с использованием единой криминалистической методологии, то и результаты такой познавательной деятельности достоверны при разных процессуальных формах. В белорусской криминалистике сделаны серьезные шаги для создания единой теории доказывания [8].

К тому же следует помнить и о принципе процессуальной экономии. Если доказательства

являются относимыми, то есть доказывают один и тот же факт противоправного деяния как в административном процессе, так и в уголовном, а их качественно-количественная характеристика позволяет принять законное и обоснованное решение по соответствующему делу, то такие доказательства, полученные согласно установленной законодательством процедуре, должны считаться равными по юридической силе.

В ситуации информационной неопределенности, используя средства и методы криминалистики, орган дознания должен в первую очередь разрешить более широкий вопрос – вопрос о применении законодательства: и материально-правовом, и процессуальном. Мы согласны с А.А. Затолокиным, который применительно к российскому законодательству отмечал: «Если в вопросах смежных составов имеется определенная ясность, то проблема тактических особенностей процессуального перехода административного производства в уголовное (и наоборот) в праве по-прежнему не урегулирована» [7, с. 106].

С учетом этого в дидактическом плане для сотрудников органов предварительного расследования обучение криминалистическому обеспечению только предварительного расследования не является в полной мере достаточным. Важным также является раскрытие криминалистического потенциала административного процесса, развитие тактических аспектов административно-процессуальных действий и административно-юрисдикционной деятельности.

Результаты проведенного изучения говорят о необходимости следующих мер для разрешения криминалистических ситуаций информационной неопределенности на первоначальном этапе выявления противоправных деяний и в их последующем доказывании:

1) ситуация информационной неопределенности не является чем-то абсолютно новым для криминалистической теории. В контексте данного исследования мы рассматриваем ее как ситуацию, при которой одно и то же деяние может быть впоследствии квалифицировано и как преступление, и как административное правонарушение;

2) эта ситуация в правоприменительной практике может иметь различное разрешение в зависимости от того, какой юрисдикцией (административной и уголовной) обладает правоприменительный орган. В зависимости от этого можно говорить о различных подходах у органов, обладающих преимущественно административной или уголовной юрисдикцией, а также об особенностях оценки ситуации органом, который обладает и административной, и уголовной юрисдикцией;

3) в настоящее время при оценке ситуации информационной неопределенности нарушение законодательства с большей вероятностью будет преступлением. Однако криминалистически верным будет решение поэтапно оценивать возможность квалификации сначала как административ-

ного правонарушения, а потом как преступления;

4) для такого решения очень важно, чтобы доказательства оценивались исходя из возможности их использования в доказывании. Здесь решение невозможно только одними криминалистическими способами. Равенство источников доказательств должно постулироваться всеми процессуальными кодексами;

5) стык уголовного и административного процессов должен находить отражение в кри-

миналистической дидактике; сотрудники органов предварительного расследования должны знать о криминалистических возможностях взаимного перехода источников доказательственной информации из одного вида процесса в другой;

6) указанные меры будут способствовать и соблюдению принципа законности, и обеспечению должного соблюдения прав и законных интересов граждан.

Литература

1. **Волчецкая Т.С.** Учение о криминалистических ситуациях: генезис, современное состояние и перспективы развития // Союз криминалистов и криминологов. – 2019. – № 2. – С. 59–64.
2. **Карлеба В.А.** О понятии «следственная ситуация»: теоретические и практические аспекты // Общество и право. – 2020. – № 2 (72). – С. 78–81.
3. **Ким Д.В.** Криминалистические ситуации и их разрешение в уголовном судопроизводстве: монография. – Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2006. – 206 с.
4. **Стукалин В.Б., Лебедев Н.Ю.** Криминалистические и следственные ситуации // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сборник статей / под ред. С.А. Елисеева [и др.]. – Томск, 2013. С. 163–164.
5. **Драпкин Л.Я., Шуклин А.Е.** Принятие оперативно-розыскных и следственных решений в ситуациях информационной неопределенности, конфликта и риска // Российский юридический журнал. – 2006. – № 3 (51). – С. 89–96.
6. **Солодов Д.А.** Принципы принятия решений следователем в ситуациях конфликта и информационной неопределенности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2009. – № 1 (6). – С. 374–380.
7. **Затолокин А.А.** О соотношении норм административно-процессуального и уголовно-процессуального права // Общество и право. – 2020. – № 2 (72). – С. 105–108.
8. **Дулов А.В., Рубис А.С.** Основы формирования криминалистической теории доказывания: монография. – Минск: БГУ, 2004. – 263 с.

References

1. **Volchetskaya T.S.** Uchenie o kriminalisticheskikh situatsiyakh: genезis, sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya // Soyuz kriminalistov i kriminologov. – 2019. – № 2. – S. 59–64.
2. **Karleba V.A.** O ponyatii "sledstvennaya situatsiya": teoreticheskie i prakticheskie aspekty // Obshchestvo i pravo. – 2020. – № 2 (72). – S. 78–81.
3. **Kim D.V.** Kriminalisticheskie situatsii i ikh razreshenie v ugovnom sudoproizvodstve: monografiya. – Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo universiteta, 2006. – 206 s.
4. **Stukalin V.B., Lebedev N.Yu.** Kriminalisticheskie i sledstvennyye situatsii // Pravovye problemy ukrepleniya rossiiskoi gosudarstvennosti: sbornik statei / pod red. S.A. Eliseeva [i dr.]. – Tomsk, 2013. S. 163–164.
5. **Drapkin L.Ya., Shuklin A.E.** Prinyatie operativno-rozysknykh i sledstvennykh reshenii v situatsiyakh informatsionnoi neopredelennosti, konflikta i riska // Rossiiskii yuridicheskii zhurnal. – 2006. – № 3 (51). – S. 89–96.
6. **Solodov D.A.** Printsipy prinyatiya reshenii sledovatelem v situatsiyakh konflikta i informatsionnoi neopredelennosti // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. – 2009. – № 1 (6). – S. 374–380.
7. **Zatolokin A.A.** O sootnoshenii norm administrativno-protseessual'nogo i ugovno-protseessual'nogo prava // Obshchestvo i pravo. – 2020. – № 2 (72). – S. 105–108.
8. **Dulov A.V., Rubis A.S.** Osnovy formirovaniya kriminalisticheskoi teorii dokazyvaniya: monografiya. – Minsk: BGU, 2004. – 263 s.

(статья сдана в редакцию 02.06.2021)

ИНЫЕ ВИДЫ МАТЕРИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЛИЦ, УПРАВЛЯЮЩИХ АРЕНДОВАННЫМИ
ЭЛЕКТРОСАМОКАТАМИOTHER TYPES OF FINANCIAL LIABILITY OF PERSONS
MANAGING RENTED ELECTRIC SCOOTERS

УДК 342.951

О.И. ВИСЛОГУБОВА,

адъюнкт

(Краснодарский университет МВД России,
Россия, Краснодар)
kiap_krdu@mvd.ru**OKSANA I. VISLOGUBOVA,**

Postgraduate

(Krasnodar University of the Ministry
of the Interior of Russia,
Krasnodar, Russia)

Аннотация: в статье предпринимается попытка научного анализа применения иных видов материальной ответственности к лицам, управляющим арендованными электрическими самокатами. Подчеркивается нерешенность проблем закрепления административно-правового статуса лиц, передвигающихся на средства индивидуальной мобильности, оснащенных электрическими двигателями (лиц, использующих средства индивидуальной мобильности), что, в свою очередь, образует вакуум в праве и детерминирует различные казуистические ситуации, при которых фактическое нарушение Правил дорожного движения остается без наказания. Анализируется правоприменительная практика органов внутренних дел, судебная практика, а также опыт привлечения к иным видам материальной ответственности клиентов краткосрочной аренды автомобилей. Обосновывается возможность применения существующих правовых и организационных механизмов привлечения виновных лиц, арендующих электрические самокаты, к материальной ответственности. Делаются предложения по изменению законодательства Российской Федерации, в том числе по внесению изменений в Правила дорожного движения, а также принятию ряда новых нормативных правовых актов. В завершение статьи формулируются выводы о повышении сознательности лиц, управляющих электрическими самокатами, посредством применения к ним штрафных санкций за нарушения условий договора аренды и Правил дорожного движения. Отмечается что подобная практика повлияет на уровень безопасности на дорогах Российской Федерации.

Ключевые слова: договор краткосрочной аренды автомобилей, штрафные санкции за нарушение условий договора.

Для цитирования: Вислогубова О.И. Иные виды материальной ответственности лиц, управляющих арендованными электросамокатами // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2022. № 2. С. 90–93.

Abstract: the article attempts a scientific analysis of the application of other types of liability to persons managing rented electric scooters. It is emphasized that the unresolved problems of securing the administrative and legal status of persons traveling on means of individual mobility equipped with electric motors (persons using means of individual mobility), which in turn forms a vacuum in the law and determines various casuistic situations in which the actual violation of traffic Rules remains without punishment. The law enforcement practice of the internal affairs bodies, judicial practice, as well as the experience of bringing short-term car rental clients to other types of financial liability are analyzed. The possibility of applying the existing legal and organizational mechanisms of bringing the guilty persons renting electric scooters to financial responsibility is substantiated. Proposals are being made to amend the legislation of the Russian Federation, including amendments to the Rules of the Road, as well as the adoption of a number of new regulatory legal acts. At the end of the article, conclusions are formulated about increasing the consciousness of persons driving electric scooters by applying penalties to them for violations of the terms of the lease agreement and violations of traffic rules. It is noted that this practice will affect the level of safety on the roads of the Russian Federation.

Keywords: short-term car rental agreement, penalties for violating the terms of the agreement.

For citation: Vislogubova O.I. Other types of financial liability of persons managing rented electric scooters // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 2. P. 90–93.

В настоящее время актуальной проблемой для общества является отсутствие законодательного закрепления административно-правового статуса лиц, передвигающихся на средствах индивидуальной мобильности¹, оснащенных электродвигателями (лиц, использующих СИМ). Нерешенность указанных вопросов образует вакуум в праве и детерминирует различные казуистические ситуации, при которых фактическое нарушение Правил дорожного движения² остается без наказания. Подобное положение дел формирует ошибочное общественное мнение о возможности использования СИМ как определенной «игрушки» в нарушение ПДД без привлечения в дальнейшем к ответственности, в результате чего на улицах и дорогах получают ранения и гибнут люди. Так, согласно официальным статистическим данным, количество дорожно-транспортных происшествий с электросамокатами в прошлом году увеличилось на 66%. При этом только лишь за 9 месяцев 2021 г. произошло 416 подобных дорожно-транспортных происшествий, в которых 10 человек погибло и 438 человек было ранено³.

Анализ правоприменительной и судебной практики демонстрирует принятие разнополярных процессуальных решений в отношении лиц, использующих СИМ.

В ряде случаев сотрудники полиции и судьи исходят из того, что статус лиц, использующих СИМ, не определен, поэтому их правонарушения трактуют как нарушение ПДД пешеходом. Примером может служить решение судьи Московского районного суда г. Казани по жалобе на постановление мирового судьи о привлечении к административной ответственности за отказ водителя от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения, в результате которого постановление было отменено в связи с отсутствием события правонарушения. Формальным признаком для принятия решения стало отсутствие законодательного определения электросамоката⁴.

В других же случаях правоприменители, учитывая мощность устройства, на котором пере-

двигается лицо, применяют процессуальные меры к последнему как к водителю мопеда или мотоциклисту. В качестве примера можно привести решение Ленинского районного суда г. Тамбова по делу № 12-260/2017, в результате которого жалоба гражданина о том, что он управлял электросамокатом в состоянии алкогольного опьянения и являлся при этом «пешеходом», оставлена без удовлетворения, а постановление мирового судьи о привлечении к административной ответственности – без изменения⁵.

Отсутствие законодательного закрепления дефиниций [1, с. 19], правовая неопределенность в статусе указанных лиц, а также пробелы в законодательстве, предусматривающем ответственность лиц, использующих СИМ, позволяют им оставаться безнаказанными [2, с. 246], совершать все новые и новые правонарушения, ставя под угрозу жизнь и здоровье иных участников дорожного движения. Государство принимает меры по решению указанных проблем, однако бюрократический механизм внесения изменений в действующие нормативные правовые акты не успевает за масштабным распространением электросамокатов на территории нашей страны.

Основная доля СИМ приходится на гаджеты, представляемые в краткосрочную аренду различными фирмами⁶. Направив развитие рынка кикшеринга в правовое русло, можно ожидать повышения уровня безопасности в сфере передвижения на СИМ. В этой связи обращает на себя внимание опыт регулирования краткосрочной аренды автомобилей, который хоть и является новой тенденцией рынка, но уже успел приобрести соответствующее правовое закрепление и выработать определенную практику привлечения к ответственности лиц, нарушающих законодательство и условия договора аренды.

В целях демонстрации возможных путей решения проблем привлечения к ответственности лиц, использующих СИМ, проанализируем имеющийся опыт в сфере краткосрочной аренды автомобилей и предложим наиболее оптимальные меры, позволяющие снизить опасность рассматриваемой категории участников дорожного движения для окружающих.

Итак, говоря о времени появления каршеринга в России следует отметить, что первая фирма, предоставляющая услуги краткосрочной аренды автомобилей с поминутной оплатой, появилась

¹ Далее – СИМ.

² Далее – ПДД.

³ Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 9 месяцев 2021 года. Информационно-аналитический обзор. – Москва: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2021. С. 23.

⁴ Решение от 26.01.2021 № 12-5/2021 по делу № 5/2-458/2020 [Электронный ресурс]. – URL: <http://Судебные решения. рф/57381243> (дата обращения: 22.10.2021).

⁵ Решение от 12.12.2017 № 12-260/2017 по делу № 12-260/2017 [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/llZ1nUMWmP5e> (дата обращения: 22.10.2021).

⁶ Далее – кикшеринг.

в Москве в 2013 г. [3, с. 55]. В настоящее время фирм каршеринга на территории нашей страны существует более 20. Данные фирмы, как и все конкурирующие хозяйствующие субъекты, пытаются предоставить своим клиентам более выгодные условия, более упрощенную регистрацию, а также качественный автопарк. Отмечая незначительные отличия в тарифах, марках транспортных средств, дальности возможных поездок, все же заметим, что условия аренды автомобилей в большей степени идентичны. К числу подобных условий следует отнести:

1. Прохождение процедуры регистрации клиента на сайте фирмы каршеринга. В эту процедуру входит подтверждение личности пользователя и отправка всех необходимых копий документов. В большинстве случаев к пользованию услугами каршеринга допускаются совершеннолетние граждане, но иногда фирмы устанавливают дополнительные требования по стажу безаварийной езды (например, не менее двух лет), что, соответственно, увеличивает возрастной порог для клиентов.

2. Заключение договора, договора краткосрочной аренды и пользовательского соглашения. После электронной подписи вышеперечисленных документов клиент получает собственный аккаунт, посредством которого он может управлять своими поездками (бронировать, начинать, прекращать или отменять их).

3. Привязка банковской карты клиента к соответствующему аккаунту. Учитывая, что оплата за пользование услугами каршеринга осуществляется безналично (фирмы применяют безакцептное списание денежных средств), то операторы каршеринга устанавливают минимальный порог наличия денежных средств на карте клиента. В тех случаях если денежных средств недостаточно, то в приложении появится уведомление о необходимости пополнения баланса для совершения поездки.

Операторы каршеринга осуществляют проверку данных, содержащихся в аккаунте, после чего принимают решение о предоставлении или об отказе в услуге краткосрочной аренды автомобиля.

При этом, несмотря на определенную новизну рынка услуг каршеринга, проблем с привлечением к ответственности за нарушение ПДД не возникает [4, с. 25]. Анализ правоприменительной практики подразделений по обеспечению безопасности дорожного движения позволяет прийти к выводу, что выявление правонарушителей и привлечение их к ответственности базируется на следующих началах:

1. На все выявленные и зафиксированные на автоматические средства фотофиксации нарушения ПДД, совершенные водителями, управляющими каршеринговыми автомобилями, распространяется правило ответственности собственников транспортных средств, предусмотренное ст. 2.6.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях «Административная от-

ветственность собственников (владельцев) транспортных средств»⁷.

2. Положениями договоров каршеринга (договор, договор аренды и пользовательское соглашение) предусмотрены различные виды материальной ответственности клиентов, в том числе:

– безакцептное списание денежных средств в счет погашения оплаты административных штрафов (непосредственно сумма административного штрафа, налагаемого на собственника транспортного средства за административное правонарушение в сфере безопасности дорожного движения, зафиксированного посредством автоматической фотофиксации);

– административирование штрафов, осуществляемое оператором каршеринга (стоимостная оценка деятельности фирмы по обработке платежей административных штрафов);

– собственные штрафные санкции, налагаемые фирмами каршеринга (перечень проступков, за которые клиент каршеринга может понести материальное наказание, довольно обширен и связан с нарушением условий договора аренды, в том числе в виде нарушения ПДД).

3. Благодаря наличию у каждого клиента каршеринга индивидуального аккаунта и установленной программы не возникает проблем с конечным адресатом регрессных требований по выплате денежных средств за нарушения ПДД. Каждый клиент каршеринга при начале использования автомобиля фирмы «открывает» поездку, а по завершении «закрывает» ее, что отображается в разделе «Личный кабинет клиента» соответствующей программы.

Иными словами, при получении штрафа за нарушение ПДД фирма каршеринга устанавливает, кто в момент совершения правонарушения являлся клиентом, и осуществляет безакцептное списание денежных средств с привязанной к аккаунту карты в счет оплаты вышеперечисленных позиций. Введение фирмами жесткой политики штрафных санкций, а также неотвратимость наказания с применением безакцептного списания денежных средств положительно сказались на статистике нарушения ПДД водителями, управляющими арендованными транспортными средствами. Так, согласно официальным данным МВД России, в 2021 году по сравнению с предыдущим количество дорожно-транспортных происшествий с каршеринговыми автомобилями сократилось вдвое (число происшествий уменьшилось на 47,7%, погибших – на 50%, а раненых – на 46,5%)⁸.

Таким образом, в целях снижения аварийности с участием лиц, использующих СИМ, пред-

⁷ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Гарант».

⁸ Число ДТП с каршерингом в Москве сократилось вдвое [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2021/04/07/reg-cfo/v-dva-raza-sokratilos-kolichestvo-dtp-s-karsheringom-v-moskve.html> (дата обращения: 22.11.2021).

лагаем внедрить в деятельность компаний, оказывающих услуги по краткосрочной аренде электросамокатов, положительный опыт из практики фирм каршеринга, а именно:

- регрессное списание денежных средств с карт, привязанных к аккаунту клиента кикшеринга, в счет погашения административных штрафов;
- применение собственных штрафных санкций за нарушение ПДД клиентом кикшеринга;
- возможность взимания денежных средств в счет компенсации расходов фирмы по обработке платежей административных штрафов.

Реализацию подобных мер следует осуществлять комплексно, наряду с применением иных мер государственного управления в рассматриваемой сфере. О необходимости применения различных мер организационно-правового и экономического характера уже отмечалось в имеющихся публикациях [5, с. 175]. При этом первоочередными среди озвученных ранее мер должны стать:

1. На федеральном уровне определить статус лиц, использующих СИМ, внося соответствующие изменения в Федеральный закон от 10.12.1995 № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» и постановление Правительства Российской Федерации от 23.10.1993 № 1090 «О Правилах дорожного движения».

2. Решить вопрос с идентификацией СИМ (присвоением им регистрационных знаков путем регистрации) в целях осуществления фиксации административных правонарушений средствами фотосъемки, работающими в автоматическом режиме [6, с. 97].

3. Принять единый типовой договор аренды СИМ, придав ему статус нормативного правового акта органа исполнительной власти (например, приказ Министерства экономического развития Российской Федерации).

При условии реализации указанных выше мер привлечение к ответственности лица, использующего СИМ, будет осуществляться по уже отработанному алгоритму привлечения к материальной ответственности клиентов краткосрочной аренды автомобилей. Фирмы кикшеринга будут заинтересованы в погашении оплаты клиентами постановлений о наложении административных штрафов, поскольку в противном случае им как собственникам транспортных средств придется нести убытки, связанные с нарушением ПДД, фиксация которых была осуществлена средствами, работающими в автоматическом режиме. В свою очередь, пользователи краткосрочной аренды электросамокатов перестанут относиться к СИМ как к опасной «игрушке», за использование которой не предусмотрена никакая ответственность.

Литература

1. **Зейналов Ф.Н., Губенков О.Е.** «Управление транспортным средством»: необходимость внесения дефиниции в административное законодательство России // *Вестник Административного права и практики администрирования*. – 2018. – № 1. – С. 18–23.
2. **Сейкин В.Ю.** Защита прав личности при использовании транспортных средств с электродвигателем // *Обеспечение прав человека в деятельности правоохранительных органов: сборник научных трудов*. – Тверь, 2021. С. 243–247.
3. **Глаголева С.В., Коршиков Д.А.** Каршеринг как замена личного автомобиля // *Наука и социум: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции*. – Новосибирск, 2018. С. 51–56.
4. **Калюжный Ю.Н.** Современные проблемы законодательного регулирования использования отдельных видов электротранспорта // *Вестник Административного права и практики администрирования*. – 2019. – № 5. – С. 27–33.
5. **Напханенко И.П., Затона Р.Е., Тишкин Д.Н., Кашаева А.Р.** Некоторые правовые аспекты использования электрических средств индивидуального передвижения // *Экономико-правовые механизмы обеспечения национальной безопасности: сборник материалов V Всероссийской национальной научно-практической конференции*. – Ростов-на-Дону, 2021. С. 175.
6. **Затолокин А.А.** Перспективы развития систем автоматической фиксации административных правонарушений в сфере безопасности дорожного движения // *Полиция и общество: проблемы и перспективы взаимодействия*. – 2019. – № 1 (3). – С. 97–101.

References

1. **Zeinalov F.N., Gubenkov O.E.** "Upravlenie transportnym sredstvom": neobkhodimost' vneseniya definitsii v administrativnoe zakonodatel'stvo Rossii // *NB: Administrativnoe pravo i praktika administrirovaniya*. – 2018. – № 1. – С. 18–23.
2. **Seikin V.Yu.** Zashchita prav lichnosti pri ispol'zovanii transportnykh sredstv s elektrodvigatelem // *Obespechenie prav cheloveka v deyatel'nosti pravookhranitel'nykh organov: sbornik nauchnykh trudov*. – Tver', 2021. S. 243–247.
3. **Glagoleva S.V., Korshikov D.A.** Karshering kak zamena lichnogo avtomobilya // *Nauka i sotsium: sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. – Novosibirsk, 2018. S. 51–56.
4. **Kalyuzhnyi Yu.N.** Sovremennyye problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya ispol'zovaniya otdel'nykh vidov elektrottransporta // *NB: Administrativnoe pravo i praktika administrirovaniya*. – 2019. – № 5. – С. 27–33.
5. **Napkhanenko I.P., Zatona R.E., Tishkin D.N., Kashaeva A.R.** Nekotorye pravovyye aspekty ispol'zovaniya elektricheskikh sredstv individual'nogo peredvizheniya // *Ekonomiko-pravovyye mekhanizmy obespecheniya natsional'noi bezopasnosti: sbornik materialov V Vserossiiskoi natsional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. – Rostov-na-Donu, 2021. S. 175.
6. **Zatolokin A.A.** Perspektivy razvitiya sistem avtomaticheskoi fiksatsii administrativnykh pravonarushenii v sfere bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // *Politsiya i obshchestvo: problemy i perspektivy vzaimodeistviya*. – 2019. – № 1 (3). – С. 97–101.

(статья сдана в редакцию 12.01.2022)

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ НАРКОТИКОВ В ЗАРУБЕЖНОЙ ПРАКТИКЕ: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТОВ

COUNTERING DRUG TRAFFICKING IN FOREIGN PRACTICE: A CRITICAL ANALYSIS OF INDIVIDUAL ASPECTS

УДК 343.9

С.Г. ФЕДОРОВ

(Чебоксарский кооперативный институт
(филиал) Российского
университета кооперации,
Россия, Чебоксары)
sg_fedorov@mail.ru

SERGEY G. FYODOROV

(Cheboksary Institute (branch) of the Russian
University of Cooperation,
Cheboksary, Russia)

Аннотация: в рамках статьи исследуются результаты оптимизации противодействия незаконному обороту наркотических и психотропных веществ посредством легализации отдельных препаратов в ряде самостоятельных субъектов международного права. Устанавливается, что в соответствии с результатами анализа данных официальной статистики, отражающих показатели регистрируемой преступности, подобная практика в целом не способствует снижению наркотизации общества. По итогам анализа аргументов сторонников декриминализации оборота наркотических и психотропных веществ формулируются выводы об их несостоятельности. Осуществляется перспективный прогноз легализации наркотических средств и психотропных веществ. Формулируются выводы о нецелесообразности отказа от действующей практики полного запрета легального оборота любых наркотиков. Предлагаются альтернативные легализации направления повышения эффективности антинаркотической политики. В результате изучения доктринальных источников социологического, медицинского, психологического и иного научного содержания в совокупности с обобщением зарубежной практики противодействия распространению наркотиков определяется целесообразность акцентуализации опосредованной превенции рассматриваемого антисоциального явления. Аргументируются авторские выводы и предложения, содержанием которых определяется потребность пересмотра применяемых инструментов антинаркотической политики. Устанавливается необходимость придания приоритетного характера работы по культурно-нравственному воспитанию населения, которое предполагает неприемлемость употребления любых психостимулирующих веществ.

Ключевые слова: наркотические средства, психотропные вещества, антинаркотическая политика, легализация наркотиков.

Для цитирования: Федоров С.Г. Противодействие незаконному обороту наркотиков в зарубежной практике: критический анализ отдельных аспектов // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2022. № 2. С. 94–96.

Abstract: the article examines the results of optimizing the counteraction to illicit trafficking of narcotic and psychotropic substances through the legalization of certain drugs in a number of independent subjects of international law. It is established that, in accordance with the results of the analysis of official statistics reflecting the indicators of registered crime, such practice as a whole does not contribute to reducing the narcosis of society. Based on the analysis of the arguments of supporters of decriminalization of trafficking in narcotic and psychotropic substances, conclusions are formulated about their insolvency. A long-term forecast of the legalization of narcotic drugs and psychotropic substances is being carried out. Conclusions are formulated about the inexpediency of abandoning the current practice of a complete ban on the legal trafficking of any drugs. Alternative legalization directions for improving the effectiveness of anti-drug policy are proposed. As a result of the study of doctrinal sources of sociological, medical, psychological and other scientific content in conjunction with the generalization of foreign practice of countering the spread of drugs, the expediency of accentualization of the indirect prevention of the antisocial phenomenon under consideration is determined. The author's conclusions and proposals are argued, the content of which determines the need to revise the applied anti-drug policy tools. The necessity of giving priority to the work on cultural and moral education of the population, which implies the unacceptability of the use of any psychostimulating substances, is established.

Keywords: narcotic drugs, psychotropic substances, anti-drug policy, drug legalization.

For citation: Fyodorov S.G. Countering drug trafficking in foreign practice: a critical analysis of individual aspects // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 2. P. 94–96.

Исследование статистических показателей, отражающих количественные и качественные изменения преступности, свидетельствует о том, что в общей совокупности регистрируемых криминальных посягательств значительный удельный вес характеризует совокупность деяний, определяемых в доктрине собирательным термином «наркопреступления» [1]. Более четверти граждан, содержащихся в местах лишения свободы, отбывают наказание за преступления, предметом которых являются наркотические средства и психотропные вещества. Уровень пенитенциарного рецидива среди лиц, совершивших преступление в состоянии наркотического опьянения, составляет около 40% [2, с. 48]. В соответствии с содержанием Стратегии антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года, которая содержит анализ отечественной наркопреступности, наблюдается более чем в 2,5 раза рост числа наркозависимых от новых потенциально опасных веществ и более чем в три раза – зависимость от препаратов с психоактивным действием¹.

Приведенные факты позволяют утверждать об уязвимости реализуемой в настоящее время на территории Российской Федерации антинаркотической политики, что выражается в стабильно высоком негативном влиянии рассматриваемой группы преступлений на охраняемые законом общественные отношения [3]. Несмотря на очевидные тенденции пенализации наркопреступлений, снижения незаконного оборота запрещенных средств и веществ не наблюдается. Наоборот, фиксируется увеличение количества указанных деяний и лиц, погибающих от передозировок и сопутствующих наркомании заболеваний. Изложенное, очевидно, свидетельствует о необходимости оптимизации действующей практики сдерживания экспансии наркопреступности [4]. Это требует работы по устранению имеющихся недостатков, которые главным образом обусловлены тем обстоятельством, что в системе ресурсов, направленных на сдерживание распространения наркотиков, преобладают запретительные меры, что не всегда является оправданным приемом. Перекоп отечественной антинаркотической политики в сторону правовых средств противодействия обусловил тот факт, что наиболее проблемными направлениями осуществляемых в настоящее время антинаркотических мер является социальная и культурно-нравственная сфера. Это требует исследования опыта применения иных подходов к решению рассматриваемой проблемы, в частности, практикующихся в зарубежных государствах,

¹ Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 г.: Указ Президента Российской Федерации от 23 ноября 2020 г. № 733 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 48. – Ст. 7710.

на предмет их возможного заимствования в целях оптимизации противодействия наркотизации общества в Российской Федерации.

В настоящее время наркотики, особенно условно «легкие», в общественном сознании не воспринимаются как абсолютное зло. Более того, их легализация в ряде зарубежных стран культивирует мнение о допустимости их применения среди населения соответствующих субъектов международного права [5]. Нарастающие тенденции подобной практики свидетельствуют о необходимости их критического анализа. Такая работа является необходимой еще и по той причине, что инструменты поощрительного характера, как правило, обладают значительным превентивным потенциалом. Однако это не является общей аксиомой, что требует определенной осторожности с экспериментами, которые могут способствовать наркотизации общества. Соответствующие решения должен предварять детальный анализ аргументов, подтверждающих социальную оправданность подобных приемов. Это позволит с высокой долей вероятности спрогнозировать результаты легализации наркотиков в долгосрочной перспективе, а следовательно, сделать вывод о ее целесообразности в Российской Федерации.

Какими же фактами оперируют сторонники легализации наркотиков? Исследование специальной литературы свидетельствует, что большинство аргументов в пользу легализации наркотиков является различной интерпретацией двух ключевых предпосылок:

1. Право каждого человека самому выбирать, что ему употреблять, как и посредством чего воздействовать на свой организм. Ограничение возможности легального приобретения наркотиков позиционируется сторонниками изложенной позиции как прямое нарушение права каждого человека распоряжаться своей волей.

Подобная аргументация не выдерживает критики по той причине, что условная свобода каждого отдельного человека ограничивается пределами прав и свобод других членов общества. В этой связи необходимо указать на то, что употребляющее наркотики лицо, как правило, характеризуется снижением способности социализироваться, у него снижается либо совсем утрачивается возможность получения легальных доходов. В конечном итоге это приводит к необходимости получения материальных ресурсов посредством совершения противоправных деяний, что влечет нарушение прав и свобод иных членов общества. Следовательно, приведенный выше аргумент характеризуется серьезной уязвимостью и не может служить оправданием легализации наркотиков.

2. Легализация наркотиков фактически будет означать декриминализацию их оборота, вывод из теневого сектора рынка сбыта, что в конечном

итоге обеспечит должный контроль как за количеством и качеством соответствующих средств и веществ, так и за лицами, их употребляющими. В совокупности изложенные обстоятельства минимизируют преступные доходы наркодилеров, а следовательно, будут способствовать снижению их мотивации к незаконному обороту.

Необходимо согласиться, что легализация, с одной стороны, очевидно, будет способствовать декриминализации сферы оборота запрещенных средств и предметов, а с другой – позволит обеспечить соблюдение условно приемлемых показателей качества легально распространяемых наркотиков. Однако это не способствует решению стратегической задачи, выраженной в снижении уровня распространения наркотиков среди населения. Необходимо указать на то, что в условиях полного запрета наркотиков значительная часть общества в принципе не рассматривает возможность их приобретения в целях употребления, в том числе по причине надлежащего уровня правосознания. Однако если допустить возможность приобретения наркотических средств и психотропных веществ без нарушения закона, то несложно спрогнозировать, что значительная часть общества воспользуется возможностью попробовать наркотики без угрозы привлечения к ответственности и для многих людей это закончится не однократным опытом, а перерастет в систематическое употребление. Фактически это можно определить как опосредованное стимулирование употребления наркотиков, что в принципе является неприемлемым. Другим словами, легализация сама по

себе характеризуется значительным потенциалом наркотизации населения.

Приведенные выше контраргументы легализации наркотических средств и психотропных веществ в отечественной практике противодействия экспансии наркопреступлений позволяют утверждать, что соответствующие императивы должны характеризоваться безусловным содержанием и запрет на распространение наркотиков нецелесообразно ограничивать какими-либо исключениями.

В то же время, как было указано выше, запретительные меры в настоящее время фактически исчерпали свой потенциал. Изложенный тезис подтверждается и результатами анализа специальной литературы, в рамках которой рассматривается аналогичная проблематика [6]. Это делает необходимым акцентуализацию усилий научной общественности на изысканиях, содержанием которых является поиск новых направлений профилактики употребления наркотиков, являющегося ключевой причиной совершения всех криминальных посягательств, в совокупности составляющих институт преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков и психотропных веществ.

В частности, по нашему мнению, серьезным превентивным потенциалом в контексте рассматриваемой проблематики характеризуется консолидация основных усилий на пропаганде физического, интеллектуального и культурно-нравственного развития, для чего в числе прочего целесообразно использовать возможности институтов гражданского общества, средств массовой информации, включая ресурсы интернет-пространства.

Литература

1. Федоров А.В. Наркотизм и наркопреступность // Наркоконтроль. – 2018. – № 4. – С. 3–12.
2. Гришко А.Я., Кисляков А.В. Актуальные проблемы исправления осужденных к лишению свободы, больных наркоманией // Пениitenciарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. – 2020. – № 1. – С. 47–57.
3. Баранчикова М.В., Савостикова М.Д. Тенденции развития современного антинаркотического законодательства // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. – 2014. – № 1. – С. 48–52.
4. Глушков Е.Л. Сбыт наркотических средств бесконтактным способом посредством сети Интернет: пути выявления и раскрытия // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2018. – № 2. – С. 45–53.
5. Любарец А.В. Технология пропаганды употребления наркотиков с целью легализации продажи и употребления наркотиков в Европе и США // Дневник науки. – 2020. – № 1 (37). – С. 13.
6. Бражников Д.А., Кийко А.Ю., Маликов С.В. Криминологическая оценка наркоситуации в Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2017. – № 4 (42). – С. 112–116.

References

1. Fedorov A.V. Narkotizm i narkoprestupnost' // Narkokontrol'. – 2018. – № 4. – С. 3–12.
2. Grishko A.Ya., Kislyakov A.V. Aktual'nye problemy ispravleniya osuzhdennykh k lisheniyu svobody, bol'nykh narkomaniei // Penitentsiarnoe pravo: yuridicheskaya teoriya i pravoprimeritel'naya praktika. – 2020. – № 1. – С. 47–57.
3. Baranchikova M.V., Savostikova M.D. Tendentsii razvitiya sovremennogo antinarkoticheskogo zakonodatel'stva // Vestnik Tyumenskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov MVD Rossii. – 2014. – № 1. – С. 48–52.
4. Glushkov E.L. Sbyt narkoticheskikh sredstv beskontaktnym sposobom posredstvom seti Internet: puti vyyavleniya i raskrytiya // Problemy pravookhranitel'nykh deyatel'nosti. – 2018. – № 2. – С. 45–53.
5. Lyubarets A.V. Tekhnologiya propagandy upotrebleniya narkotikov s tsel'yu legalizatsii prodazhi i upotrebleniya narkotikov v Evrope i SShA // Dnevnik nauki. – 2020. – № 1 (37). – С. 13.
6. Brazhnikov D.A., Kiiko A.Yu., Malikov S.V. Kriminologicheskaya otsenka narkosituatsii v Rossiiskoi Federatsii // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. – 2017. – № 4 (42). – С. 112–116.

(статья сдана в редакцию 28.02.2022)

К сведению авторов

На страницах журнала освещаются вопросы юридической науки, уголовного, уголовно-процессуального, оперативно-разыскного, уголовно-исполнительного, административного, миграционного законодательства, передовой опыт борьбы с преступностью в России и за рубежом.

Статьи должны отражать наиболее актуальные темы правоохранительной деятельности, затрагивающие проблемы и предлагающие пути их решения. Статьи, имеющие слабый научный аппарат, к опубликованию не принимаются.

В соответствии с международными требованиями статья должна содержать:

на русском языке: название статьи, фамилию, имя, отчество автора (авторов) полностью, должность, ученую степень и звание. Полное наименование организации (в скобках – сокращенное), город, телефон, электронный адрес. Аннотацию (150–250 слов), ключевые слова (5–7 слов или словосочетаний), список литературы, на которую ссылается автор. Данная информация должна быть представлена на английском языке, за исключением ФИО автора (авторов) и списка литературы, которые транслитерируются.

Текст статьи должен быть набран на компьютере в текстовом редакторе Word, шрифт Times New Roman, размер шрифта 14, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 1,25. Не следует использовать знаки ручного переноса и дополнительных пробелов. Объем статьи 8–20 страниц машинописного текста (стандартная страница – 1800 знаков с пробелами, включая таблицы, рисунки и список литературы). Статья представляется в редакцию в электронном (диск, электронная почта) и распечатанном виде. Файл, содержащий статью, называется по фамилии автора.

Список литературы приводится в конце статьи. В тексте в квадратных скобках указывается номер источника в списке литературы, а через запятую – номер страницы (например, [3, с.25]). Обязательно указываются следующие данные: для книг – фамилия и инициалы автора (редактора), название книги, место издания (город), год издания; для журнальных статей – фамилия и инициалы автора, название статьи, название журнала, год издания, номер, выпуск, страницы (первая и последняя).

Статья должна быть вычитана и подписана автором (авторами) следующим образом: «Материал вычитан, цифры, факты сверил с первоисточником. Не возражаю против размещения моей статьи в электронной библиотеке». Далее ставится дата и подпись. Статьи соискателей, адъюнктов и аспирантов визируются научным руководителем. Редакция оставляет за собой право в случае необходимости редактировать и сокращать статьи. Отклоненные редакцией материалы не рецензируются и не возвращаются.

Направляя статью для опубликования в журнале, автор (соавторы) безвозмездно предоставляет редакции журнала «Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина» неисключительные права на использование данной статьи, в том числе на неограниченное её распространение любым способом, включая создание её электронного варианта для размещения в локальной сети Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина, а также в сети Интернет (на сайте института, в научных электронных библиотеках и т.д.), с целью доведения статьи до всеобщего сведения и выполнения требования ВАК при Минобрнауки России об информационной открытости научной периодики.

Статьи, оформленные с нарушением требований или поступившие после контрольного срока, могут быть опубликованы в последующих номерах журнала по согласованию с автором.

Редакция оставляет за собой право в случае необходимости редактировать, сокращать объем статей и принимать решение о включении их в журнал. Научные материалы, оформленные с нарушением требований или поступившие после контрольного срока, могут быть опубликованы в последующих номерах журнала.

Ответственность за достоверность фактов несут авторы статей.

Научные публикации, включенные в журнал, представляют точку зрения автора на актуальные проблемы правоохранительной и нормотворческой деятельности, которая не всегда совпадает с мнением редакционной коллегии журнала.

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и размещается в научной электронной библиотеке «КиберЛенинка»

eLIBRARY.RU

